

Евгений Сольшко

мешок неприятностей

Annotation

Бывший беспризорник, полицейский, гадалка, купчиха, солдат, князь. Странная компания, задачей которой стоит выжить. Сохранить не только свою жизнь, но и трон для князя.

Мешок неприятностей

Глава 1

Барри.

Барри сидел на своём баркасе уже третьи сутки. Сидел тихо, как мышь. Изображал, будто бы его нет. Конечно, он мог выйти, но громилы Трога тогда его заметут. Это от них он прятался и, по правде сказать, их боялся. Как уже не раз было, они отнимали последние гроши в счёт его долга Трогу, и при этом мяли бока так, что ещё неделю после этого синяки не сходили. Для них это дело привычное, только дай поглумиться да кулаки распустить. Против них, с комплекцией Барри, можно даже и не рыпаться сопротивляться. Можно сразу отдать всё, что есть и даже больше. Их морды ему давно знакомы, как и его личность знакома для них. Примелькались за последнее время. Выйти можно, но тогда нужно отдать долг, а вот это уже проблема, денег нет, и в ближайшем будущем не предвидится. Чтобы добыть эти проклятушие кругляши с дыркой надо выйти, а это на данный момент чревато последствиями для организма, Бьюи и Карг не сводят глаз не только с баркаса, но и с набережной. Для них это привычное занятие, уже не в первый раз они пасут Барри, и всякий раз ему приходится либо прятаться, либо отдавать долг. Прятаться тоже не вариант, потому как они всегда находят его, и вытрясаю всё до последней монеты.

«Вот сколько раз давал зарок не брать в долг у Трога. Ну почему мне так не везёт? Наверное, из-за того, что Луна в начальной фазе, когда всё тёмное с неохотой отдаёт свою власть свету. Откуда я это знаю? Так моя подружка хиромант и может предсказать будущее хоть по руке, хоть по рогам. Я только одного не понимаю, а мне — то она, почему не предсказала неприятности? Ведь не чужой я ей, всего пару дней назад кувыркались в постели. Вот возьми и предупреди! Так нет — «ждёт тебя красотка в розовом платье...» Намекает на себя перед алтарём. Прям, спит и видит меня своим мужем. Конечно, она девушка видная, всякие округлости и выпуклости присутствуют в достаточной мере и без излишеств, но моё нынешнее положение никак не предполагает семейную жизнь. И ведь знает моё финансовое положение, но всё равно продолжает гнуть свою линию» — думал Барри.

Рядом закричал кот, открыл свою пасть и с укоризной смотрел на хозяина, дескать, пора кушать. Видя, что Барри не реагирует на его призыв, кот перебрался поближе, посылая ещё и телепатические сигналы — «немедленно покормить бедное, голодное животное». Телепатический навык развит был совершенно недостаточно и призыв остался без ответа. Кот это понял по своему, как необходимость подбираться ближе к объекту воздействия и перейти на тактильное общение, подошёл ближе и осторожно потрогал лапой по ноге. С едой проблема. Три дня прошли и запасы уже на исходе. Потому и Бьюи с Каргом не уходят, знают, сколько продуктов может вместить ледник. Но тут только разожги печку, как они поймут, что я на баркасе и кинутся дверь ломать и ведь сломают и вытрясут всё, что есть, и чего нет. Ещё и наподдают за здорово живёшь.

«А Нинель может и помочь, только, как её отвлечь от любимого занятия, полировать пилочкой свои рожки. Сразу вспомнилось, как Нинель приобрела новомодную машинку для полировки рожек. Приобрела у бродячего торговца за три серебряка. Сумасшедшая! Не иначе. Могла дать мне, я поставил бы на классную лошадь и удвоил, а то утроил сумму. Так нет, приобрела машинку и сразу её пробовать. Полировать машинка умела, очень даже хорошо умела, только вот проблема, почти сразу намотала волосы на себя. Нинель вовремя

догадалась выключить машинку, а то осталась бы без солидной пряди своих роскошных кудряшек. Пришлось курочить машинку, так как состричь волосы Нинель, конечно, не согласилась. Даже наотрез.

— Пусть я лучше лишусь трех серебряков, чем состригу волосы.

Надо как — то Нинель попросить о помощи, но как? Мордовороты облокотились на тумбу моста и курили, не думая уходить. Им заботиться про то, как добыть деньги на ужин не нужно, Трог платит исправно своим громилам» — продолжал свои невесёлые мысли Барри.

Походив по баркасу, он взял старую навигационную карту и, послунявив карандаш, на обороте написал большими буквами «Отвлеки». Осторожно выглянул в щель между занавесками и приложил карту к окну со стороны фургона Нинель. Она девушка умная, сразу поймет, кого отвлекать нужно, да и нет больше никого на этом проклятом мосту. Осталось ждать, когда она заметит и придумает, как помочь. Пока это не случилось, продолжил смотреть через щёлку в занавеске за Бьюи.

Нинель

Нинель обхаживала новую клиентку, зашедшую на «огонёк». Азартно «ездила по ушам» дамочке среднего возраста с вдовьим кольцом на пальце.

— Ясно вижу всё. — Хиромантка водила своим пальцем по ухоженной ладошке, — придёт сильный и пригожий. Как увидит такую красоту, так и останется, не сможет уйти.

Вдовушка растекалась обширным бюстом по столу и млела от слов хиромантки:

— А когда? Когда случится?

Нинель встала и стала ходить вокруг вдовы и рассматривать её рожки, покрашенные ныне модным блёклым перламутровым лаком. Подумалось, вот заплатит за гадание так и себе куплю такой лак.

— Вижу, очень скоро, а насколько не совсем ясно.

Вдова стала рыться в расшитом бисером кошельке, в котором шуршали и облигации банка, а это очень большие деньги, и звенело весело серебро:

— Я доплачу...

В это время Нинель увидела в окне баркаса призыв о помощи. Мгновенно сопоставив присутствие мордоворотов Трога, ошивающихся возле её фургона, их пристальное внимание за баркасом Барри, она засуетилась, обдумывая свои дальнейшие действия. Нинель встала и стала ходить по фургону, продолжая нести свою привычную околесицу. Вдовушка, видя её усилившуюся активность, спрятала серебрушку и достала монету поменьше, но золотую, соответственно и более дорогую. За такую монету можно целый спектакль разыграть. Сценарий такого спектакля сразу нарисовался в голове.

Нинель выскочила из фургона и забегала вокруг, стараясь обратить внимание Бьюи и его товарища, но они не смотрели на неё. Тогда она стала срывать с себя одежду и когда «засветила» грудь, громилы стали смотреть на действие с открытыми ртами. Из фургона, вслед за ней, выскочила вдова, увидела полураздетую Нинель, стала с сомнением в глазах снимать с себя верхнюю одежду. Громилы совсем отвлеклись от слежки и наблюдали неординарное действо. Вдова сняла жакет и, путаясь в пуговицах, стала расстёгивать блузку, предоставив на обозрение две пышные «дойки». Громилы только присвистнули и зацокали языками, в полголоса обсуждая открывшиеся достоинства.

Под суматоху Барри выскользнул из надстройки баркаса и быстрым шагом, почти бегом, прошмыгнул по трапу на набережную и скрылся в кустах. Побег удался.

Нинель заметила побег, решила, что достаточно отвлекла и стала одеваться сама и помогать одеться вдове. Бьюи пару раз присвистнул, но увидев напарника, глазеющего на полураздетых женщин, дал ему подзатыльник. Вдовушка, находясь под впечатлением полусумасшедшего действия, как сомнамбула двинулась в сторону мужчин.

Нинель подхватила женщину под локоток и повела в свой фургон:

— Это не те мужчины, с которыми у вас будет встреча. Этим громилам нужно совсем другое.

— Но один из них очень даже мне понравился.

— Нет, нет, мадам. Вам только кажется, да и по мосту вы практически не сделали ни одного шага.

— Ага — а! — многозначительно протянула вдова.

Нинель, впоследствии, так и не могла вспомнить, почему сказала такие слова, но слово не воробей, вылетит, не поймаешь. А вылетевшее слово может влететь в ухо, а голова, на котором это ухо крепится, сделает свои выводы.

Барри

Покинув набережную, Барри пошёл в город. Работы как таковой у него не было, приходилось перебиваться случайными заработками. Ноги сами по себе несли в сторону ипподрома. По дороге купил газеты с расписанием забегов на ипподроме. Ставить ставку, денег практически нет, мелочь в кармане только купить чашку кофе и булочку, что он немедленно и сделал. Наслаждаясь, горячим напитком и свежайшей булочкой, сидел на плетёном стуле кафе и обдумывал свои действия по добыче денег.

Денег у него никогда не водилось много, да и откуда им взяться у сироты из приюта монастыря, куда его определил сжалившийся над ним молодой стражник, после облавы на беспризорников. В приюте Барри немного отъелся и пригрелся. Не сразу, но постепенно привык к монастырским правилам, пару раз предпринимал попытки к побегу, но сытная и главное постоянная кормёжка останавливала его. Монашки особенно не баловали его и воспринимали как естественную обузу их монастырю. Но при этом старались отучить от привычек беспризорной жизни, хотя это было не просто.

Больше всего с ним возилась сестра Агнесса, совсем молодая женщина, даже можно сказать девушка. Она взяла на себя обязанности по воспитанию Барри и подходила к этому с особой строгостью. Не раз и не два она награждала его ударом деревянной линейки по рукам, когда он допускал ошибки, приговаривая:

— Мальчик, ты забыл, что имя нашего князя пишется только с большой буквы. Это ты невесть от кого родился и твоё имя можно писать как угодно, а будь моя воля, то и вообще никогда не писала. Потому и фамилию тебе придумали в соответствии с тем, как ты выглядишь.

Этим сестра Агнесса намекала, что фамилия Каннасон, это на одном из наречий означает «кляча» или просто лошадь-доходяга. И всегда улыбалась, когда произносила его фамилию. Барри часто думал про себя, что именно она и придумала для него такую фамилию, чтобы и в документах было ясно, что он ни кто иной, как подзаборная шваль.

Едва выучив Барри читать, сестра Агнесса стала давать ему молитвенник и не дай бог, он протягивал немые руки к книге.

— Заморыш! А ты руки никогда не моешь? За такое святотатство, как хвататься за священную книгу грязными руками, ты будешь читать её стоя на коленях.

После умывания рук и за одно лица, сестра Агнесса ставила Барри на колени в угол. Он,

заливаясь слезами, бубнил тексты молитв, обращаясь к каменным стенам, а сам думал про то, как он отомстит противной Агнессе за свои страдания, и всё потому, что сестра специально насыпала на пол ребристую крупу, которая впивалась в голые коленки, вызывая острую боль.

— Стой и не вздумай шевелиться — шипела монашка, размахивая толстой указкой прямо перед его лицом. — Ты не справляешься со своей работой, не учишь уроки, не утруждаешь себя молитвами, воруеть овощи с грядок и ешь их не мытыми. Да ты сам скоро станешь землёй.

Барри смотрел в книгу, а беззвучные слёзы текли ручьём, не давая разглядеть текст на странице, капали на страницы старой книги, оставляя влажные следы детской обиды на несправедливость этого мира. За эту оплошность следовало очередное наказание.

Другие сёстры относились к маленькому заморышу не в пример лучше. Со временем Барри понял, что он является своеобразной отдушиной для женщин в их нереализованном материнстве и стал этим пользоваться. То от одной, то от другой монашки ему перепадало по кусочку вкусовости или скупой ласки, в виде поглаживания по голове. По прошествии нескольких лет он научился очень хорошо читать и считать, а это уже немаловажно в нашем мире. Но всё хорошее, когданибудь кончается. Едва достигнув шестнадцати лет, как Барри пнули под зад коленом, отправив в большой мир самостоятельно добывать себе пропитание так как дальнейшее пребывание в женском монастыре уже накладывало совсем другие ограничения в соответствии с возрастом.

Сёстры в монастыре, по большей части, заставляли молиться Единому Богу и ухаживать за цветами и овощами. За стенами монастыря такие умения не особенно в ходу. Нанимать на работу его никто не спешил, а кушать хотелось всегда. Пробавляясь случайными заработками, он протянул пару лет, а затем подался в город, считая, что там он сможет найти себе работу и пропитание. В городе хватало своих бездельников. Становиться попрошайкой не давала гордость, но постоянной работы и в городе не нашлось. Пришлось осваивать простую, но весьма опасную профессию вора. Слава Единому, никогда не попадался по крупному, а то королевская каторга быстро извела бы со свету, как многих его приятелей. Но и малых неприятностей хватало, чтобы отучить воровать. Пара сломанных рёбер не дают забыть науку, которую преподали торговцы, у которых он своровал парочку булок.

К двадцати годам он перепробовал уйму профессий. Помимо краткосрочных наймов на работу, стал пробавляться игрой на скачках. Особенных успехов это не принесло, хотя и были хорошие ставки, которые позволили прикупить недорогой баркас и поселиться в нем, благо за стоянку на реке не требовалась плата. Так уж повелось в княжестве, плату за землю брали, за постройку тоже брали, а вот на реке плату за стоянку судна и проживание на нём не взимали. Этим многие пользовались, стараясь сэкономить на налогах. Барри посчитал, что это неплохая идея, и как только подвернулся случай, приобрёл старый баркас, на котором он и проживал постоянно, не беспокоясь за налоги и деньги. У той же Нинель фургон стоял на земле и её частенько проверяли налоговики, на предмет уплаты налога за землю. Свой баркас Барри «припарковал» прямо у моста, заякорив носовым и кормовым якорями, для верности ещё и принайтовав к вбитому в дно толстому бревну. По перекинутым сходям мог выйти на берег, не запачкав свои штiblеты, так как набережная у моста была забрана в гранит.

Он продолжал знакомиться с жокеями, хозяевами конюшен и, в конце концов, понял,

ставку можно ставить только на верную лошадь. С этим была проблема. Кто просто так будет делиться денежной информацией. Но слава знатока лошадей осталась и некоторые обращались за консультацией. Консультация консультации рознь. Сегодня у Барри родилась идея, которую и стал проводить в жизнь.

Проходя рядами торговцев на рынке, он внимательно рассматривал программу забегов, когда подошёл знакомый хозяин одной лавки:

— На кого посоветуешь поставить, Барри?

Посмотрев по сторонам, Он приблизился к торговцу и наклонился к его лицу, чуть не проткнув себе глаз его длинным носом.

— Есть информация. Информация сугубо секретная. Только мне нельзя делать ставку. Если я воспользуюсь, то меня сразу вычислят и мне крышка.

— Ты только скажи, а я поставлю за тебя. Главное, информация должна быть достоверной, — на его лице выступили красные пятна от возбуждения

— Скажу, но десять процентов выигрыша мои, идёт? — Барри забросил пробный шар азартному торговцу, и он его немедленно «проглотил», даже стал быстро перебирать ногами от переполнявшего азарта.

— Идёт.

Отойдя на приличное расстояние от лавки торговца, Барри достал вторую газету с программой забегов и сделал пометку, округлил озвученную лошадь и написал имя сделавшего ставку.

К вечеру первый забег был расписан полностью, за каждой лошадью был записан свой претендент на победу. Осталось только ждать, какая лошадь придет первой на завтрашнем забеге.

Весёлое времечко — ждать и догонять.

Уже вечером, после бесплодных попыток найти хоть немного денежек, Барри осторожно пробирался в темноте к фургону Нинель. Три дня на баркасе в одиночестве, кота во внимание не принимать, это три дня. Без женщины. Да и кушать хотелось, а из фургона Нинель доносилось позвякивание кастрюль. На его стук в дверь позвякивание и шорох прекратился, что — то упало и разбилось, послышались проклятья в адрес посетителя и испорченного ужина.

— Какого чёрта, Барри? — Нинель приоткрыла дверь, распахнуть которую не дала внутренняя цепочка. — Шляешься среди ночи, спать не даёшь.

Такого приёма он не ожидал и только потянул носом запахи. Нинель заметила его телодвижения и как отрезала:

— Не сегодня. Ты понял?

— А — а-а!

Нинель сунула парочку монет и захлопнула дверь. Прямо перед носом. Ну и ладно. Пара монет это ужин и полноценный завтрак, а завтра будет уже другой день и другие заботы. Его размышления прервали цепкие руки, которые закрыли рот и мгновенно выхватили деньги из рук.

— А говорил, нет денег. Вот и долг отдал, — просипел на ухо Бьюи, который подкараулил Барри — остались проценты и наша с напарником оплата. Твой должок ещё три медяка.

Проворные руки прошли по карманам, выудили несколько монет, что остались после кофе и булочки. Отсчитав свою долю, мордovorоты швырнули на землю оставшиеся медяки

и растворились в полумраке. Свою работу на сегодня они выполнили. Барри же пришлось поползть по земле, стараясь найти и собрать монеты. В это время за дверью фургона слышался смешок. Ну, Нинель, я тебе это ещё припомню. Отряхнув пыль со своих брюк, Барри направился на баркас.

Открывая дверь в надстройку, оглянулся назад. По мосту, в неясном свете Луны, медленно шла женщина. Всё бы ничего, но она шла с оголённым торсом, предоставив на обозрение свою голую грудь. По правде сказать, кроме Барри других свидетелей такого занимательного действия в округе не нашлось. Рассмотреть её в полной мере не получилось, мешало ограждение и перила моста. Пока он пытался рассмотреть «прелести» неизвестной, как в приоткрытую дверь ломанулся голодный кот, который мимоходом царапнул по ноге. Проводив его взглядом, обернулся посмотреть на мост. Фигура уже исчезла. Сквозь ограду перил просматривались только деревья на другой стороне моста. Ветер шевелил ветви, создавая иллюзию, как будто кто — то идёт по мосту. Привидится же такое. Ну, да! Три дня без женщины.

Кот отправился на поиски провизии самостоятельно. Надеяться, что он принесёт что — то и хозяину, не стоило. Поэтому приготовил мысленно себе яичницу из двух яиц, оставив два яйца на завтрак, и завалился спать голодным. Ну, так, не привыкать.

Утро ничего хорошего не принесло. Едва Барри вышел на палубу, как вляпался в кошачью блевотину, поскользнулся и размазал её по всей палубе. Надо полагать, ночная охота у кота была не очень удачной, с голодухи нажрался всякой гадости на помойке и теперь страдает желудком. Ещё одна проблема на многострадальную голову Барри. Надо сказать, своего кота он любил. Подобрал его с помойки, он давно его пригрел у себя, став его семьёй. Дал ему звучное имя за роскошные усы — Корнелиус. Ему казалось, это он исправляет свою судьбу и даёт коту новую, более сытную жизнь. Правда, три последних дня опровергают это утверждение. Что поделаться! Форс — мажор.

Вскоре нашёлся и сам кот. Выглядел совсем не презентабельно, ему было ну очень плохо, во всяком случае, так показалось. Пришлось взять его в охапку и пойти к знакомому ветеринару на ипподром.

— Барри! Я лошадиный доктор и специализируюсь на крупной скотине, а твой котик даже меньше лошадиной головы втрое. — Взмолился ветеринар, на просьбу полечить кота.

— Я не прошу тебя его оживить немедленно.

— Он что, уже умер? Тогда тем более. Я не умею поднимать мертвецов, ни лошадей, ни людей, ни котов. Ты слишком меня переоцениваешь. И даже если бы мог, то не стал, нет у меня лицензии на такую деятельность.

— Ну, ты же можешь дать какое нибудь средство, чтобы его пронесло, но от этого он не умер. Ну и чтобы он немного порезвее ходил или бегал.

— Этого у меня сейчас как грязи, — ветеринар подошел к одному ведру и набрал пипетку лекарства, — Сегодня полежит, а вот завтра только держись! Даст копоту как молодой матрос после полугодового плавания.

Это заявление лошадиного доктора навело Барри на определённые мысли, и пока ветеринар выталкивал его из своего закутка, он успел прочитать на ведре название лошади — «Ловкий Джек». Ага! Это лошадь для завтрашних забегов и её накормят допингом. Это шанс рискнуть. Доктор взял кота и вышел в подсобку, где накапал в рот коту из пипетки, попридержал его морду, что бы сглотнул.

Быстро заглянув в расписание забегов, определив аутсайдера второго забега, Барри

перелил жидкость из ведра «Ловкого Джека» в ведро с надписью «Киллар». Вот теперь и рискнуть можно на бегах, только рисковать совсем нечем. Приходится констатировать полное наличие отсутствия наличности. Найти денег надо до завтрашнего утра.

Проверив результаты сегодняшнего забега, и определив победителя вчерашней своеобразной лотереи, направился к нему. Но тут ждал полный облом. Торговец пожадничал и практически ничего не поставил, чему очень огорчился, правда, в компенсацию за свою жадность, отвалил Барри килограмма три отличной говядины. Хоть что — то при скудных капиталах, или вернее, при полном безденежье.

Занимать денег у Трога, это последний вариант, да и врятли даст, учитывая финансовое положение Барри. Есть ещё и предпоследний вариант, Али — духанщик. Пройдоха и скупердяй, но по слухам является главой местных южан, которые торгуют на рынке. По слухам, он так же является и негласным банкиром торговцев с юга. Но Барри не южанин. Даст или не даст? Не девочка же, даст! Только под процент. Решено! Надо идти к Али на поклон.

Жером

— Дорогой мой Жером!

Разговор не нравился, от слова совсем. Когда шеф начинает сюсюкать и называть по имени елейным голосом, это сулило неприятности. Жером немного отвлёкся и пропустил часть разговора.

— ... и я подумал, а кто у нас в участке является самым лучшим? Естественно сразу подумал о вас, мой дорогой Жером. Поэтому вам выпала эта почётная миссия. Показать работу нашего отдела, подготовить молодую смену, так сказать, влить свежую кровь нашим ветеранам. Чтобы и в магистратуре о нас говорили только в положительном ключе.

Жером совсем потерял нить разговора и только кивал головой, глядя на его жирные губы. Не иначе обедал у себя в кабинете, когда Жером пришёл.

— Вот и отлично! Приступайте немедленно. Наше будущее ждёт вас в вашем кабинете. Я заранее знал, на вас можно положиться и отправил племянника нашего мэра в ваш кабинет.

— Какого племянника?

— Мэра. Нашего. Вы, что не слушали меня?

— Я полностью с вами согласен, только сомневаюсь, что выпавшее мне счастье точно таковым и является.

— Не сомневайтесь! Берите и учите его, натаскивайте как борзого щенка. Он конечно молод, но мэр за него поручился, даже обещал выделить дополнительные фонды нашему участку, а это уже кое-что.

Шеф подталкивал Жерома к выходу и всячески старался избавиться от Жерома, наверное, жаркое стынет. Пришлось подчиниться. Как Жером уже догадался, мэр всучил своего непутёвого родственника, с целью получить из него нормального человека. Наверное, совсем пропащий, раз отдали в полицию на перевоспитание. Жером быстро шёл по коридору участка, здороваясь с коллегами. У него стало портиться настроение, и оно испортилось полностью, как только он увидел этого недоросля. Мальчишка лет восемнадцати, с длинными рыжими волосами, развалился в его кресле и самозабвенно листал газету, правда, не читал, а рассматривал только картинки. Дебил!

— Дай сюда! — Жером выхватил газету из рук и за шкирку вытащил пацана из кресла.

— Я направлен к вам для прохождения службы. — Проблеял мальчишка, пытаюсь

привести свою одежду в порядок, но при своей неуклюжести у него это не получалось.

— Да не тянись ты так, Шкет, не в армии, но и не наглей, не у дядюшки. — Намекнул пацану на его родословную.

Парень нахмурился:

— Дядюшка сбагрил с глаз долой, лишь бы успокоить мою мамашу, и я не шкет, я Мозес. — при этом парень умудрился свалить кипу папок с делами и даже не подумал их собрать.

— Собирай папки, клади на место и пошли на прогулку. Будем, Шкет, знакомиться с участком.

Уже на улице он нагнал Жерома и пошёл рядом, инфантильно разглядывая прилавки и разложенные товары. Ну — ну. Пусть смотрит, только что он там высмотрит.

Торговцы переговаривались на своём языке и улыбались Жерому, как старому приятелю. Узнают! Ну, так он на этом участке не первый год. Вот только отвернулся, и Шкет куда — то запропастился, пришлось остановиться и высматривать его рыжую шевелюру. Дал же Единый помощника! Несуразный, неуклюжий, тощий как фонарный столб, да ещё и рыжий. Хорошо, не смеска, а то рожки из рыжей шевелюры точно привлекали бы всех дамочек в округе.

Не прошло и пяти минут, как он объявился рядом и стал внимательно смотреть в глаза. «Значит, что — то высмотрел. Ну — ну. Узнаю себя в первый день службы, тоже повсюду казались воры, грабители и насильники, а женщины все были поголовно проститутки и воровки» — подумал Жером, свернул в переулочек и уселся в кафетерии.

— Давай уж, рассказывай, чего высмотрел. — Он сделал глоток кофе и собрался расслабиться.

— Торговцы собирают наличные для отправки на родину. — Жером поперхнулся вторым глотком. Такое так просто не узнать.

— Как узнал?

— Так они в открытую про это говорят между собой. Сегодня вечером Али — духанщик собирает деньги для переправки за границу.

— Так уж и при тебе говорят?

Мальчишка насупился:

— Папаня, в своё время, получил назначение на южную границу. Пока он гонял контрабандистов по округе, я гулял со своими сверстниками во дворе. Много времени проводил в компании южан и понимаю по — ихнему, только вида не подаю.

Подумалось, а парень то, талант! Понял, о чём говорят и виду не подал. В первый день узнать такую информацию, просто проходя мимо, несомненно, талант.

— Пошли дальше по участку.

— А может вернуться и всё рассказать. Это большие деньги и без налога.

— Не будем отклоняться от маршрута, чтобы не показать, что нам стало что — то известно, да и деньги ещё не собрали. Вечером нагрянем к духанщику, личность известная и не без грешков.

Дальнейшее патрулирование прошло без эксцессов. Шкет рассматривал витрины и прилавки, вопросов не задавал и вёл себя как обычный парень. «И чего я на него окрысился, не понимаю? Наверное, от разговора с шефом осадочек остался. А информацию Шкет добыл, шик блеск красота! А так посмотреть, дебил дебиллом».

Барри

Пока таскался с котом, пока сверял, какие ставки на «Киллара» и какие прогнозы на эту доходягу, так уже и вечер наступил, даже перекусить времени не нашлось. «Ничего, вернусь на баркас, а там кусок мяса лежит — дожидается, жаркое будет первый класс. Нинель приглашу на ужин, буду заглаживать вину за поздний визит, хотя я и не гладиатор. Чтобы только гладить женщину. Она девушка видная, да что там говорить, она мне нравится. Интересно, а я ей нравлюсь? Может статья, я у неё мимолётное увлечение. Хотя нет! Замуж уж очень хочет» — Барри предавался мечтаниям.

В раздумьях и не заметил, как подошёл к ресторану Али. Кричащие краски и такая же кричащая музыка, всё в угоду основным посетителям этого места. Запахи специй и жареного мяса. Пристроился за углом понаблюдать за входом. Что — то оживлённо сегодня у Али, посетители так и снуют. Туда — сюда. Ничего не заказывают, только зайдут и тут же выходят. Странно. Что — то затевается.

В подтверждение этих слов из подворотни побежала городская стража и стала ломиться в мгновенно закрывшуюся дверь. Стражники с азартом и матерком, ломали дубовую дверь. Тут становится жарко, надо сматывать удочки. Недолго думая Барри завернул за угол и оказался напротив задней стены духана, но не во дворе, а в маленьком переходе за забором. Окно под самой крышей открылось, оттуда вылетел мешок, который шлёпнулся прямо под ноги. Нагнувшись, Барри его подобрал и шмыгнул за угол. Однако, этот манёвр заметили, потому как рядом прожужжала стрела из самострела, дёрнула за полу пиджака и бок нестерпимо заболел. Сунул руку под пиджак и почувствовал сочащуюся кровь. Чёрт! Подстрелили! Хорошо хоть по касательной.

Жером

Налёт на нелегальный банк закончился ничем. То ли кто предупредил, то ли успели переправить наличку в другое место, а может просто информация была ложной. Пока городская стража топала казенными башмаками по комнатам и всё переворачивала вверх дном, Жером со Шкетом поднялся в кабинет Али. Лощёное пухлое лицо тряслось от возмущения и грозилось всевозможными карами, начиная от «я тебя запомнил», до «господин мэр будет недоволен». А начхать на угрозы «смески», и Жером и Шкет таковыми не являлись, а вот Али и его окружение было сплошь и рядом «смески».

— Будешь угрожать, рога обломаю — беззлобно бросил инспектор и рассмеялся собственной шутке. Шкет рядом хрюкнул ради приличия. Внимание привлекло распахнутое окно и приставленный к стене разряженный самострел. Это явно неспроста.

— Чьё оружие? — Шкет влез в разговор из — за спины, но замолчал после удара локтем инспектора.

— По птицам иногда стреляю. Не запрещено. Они у меня весь сад исклевали, ни одного целого фрукта не осталось.

Не слушая возбуждённой болтовни Али, и не обращая внимания на угрюмые взгляды его сопровождения, Жером взял самострел. Покопавшись во внутреннем кармане куртки достал магический амулет, изготовленный магом из управления полиции страны, ценнейшая вещь однако, чистое серебро и горный хрусталь. Отполированный кристалл амулета показывал прошлое. Посмотрел на самострел магическим взглядом. На ложе проявилось изображение болта, значит, стреляли совсем недавно, изображение получилось чистым, можно рассмотреть даже мелкие детали. Проследив направление возможной стрельбы, вышли во двор, но до стены соседнего дома не дошли, забор хоть и был рядом, но не впритык к стене. Там есть место, чтобы пройти. Пришлось обходить дом по кругу, пока нашлась узенькая лазейка для одного. Вот тут их ждал нежданчик. В глинобитной стене, утопая почти на всю длину, нашёлся болт самострела. Не без труда выдернув болт, рассмотрел следы крови на одном переконечника. Кому — то пришлось не сладко. Магический взгляд выдал размытый образ сороки. Облом. Старый болт.

Барри

Вот так, с мешком под мышкой, зажимая рану рукой, улепётывал Барри со всех ног с места преступления. То, что это преступление, видно невооружённым взглядом, а иначе кто бы стал стрелять без причины. Свернув в маленький переулок, сбавил темп и стал думать над дальнейшим своим поведением. Искать мешок будут. И не только владельцы, но и детективы из стражи. О чём только думал, когда мешок подобрал? Это же пересечение интересов мафии и стражи. А, кстати, что в мешке? Прижав мешок к пораненному боку, прощупал своё нечаянное приобретение. Рука сразу нащупала плотную упаковку. Это не иначе деньги, и скорее всего банкноты, прощупал мешок ещё и наткнулся на мешочек с кругляшами. Хорошо, это монеты, а они не имеют адреса владельца. Ай да Али, ай да обманщик. Прикидывается вечно с финансовыми трудностями, а сам ворочает миллионами.

Не заметил, как добрался до набережной. Когда отвлёкся от раздумий, то понял, что стоит возле Меликового моста, осталось только спуститься к пирсу и он на баркасе. Оглянувшись по сторонам, стал осторожно идти по мосту. Уже на середине почувствовал,

что — то идёт не так. На подходе к мосту из полумрака нарисовалась женская фигура и двинулась навстречу. Не сразу, но понял, что ему показалось странным, не то, что женщина ходит ночью без сопровождения, а то, что она шла обнажённой. Ну не совсем конечно, но верхняя одежда расстёгнута, блузка отсутствует и в полумраке эротично, в такт шагам, отсвечивает и подпрыгивает открытая грудь, без признаков всякого белья. Чёрт! Опять галлюцинации от длительного воздержания. Или нет! Шаги женщины стали отчётливо слышны в тишине. Оба — на! Так это не галлюцинации! Это на самом деле полуобнажённая женщина. Только этого не хватало. Сделав над собой усилие и ускорился. Когда до женщины оставалось ещё метров тридцать, свернул на набережную и быстро спустился к баркасу. На мосту послышался явственный вздох сожаления. Что это было?

Проследив в щёлочку между занавесками за странной женщиной увидел, что после моста она уже одетая зашла за угол. Потом послышался удаляющийся стук лошадиных копыт. И тишина!

На мгновенье пришла мысль немедленно пойти к Нинель, но промокшая от крови рубашка несколько охладила любовный пыл. Секс это хорошо, но с дыркой в бочине это будет уже экстремальный секс. Да и потом мешок Али — духанщика, а это, несомненно, его мешок, требовал немедленного решения. По трапу застучали чьи — то шаги. Недолго думая тихо вышел на палубу и привязав верёвку опустил мешок за борт. Немного побулькав, мешок опустился на дно. Золоту и серебру от воды ничего не будет. Он ещё только привязывал верёвку к ограждению борта, когда почувствовал неладное. Быстро завязанный узел распустился, и мешок ушёл на дно без страховки. Рассмотреть, что с мешком не дал звук шагов по сходням. Пришлось поторопиться. Выглянул, кто там и встретился глазами с Нинель.

— Ты меня прости, — начали они одновременно и сразу замолчали. Никто не стал продолжать разговор и ждал реакции другого. Нинель посмотрела совсем жалостливо и Барри рассмеявшись, обнял её, зная её пристрастия, наклонился к её шейке, согрел своим дыханием. Провожая Нинель в каюту, бросил взгляд на округу и опять увидел удаляющуюся фигуру женщины на мосту. Привидение это или живой человек уже не хватило времени, так как его дёрнули внутрь руки Нинель. Соскучился не только он один.

Вспомнив про дырку в боку, под предлогом взять немного вина, прошёл на камбуз и по — быстрому смыл кровь и залепил пластырем. Сменил рубашку и прихватил бокалы, разномастные, но стеклянные, как раз для такого случая и припасённые. Подвигал торсом из стороны в сторону. Пластырь держится хорошо, немного больно, но терпимо.

Нинель шмыгнула своим носиком и поскребла ноготками рожки.

— Ну, ты где? Только не говори, что есть что — то важное и неотложное. Я уже устала ждать.

Утром проснулся от стука в дверь. Нинель заглянула в каюту, уже при полном параде. Принесла огромную сковородку с дымящимся мясом и тарелку с двумя ломтями хлеба.

— Ножей у тебя не нашла, хорошо, мясо свежее.

Сказала так обыденно, как будто и не выматывала всю ночь секс — марафоном. Вся такая приличная и деловитая, будто всю жизнь жила на баркасе. Хотя и заметил, глазки сверкали всё же хитрым и довольным блеском. Не девушка, а леденец на палочке. Она хитро подмигнула ему, улыбаясь. Глаза её сверкнули в свете пламени свечи, и Барри показалось, что она снова шлёт знаки, демонстрируя свой интерес.

Али

Стража, перерыв всё на кухне и не найдя ничего предосудительного ушла, грозя всеми карами небесными. Али — духанщик ждал своего подмастерья, посланного за мешком. И его тревога нарастала всё сильнее и сильнее. Наконец посланец появился и развёл руками. Мешка не нашлось. Али разошёлся не на шутку. Он плевался и кричал, пинал посланца своими башмаками без задников, уронил несколько стульев и наконец, немного стал приходить в себя. Притянув за ворот халата своего старшего над охраной, просипел сорванным голосом:

— Найди подлеца, который утащил мои деньги, ибо, если общинные деньги не найдутся, отдавать придётся мне. Свои кровные. А я постараюсь взять их с вас. Да — да! Со всех вас. Обдеру как липку, заставлю продать исподнее, отправлю ваших жен на панель, но деньги соберу. Это вы все просрали целый миллион дукатов и только с вас я буду их брать. Найдёте, ваше счастье. Сроку вам даю три дня.

Угрозы Али были весомыми, так как уже были прецеденты и виновные пожалели, что выступили против своего хозяина. Охрана разбежалась в поисках хоть какой — нибудь информации.

Жером

Обыск у Али — духанщика ничего не дал. Жером с нескрываемым раздражением смотрел на Шкета, который съёжился под его тяжёлым взглядом. За перегородкой слышался тяжёлый рык начальника. Получив втык от мэра, он сейчас распекал стражу за неповоротливость. К гадалке не ходи, Шкет рассказал всё дядюшке как было, да ещё и приукрасил, наверное.

Наконец в комнату дознавателей зашёл шеф с красным, как свекла, лицом и стал ходить перед нами. Шкет встал рядом и попытался принять стойку «смирно», только не получилось. Длинные руки свисали как плети, взгляд уперся в пол, не хватало только ковыряния ботинком паркета.

— Жером! Голубчик! — плохое начало разговора, тем более, «голубчик» на жаргоне означает принадлежность к определённой группе людей, да и «смесок» тоже. — Как вы, со своим опытом, могли повестись на непроверенную информацию? — Ответить не пришлось, так как шеф продолжил. — Мэр не стал давать огласку этого происшествия, только по тому, что ему донесли... — Жером скосил взгляд на понурюю фигуру Шкета, — стража несколько не таилась, шла чуть ли не как на параде. Вот и вспугнули крупную рыбёшку.

Шеф побегал на своих кривоватых ножках по кабинету:

— Так же, сегодня, мэру донесли из проверенного источника, что Али стал искать какую — то пропажу. Даже объявил награду — жизнь родных и близких из службы охраны. Как оказалось у простого духанщика есть личная охрана, а это уже подозрительно. — Шеф помахал своим пальцем в потолок, посмотрел вверх и продолжил, — размер награды, кхе — кхе, в купе с наличием личной охраны, наводит на мысль, информация всё же была верной. Нам, то есть вам, предстоит разобраться с этой головоломной и выяснить, чего такого потерял Али.

Цвет лица шефа пришёл в норму, он перестал плеваться слюной.

— Хорошо, ещё мэр не знает всех подробностей прошедшей операции. Доносить выше он не будет и ждёт результатов.

Оказывается Шкет ничего не говорил родственничку! Это хорошо. Наверное, они сработаются, только учить его надо и учить. Шкет поднял голову и стал искоса поглядывать на Жерома, чтобы его подбодрить он подмигнул ему и стал заверять шефа,

мол служба дознавателей оправдает доверие и разберётся с запутанным делом. Шеф махнул своей рукой, толи, соглашаясь со сказанным, толи, просто отмахиваясь от его слов, выбежал из кабинета.

— Пойдем, Шкет, позавтракаем.

При этих словах Шкет зарделся как девушка и сказал, — Я не голоден.

Это что такое? Он где — то уже отметился или у него, как у бедного родственника, нет денег? Скорее всего, второе, учитывая, что дядюшка пристроил его не в такое уж «тёплое местечко». На вопрос Шкет тряхнул своей рыжей головой вроде как, не соглашаясь, но потом предположение подтвердилось сдержанным кивком.

— Пойдём к Али. Позавтракаем, может чего и разузнаем.

Шкет поплёлся за мной с удручённым видом.

Али встретил их как дорогих гостей. Это было ему не свойственно. Не случилось ли чего уж совсем непотребного? Им выделили столик у самого окна, на сквознячке. Али заливался соловьём, это и понятно, ничего не нашли, это раз, и что — то ему нужно, это два.

— Проходите, присаживайтесь, дорогие гости! — Али без приглашения сам плюхнулся на стул напротив и стал покрикивать на служанок, — Пошевеливайтесь, дармоеды. — Повернулся к нам — Это не про вас, дорогие гости.

Хотя Жером стал подозревать, всё же про них. За завтрак Али сразу сказал, что платить не нужно.

— Дорогой Жером и ... — духанщик взглянул на спутника.

— Шкет — удивил Жерома напарник своим ответом, духанщик только крикнул. Вот так Шкет сразу и принял кличку. Ну да ладно, это его дело как называться.

— Э...Шкет. — Али пожевал губами воздух, — У меня обнаружилась пропажа. Я человек не настолько богатый, чтобы не обращать внимания на столь мелкую пропажу, поэтому прошу вас рассмотреть вопрос с поиском этой пропажи.

Жером внутренне напрягся, неужели сразу выложит информацию о пропаже? Ага, сейчас!

— У меня пропал один из моих поваров. Вдруг взял и не пришёл на работу. Может вы, что — то знаете о нём? Пропало ещё кое — какие товары, а это уже не просто так. Я в долгу не останусь, вы только найдите мерзавца.

— Вот так вот сразу и мерзавец? — Жерому стало интересно, рейд стражи, пропажа чего — то ценного, исчезновение повара. Темнит Али и хочет, что бы мы нашли его пропажу или навели на след этой пропажи.

— Конечно, я может и поторопился, назвав его мерзавцем. Но вы сами посудите, продукты на рынке дороги. Продав товар, он получит неплохую прибыль, которая поможет ему уехать из города.

Настроение немного испортилось. Заверив Али, что приложат все силы к поиску пропажи, они по быстрому съели завтрак и двинули на обход.

— Ты ему веришь? — Шкет перешёл на шёпот, как только они вышли во двор.

— Чего шепчешь?

— За нами следят...

— Не удивительно. Пособники Али решили, будто мы вот так вот сразу и найдём пропажу. Только где её искать?

Шкет ещё ближе подошёл и продолжил шептать:

— Мы вчера смотрели, куда попал арбалетный болт. Немного в стороне я увидел на траве каплю крови.

— Почему вчера не сказал?

— Вчера рейд не удался, а сразу рассказывать Али, что кого — то ранили, мне не хотелось.

— Сказал бы мне.

— Ты бы не сдержался, стал смотреть, чья кровь. И всё открылось.

— Ладно. Веди туда, да только не показывай сразу, а урони, что нибудь.

Шкет зарылся в карманах, достал кисет с табаком и стал скручивать сигарету на ходу, рассыпая табак по следам. На немой вопрос он просто гавкнул как собака. Жером рассмеялся. Табаком сбивать со следа собак это конечно правильно, но не на единственном же проходе.

Пройдя по узкой улочке, Шкет опередил инспектора и уронил на траву сигарету. На листке подорожника, возле которого упала сигарета, явственно наблюдалась коричневая капля. А Шкет прав оказался. Это, несомненно, кровь. Он нагнулся и поднял сигарету. Между пальцев у него проглядывал сорванный листок. Молодец! Они прошли дальше и направились на рутинный обход территории. Жером сделал пару небольших остановок и проверился. «Хвост» за нами шёл неотвязно. Не то чтобы слишком близко, но и из виду не упускал. Вполне профессионально.

Ближе к обеду они зашли в участок. «Хвост» присел в кафе напротив, даже и глазом не моргнул, что это кафе для стражи, которая здесь тусовалась с утра до вечера и даже ночью.

В кабинете Жером сел за стол, Шкет закрыл дверь на щеколду. А это он зачем?

— А вдруг кто зайдёт, станет интересоваться? Я не удивлюсь, если среди стражей есть и «продажные».

Резонно, кто — то же сливает информацию в преступный мир. Шкет выложил лист подорожника на стол. Осталось только взглянуть магическим взглядом. Жером достал из кармана магический глаз, и повернув рукоятку на положение «обзор», стал рассматривать лист.

Образ молодого «смески» проявился в полной мере. Жером его даже узнал. Лет десять назад сдавал как беспризорника в монастырь. Пришлось поднапрячь память, но большей информации вспомнить не удалось. Идти в архив совсем не хотелось, обеденная жара разморила и хотелось спать, тем более, вчерашний вечер был насыщенным. Шкет предложил сам сходить в архив, под предлогом выяснить по пропавшему повару. Зачем такие сложности? Но Шкет был непреклонен. Пришлось идти к шефу и рассказать разговор Али. Прочитав заявление духанщика о пропаже, шеф всемилостиво подмахнул разрешение на поиск в архиве. Шкет радостно умчался, гремя своими башмаками по коридору, размахивая бумагой с разрешением на работу в архиве.

Барри

Нинель усвистала в свой фургончик сразу после завтрака, к ней пришла денежная клиентка, которую не хотелось упустить. Пока шла по сходим, он любовался её ножками. Вот как у них это получается? Смотрят в другую сторону, знают, что за ними наблюдают, но делают всё, чтобы осталось только приятное впечатление. Правда есть и такие зазнайки, которые всем своим видом показывают, насколько ты им омерзителен. Он даже знал парочку таких, про которых хочется сказать: «Не строй из себя королеву, дворцом не вышла!» Слава богу, Нинель не такая, у них полное совпадение по всем параметрам, как судьбы, так и состояния финансов. Ладно! Это у Нинель конечно денежки водятся, не то, что у него. Но он не имеет такой постоянной профессии, как Нинель. Её хиромантия пользуется

успехом у определённой категории населения города и пригородов. К ней ходят в основном вдовушки да молодые девушки, желающие поскорее выскочить замуж.

Нинель ушла, можно и своими делами позаниматься. Денег как не было, так и нет, а ставку делать надо. «Киллар» должен принести денежек на своих копытах. Просить в долг у Нинель ему совесть не позволяла, особенно после сегодняшней ночи. Может попробовать выловить мешок из реки. Пловец из него как топор. Только булькнуть и успеет.

Достал удочку и стал забрасывать сразу возле борта, откуда спихнул в воду этот злополучный мешок. Потратил целый час времени и всё без результата. Только насмешил прохожих своей ловлей на крючок без наживки. Надо идти занимать хоть кой-какую денежку у торговцев на рынок. Курочка по зёрнышку клюёт.

Курочка по зёрнышку клюёт! Ага! Как бы ни так. На рынке встретил полное непонимание. Оказалось, торговцы поняли схему и грозили проклятиями в его адрес.

Денег не занять. Голова пухнет. И тут Барри торкнуло. Али! Ведь шёл к нему занять денег. Его никто не видел и он убежал. Переодевшись в другую одежду, отправился к духанщику.

Али принял Барри естественно, без распростёртых объятий. Это и понятно, у него проблемы. Об этом все знают. Поэтому он начал по-другому.

— Я пришёл тебе помочь. Слышал, у тебя пропал товар и человек.

Али стал пристально смотреть на меня.

— Продолжай.

— Учитывая мои обширные знакомства, хочу предложить помощь в поисках пропажи. Я слышал, ты объявил награду. — Али кивнул, Барри продолжил, — Не претендую на награду сейчас, но приложу все силы на поиски.

— Чего ты хочешь?

— Если я найду пропажу, то естественно хочу награду. А сейчас прошу в долг под десять процентов.

— О какой сумме идёт речь? — Али выпятил свои полные губы и сделал жевательные движения.

— Всего пять золотых.

— Ты не надёжный заёмщик.

— Али, мы знакомы уже четыре года. За это время я занимал у тебя деньги и всегда их возвращал.

— Скажи об этом Трогу, — Али усмехнулся, показывая, что знает о моих проблемах.

— Но... — Али поднял палец, показывая, что он не закончил. — Я дам тебе десять золотых под сто процентов годовых, это гигантская сумма для тебя, я знаю. Через год ты мне будешь должен двадцать золотых. Но! — Али опять поднял палец, — Если твои поиски увенчаются успехом, ты мне ничего не должен. Идёт?

Тут какой-то подвох.

— Али! Мы с тобой оба понимаем, десять золотых большие деньги. Договоримся так, я возьму эти деньги под обозначенные проценты, — Али еле заметно улыбнулся, — Но! — тут уже Барри сделал трагическую паузу, подражая ему, — Я имею право вернуть тебе займ досрочно и, в соответствии с договорённостью, проценты начисляются в зависимости от времени задолженности.

— Хорошо! Мы договорились.

Оказалось всё так просто, или всё-таки Али в чём-то переиграл? Вроде и ответил не

сразу, но как-то уж очень легко принял новую версию договора.

Жером

Шкет вернулся из архива к вечеру. Довольный аки слон.

— Нашёл я вашего крестника. Только, это, он не один. Вы тогда в приюты и монастыри отправили шесть человек. Я их выписал в блокнот.

Он помахал потрёпанным блокнотом. Молодой ещё, а блокнот хуже, чем у меня. Я протянул руку, но Шкет отдёрнул руку. Пришлось играть строгого начальника.

— Дай! Я сам посмотрю.

— Тут это. — Шкет засмутился, но блокнот передал.

Корявым почерком было записаны имена беспризорников, которых он когда-то сдавал в приют. Имена ничего не говорили, да и беспризорники могли их уже сто раз поменять. Перевернув листок, Жером увидел строчки стихов.

— Да ты поэт!

— Пишу для себя. — Шкет покраснел и протянул руку за блокнотом. Пришлось вырвать лист и спрятать его в бумажнике. — Будем искать наших беспризорников.

Шкет не преминул уточнить:

— Ваших беспризорников.

Да чтоб тебя! Шкет начинает уже командовать. Всего два дня работает, а туда же. Жером посмотрел на него строгим взглядом, может поймёт. Куда там! Он сейчас как собака на охоте, аж трясётся от возбуждения.

Нинель

Нинель раздражённо прислушивалась к шагам за стеной фургона. В голову приходили разные мысли, и про грабителей, и мордovorотов Трога, а больше всего про Барри. Вот же зацепил он своей непосредственностью. Вроде и ничего особенного из себя не представляет, так, охламон охламоном, но всё-таки он ходит к ней и ей это нравится. А тут повадились какие-то бабы ходить по набережной, где его баржа стоит. Что за бабы шастают под окном каждый вечер? И ведь интересно, идут прямо к Барри, как будто им мёдом намазано. Хотя его сегодня нет, а кто-то продолжает ходить. Надо выглянуть и шугануть.

— А ну пошли вон отсюда, прошмандовки... Ах, это вы, дорогая Камилла! Простите, я вас сразу не узнала. Ой, а что у вас с костюмом?

Камилла Комтуа стояла на подступах к мосту с расстёгнутой блузкой и, судя по всему, собиралась снять с себя и бюстгальтер.

— Откуда у вас этот кружевной бюстгальтер? Расскажите, где вы купили такую прелесть? Я тоже хочу такой фасончик.

— Это называется балконет. — Вдова покраснела и стала застёгивать пуговицы обратно. Это было, как минимум странно и Нинель решила, надо её пригласить в фургон и расспросить поподробнее. На предложение Камилла согласилась не сразу и только когда Нинель сказала, что приглашает по-дружески, ответила утвердительно. В фургоне на плите уже фырчал кофейник и усадив вдову за стол Нинель стала её расспрашивать про жизнь а заодно и про её наряды.

— Нинель, — начала вдова, — вы не поверите, как мне тяжело жить.

Так я и поверила, — подумала Нинель, — с её то деньжищами. Можешь делать, что захочешь, а она нос воротит. Но вдова продолжала рассказывать, прихлёбывая кофе из

чашечки.

Посиделки затянулись надолго. Вдова то жаловалась на жизнь, то рассказывала, как ей жить здорово. Оказалось, что муж умер, оставив своё дело и деньги ей. Желаящих заполучить наследство вдовы нашлось не мало, но Камилла не была полной дурочкой и сразу пресекла все попытки с намёками на замужество от друзей и знакомых мужа. Но время идёт и ей хочется простого семейного счастья. И что примечательно, счастья по любви. Камиллу выдали замуж родители, так как принято, по предварительной договорённости. Сначала будущий муж сговорился с отцом, а потом посватался. Камилла видела мужа до свадьбы всего-то раза три или чуть больше. О какой любви можно говорить. Детей у них не было, а деньги были. Правда муж был доволен своей женой и не скрывал от неё того, как идут дела на фирме, она даже стала помогать ему в делах. Наверное, потому и фирма не разорилась в одночасье, после смерти мужа, а дела продолжали идти своим чередом. Но время идёт, а счастья как не было, так и нет.

Посиделки прекратились неожиданно. Кучер, ждавший Камиллу на другом берегу реки, не дождавшись свою хозяйку, кинулся искать её по округе. Распахнув двери фургона и увидев двух раскрасневшихся женщин за стаканчиком красного вина, он даже вздохнул с облегчением. Нашлась пропажа! Камилла засобиралась домой и спросила разрешения зайти ещё разочек поговорить по-свойски.

— С клушами-соседками ни поговорить, ни выпить вина невозможно. У них только одни шмотки и деньги на уме. Кстати, вы спрашивали про предмет, — Камилла хитро подмигнула своим подведённым глазом, так, чтобы кучер не заметил и не понял о чём речь, — в следующий раз я привезу вам такой же.

Поцеловавшись на прощание, Камилла упорхнула домой, оставив тонкий аромат своих дорогих духов. Иметь такого клиента очень даже не плохо для бизнеса.

«Дорогая Нинель! Пишу Вам, выразить свою благодарность за великолепный вечер, который мы с вами провели. Впервые со смерти мужа я смогла расслабиться и почувствовать себя спокойной. Наконец я смогла уснуть и самое главное выспаться. Благодаря Вашему обществу ко мне вернулась уверенность в завтрашнем дне. Спасибо за это. Помня наш разговор, посылаю Вам предмет, который так Вас впечатлил, а так как размер я определяла на глаз, то посылаю несколько разных, чтобы могли выбрать. Если Вам не подойдёт, считайте просто подарком, можете распорядиться, как Вам заблагорассудится.

С признательностью, ваша Камилла».

Коробку с письмом доставил кучер, который расшаркался и, не говоря ни слова, сразу удалился. В коробке были аккуратно уложены четыре небольших цветных коробочки с женским бельём. Конечно два лучше, чем один, тем более четыре лучше, чем два. Заперев фургон, Нинель сразу стала примерять обновки пахнувшие духами. По всему видно, новая подруга понимала толк в красивых вещах, но определённо не заикливалась на этом.

Нинель смотрелась в небольшое зеркало то, подходя ближе, то возвращаясь назад к самой стенке. Белье, несомненно, красиво и определённо понравится Барри.

— А, кстати, где его носит? С вечера его не видно или мы его пропустили, когда беседовали с Камиллой.

Жером

Неспешно передвигаясь по городу, Жером наблюдал за Шкетом. Он в предвкушении и взял след. Подумалось, и я был таким же в его возрасте. Молодой, красивый и энергичный, впрочем, это и привело к первому ранению. Проявив усердие в рядовом, казалось бы, деле

получил удар шпагой в бок. При воспоминании о прошедших перипетиях у Жерома сразу заныла старая рана. Слава Единому, клинок не задел жизненно важных органов и не воспалился потом. Надо по этому поводу зайти к Алеману и поблагодарить за его лечение. За всю службу пять раз он штопал Жерома и каждый раз удачно.

— Надо занести бутылочку вина. Хотя он не из наших мест, но врач от бога. Значит надо занести коньячку с лимоном.

Шкет чуть было не споткнулся.

— К кому зайти? Что занести?

Жером с усмешкой посмотрел на своего напарника и продолжил.

— Я тебе расскажу анекдот про молодого и старого бычка и про стадо коров.

— Это о том, что «мы медленно, медленно...»

— Ну, ты понял, не торопись. Важна не скорость, а качество. Я в твоём возрасте тоже старался и торопился, а в результате попал на стол к нашему врачу с дыркой в боку. Так вот я о чём, мы будем искать нашего беспризорника, а за нами будут наблюдать смотрящие от Али. Как бы нам не нагородить ошибок и не навести подозрение на непричастных. Давай посмотрим на список приютов, куда я отправлял своих так называемых «крестников». Будем искать среди них, тем более других зацепок нет.

Барри

Ближе к началу забегов на ипподроме Барри стал сильно нервничать. Деньги в кассу Барри вносил по одному золотому. Касс было больше двадцати и поэтому у него были корешки из разных касс. Получать выигрыш нужно было в своей кассе. Так, что возможность опознания крупного игрока и получения больших денег должно пройти не заметно.

Вначале Барри решил внести все деньги, затем пришло сомнение, и он остановился на половине суммы, полученной от Али, то есть на пяти золотых. Однако, едва начался первый забег и трибуны всколыхнулись азартом гонки Барри заметался между кассами и забыл своё обещание не тратить все деньги. Глаза его загорелись самым светлым и прекрасным чувством в мире. Чувством, которое двигает людей, не даёт сидеть на одном месте, заставляет идти в джунгли и дебри лесов. Чувство, которое рушило империи и троны королей. В его глазах пылала сама алчность, готовая вырваться наружу. В очередной раз, сунув руку в карман, он обнаружил только пару медяков, которые и выложил на стойку кассы. Кассиру было всё равно, сколько принимать и он выдал квитанцию на семь монет.

Только отойдя от кассы и встав в сторонку Барри понял, что он только что сделал. В данный момент он поставил все свои деньги. Всё теперь зависело от клячи, которая бежала во втором забеге. Осталось только ждать.

— Время деньги, а у меня ни того ни другого. — Буркнул Барри и пошел на самый верх трибуны, откуда было видно плохо, но место было бесплатным, забирались туда только неудачники.

Первый забег прошёл и по тому, как в первых рядах начался переполох и даже драка, стало ясно, забег прошёл не так как планировалось. «Ловкий Джек» пришёл почти последним, что так всколыхнуло ряды состоятельных игроков.

— Кто-то крупно пролетел, — буркнул себе под нос Барри. Его сосед по трибуне взглянул на него и в ответ буркнул:

— Всё куплено, парень. Но я остановиться не могу. Ведь сегодня кто-то крупно выиграл.

Он показал пальцем на соседнюю трибуну, где отчаянно обнимались два плохо одетых

парня, наверное студенты, решившие применить теорию случайных чисел на бегах. Когда-то Барри сам пытался играть по системе, но только проиграл.

Второй забег готовился к старту и Барри стал наблюдать за лошадьми. «Киллар» был под девятым номером и вёл себя нервно, жокей периодически его осаживал.

Прозвенел колокол, лошади рванули со старта. «Девятка» вырвалась вперёд, уступать явно не собиралась. За ней устремилась «семёрка», но понемногу стала отставать, не смотря на плётку жокея. В первых рядах зрителей снова вспыхнула драка. Благородные зрители не любили проигрывать, тем более свои деньги.

После первого круга конюхи стали подавать сигналы своим наездникам и гонка стала напоминать клоунаду. Девятка стал натягивать удила и придерживать свою лошадь. Он постоянно оглядывался на трибуну и показывал, что делает всё возможное, но лошадь не слушалась. В какой-то момент ремень уздечки лопнул. Лошадь стала совсем неуправляема и решительно рванула вперёд, оставив всех позади. Наездник вцепился в гриву и старался удержаться в седле, падение на такой скорости чревато серьёзными последствиями. Трибуны улюлюкали и провожали смехом финишировавшую девятку. Драка на трибунах для благородных переросла в открытое столкновение двух группировок и приближалась к своей кульминации — применению оружия.

Наконец страсти накалились до предела. Зазвенели клинки, кое-где полыхнула сиреневым цветом личная магическая защита тех, кто пропустил удар. Удовольствие хотя и действенное, но чрезвычайно дорогое. Зрители со всех трибун смотрели бесплатное зрелище, устроенное благородными. Под шум драки Барри отправился в кассу и получил выигрыш по одному чеку. В кассе находились счастливицы, которые спешили получить свои деньги и поскорее убраться. На улице зазвучали полицейские трели, но так как благородных не могли арестовывать простые стражники, потасовка продолжалась. С битъём морд, стульев и фонарей.

Отоварив еще два чека и запрятав выигранные монеты в потайной кошелек, привязанный подмышку, Барри отошёл на среднюю трибуну, чтобы рассмотреть участников драки, а заодно отоварить чеки на уличных кассах.

Золото в кошельке приятно оттягивало прочный кожаный ремешок, перекинутый через плечо. Заметить такой кошелек было трудно, а забраться в него без ведома хозяина, так вовсе невозможно.

Барри спешил и нервничал. Ему пришло на ум, что не случись потасовка он не смог бы получить выигрыш. Поэтому он стал в быстром темпе переходить от кассы к кассе и получать свой выигрыш. Совершив последнюю операцию и спрятав деньги, он уже почти собрался уходить, как вдруг заметил входящего в зал Али-духанщика в сопровождении толстяка Айгора Лекса, который был главарём ипподромной мафии.

Барри понял, что он прокололся и его ждёт скорая расправа.

— Не знал, что ты проигрываешь мои денежки, — Али насмешливо смотрел на Барри.

Мафиози с подозрением посмотрел на Барри и поманил пальцем своего охранника. В голове мелькнуло — будут обыскивать.

Одновременно с этим мафиози спросил у Али:

— Много ты ему дал?

— Десять золотых.

— Это большие деньги, — мафиози пожамкал губами и повернувшись к Барри спросил:

— И много ли ты выиграл?

Барри буркнул:

— «Ловкий Джек» не такой уж и ловкий, — намекая на первый забег. Тут же в мозгу мелькнула мысль — последние медяки! Они могут быть его спасением.

— Я просадил все деньги в первом забеге. Осталось семь монет, которые поставил на аутсайдера во втором забеге. Семь монет, это всего один серебряк, это всё, что у меня было на тот момент.

Он двумя пальцами вытянул чек из кармана и показал его подошедшему охраннику Айгора. Мафиози кивнул головой, охранник отправился в кассу.

— Так нехорошо поступать с друзьями, — начал Али — я дал денег в счёт награды за поиск пропажи, а ты ставишь меня в глупое положение. Пропажа не найдена, а деньги уже проиграны.

Я буду вынужден прервать наш договор и просить вернуть деньги — Али ухмыльнулся — так, что мне нужны мои деньги.

Он замахал руками, увидев, что Барри собирается возразить:

— Я помню про уговор и лишнего не возьму.

Подошёл охранник с выигрышем и показал деньги, полученные в кассе. Али немного подумал, посчитал в уме, закатив глаза к потолку.

— Этот выигрыш будет моими процентами и одновременно это будет срок на возврат десяти золотых. Если не вернёшь в течение семнадцати дней, — Али криво улыбнулся, — то следующие проценты будут удваиваться с каждым днём.

Айгор Лекс откровенно заржал:

— Али! Я не знал, что ты работороговец. Парень ведь не сможет вернуть деньги.

— Это его проблемы, у него есть баржа

Оттолкнув Барри, мафиозная компания направилась в ресторан для благородных, в котором практически не было посетителей, все выбежали смотреть на потасовку.

Едва они скрылись за решётчатыми дверьми, Барри быстрым шагом вышел из помещения касс и, не обращая внимания на суету на трибунах, на снующих стражников с оружием, на подъехавшие кареты для заключённых, направился в сторону своего баркаса. Полученные денежки требовали подсчёта. Хотя всё уже было посчитано в уме, но руки и глаза требовали потрогать и посмотреть на монеты, на это нежданно свалившееся богатство.

Жером

Отправившись в ближайший из списка монастырский приют на поиски информации о воспитаннике Жерому и Шкету пришлось срочно переориентироваться на ипподром, на котором начались беспорядки. Пришлось прекратить беседы с монашками и, хотя они и выяснили имя воспитанника, но узнать больше не получилось. Прибыв на ипподром, они наблюдали, как стража пачками заталкивала в тюремные кареты задержанных посетителей ипподрома. Жерому со Шкетом и ещё несколькими дознавателям из благородных, досталась миссия по аресту знати. Зачитывая обвинение в участии в беспорядках, они рассаживали в фамильные кареты и коляски благородных хулиганов, определяли стражников в сопровождение и отправляли в участок для оформления. Содержать их в каталажке не позволяла «Хартия вольностей благородных». Их отправляли под домашний арест до вынесения приговора.

Неожиданно Шкет проявил себя с лучшей стороны. Сновал среди благородных и рассовывал по их каретам, иногда придерживал за локоток, подсаживая на ступеньку, иногда просто подталкивал для убыстрения перемещения. Пару раз удостоился гневных взглядов от

задержанных. Таким он определял в сопровождение самых страхолюдских стражников. В этом действе Жером выбрал себе роль наблюдателя и в свару не лез. Не хотел портить отношения со знатными фамилиями, которые могли пожаловаться и шефу полиции и мэру.

Как-никак до заслуженного пенсионера осталось всего ничего. Столько лет безупречной службы и испортить послужной список жалобой очень не хотелось. Длительная и безупречная служба не позволила завести семью, а теперь то и подавно не получится. Жером давно смирился с жизнью холостяка и убедил себя, что это хорошо. Появление в своей жизни Шкета он воспринял как подарок судьбы. Как своего сына, появившегося сразу во взрослом виде. Немного непутёвого, щепутного и несуразного.

Своеобразная отеческая любовь к этому молодому человеку всколыхнула его чувства, жизнь заиграла новыми красками. Наблюдая за Шкетом со стороны он старался не выказывать свои чувства, но подспудно хотелось помочь ему. Помочь получить знания в тяжёлой службе, помочь набраться опыта, как служебного, так и жизненного.

Всего два дня, а он уже занял место в жизни Жерома.

Барри

Быстрым шагом пробежав мимо фургона Нинель, Барри удивился очереди из трёх горожанок, которые что-то оживлённо обсуждали. Хотелось похвастаться деньгами перед своей девушкой, но осторожность пересилила, и он пробежал по сходням и только перед дверью каюты вспомнил про своего кота, которого оставил без еды утром.

Открыв дверь, он ожидал увидеть голодного кошака, но увидел сваленную сковородку и растекшееся жирное пятно на палубе.

— Зараза! — вырвалось у Барри, едва он взглянул на разлёгшегося кота и его раздутый живот, — сожрал мой ужин.

Кот лениво посмотрел на разъярённого хозяина и широко зевнул, как бы говоря — сам виноват. Злиться на самоуправство своего сожителя не получилось. Золото, приятно оттягивающее кошелёк, приводило в добродушное настроение. Высыпав золото на стол, он разглядывал кучу монет, понимал, так просто легализовать такие деньги не получится. Всем сразу станет интересно, откуда они, а затем всем станет ясно, кто виновник беспорядков на ипподроме.

Посмотрев в иллюминатор на фургон Нинель и на кучкующихся женщин возле него понял, сегодня к ней так просто не зайдёшь на чашку чая. Взял из кучки монет одну, а остальные запрятал в хитросделанный тайник в полу. Ногой подгрёб на тайник немного пыли и поставил сверху коробку со всякой мелочью. Мелькнула мысль, надо разменять золото на серебро и медь, опять посмотрел на фургон Нинель. Она не сдаст, и будет молчать про деньги, но она сейчас занята. Надо подождать.

Хотелось кушать и обратное действие. Вздохнув отправился в галюн.

Нинель

Едва начался день, как прибежали клиентки, торговки с рынка. Пока Нинель обслуживала одну из них, две другие трещали под окном крикливыми голосами, как у себя на рынке. Вспомнилась Камилла с её тихим и мелодичным голосом, тонким ароматом духов, а не запахом специй.

Постепенно Нинель вошла в ритм работы и стала более многословной.

— Надо себя пересилить, перебороть. За своё счастье надо бороться всеми способами, тем более по вашей руке я вижу, что счастье будет. Надо только немного приложить усилий. Отбросить препятствия.

Посетительница согласно кивала головой и вздыхала:

— Ну, надо, так надо. Вы только скажите когда.

— Луна сейчас в полнолунии и время самое подходящее, надо начать бороться со своими страхами.

Торговка опять кивнула и обречённо вздохнула:

— Как-то это немного непривычно.

— Что вы! Так просто ничего не даётся. Тяжело только в начале.

Посетительницы менялись одна за другой. Нинель старалась им говорить разное, но постоянно сбивалась на преодоление и борьбу с собой. Но как ни странно женщины были довольны сказанным, у Нинель даже сложилось впечатление, они услышали именно то, что хотели.

Едва ушла последняя торговка, как в фургончик заглянул Барри, уселся на стул для посетителей.

— Расскажи мне мою судьбу, — решил пошутить он и положил свои ладони на стол. Нинель на полном серьёзе взяла его руку в свои и склонилась, рассматривая линии.

— А линии говорят про опасность для тебя. Ты должен что-то сделать для предотвращения этой опасности, и поможет тебе в этом друг.

— Так помоги мне, Нинель.

— Я тебе только друг? Вот никак не ожидала, — фыркнула Нинель, но продолжила рассматривать линии на ладони, — друг, которого ты не знаешь, но он твой друг на всю твою и его жизнь.

— Так ты можешь и его судьбу узнать?

— Вы связаны до смерти, а вот до чьей, не знаю.

— Ладно, я не за этим пришёл. Можешь разменять, — Барри достал золотой и положил на ладонь Нинель.

— Большие деньги, я даже не могу сказать, есть ли у меня такая сумма.

— Я не прошу всю сумму, дай сколько можешь.

— Барри! Откуда у тебя такие деньги? Украл?

— Не украл, а честно заработал.

В это время распахнулась дверь фургона и внутрь впорхнула Камилла.

— Ой, ты не одна! Прости, я без приглашения, но мне стало не по себе, что мы сидели у тебя. Теперь я хочу пригласить к себе.

Камилла вопросительно посмотрела на Нинель, заметив, как она переглянулась с Барри, продолжила, — а может это и есть твой Барри?

Нинель покраснела и глубоко задышала. Барри пришёл на выручку:

— Я очень рад с вами познакомиться. И на ваш вопрос отвечу — да, я тот самый Барри и я встречаюсь с этой изумительной девушкой.

Ему хотелось произвести впечатление, как на Камиллу, так и на Нинель. Камилла сказанное приняла как должное, а Нинель покраснела ещё больше, её губы сами собой стали растягиваться в улыбку.

Барри продолжил:

— К сожалению, я не могу составить вам компанию, дела.

Нинель раскрыла ладонь, в которой зажала золотой.

— Барри, я не могу разменять тебе деньги, у меня нет столько с собой.

Камилла улыбнулась:

— У тебя есть такая подруга как я. С радостью приду на помощь.

Она достала свой расшитый цветными узорами кошелек и отсчитала требуемую сумму.

Барри сгрёб серебряные монеты, которые Камилла высыпала на стол, и галантно поцеловал ей руку. В ответ Камилла посмотрела на Нинель и подмигнула.

— Дамы, разрешите откланяться. У меня есть дела и их нужно делать, иначе они могут накопиться и тогда будет сложно с ними разобраться.

У Барри никаких дел, кроме обеда, не было, но по непонятной причине ему хотелось произвести впечатление на неожиданную гостью, и на свою подругу. Выпрямившись, он взглянул на Нинель и, видя её нерешительность, а также предугадывая её желание, подошёл, мягко взял её руку и поцеловал. Нинель смущённо посмотрела на Камиллу и в очередной раз покраснела.

Едва Барри вышел, как Камилла показала большой палец в знак одобрения.

Жером

В участке царила суeta с сортировкой буянов. Кого в каталажку, кого под домашний арест. Шкет повёл очередного благородного и исчез. Куда он запропастился, никто не знал. Жером выругался и махнул рукой, что тут скажешь — молодёжь.

Из-за поворота выплыла фигура шефа.

— Жером! Зайдите для получения задания, и Мозеса захватите.

— Какого Мозеса?

— Что значит, какого Мозеса? Вашего напарника! Вы не знаете где ваш напарник? Вы сейчас каким делом занимаетесь? Я вроде вам ничего не поручал. Надо эффективнее работать и привлекать напарника, а не отпускать его неизвестно куда, да ещё одного. Жером, вы меня расстраиваете. Вы же лучший дознаватель, а сейчас ведёте себя как мальчишка, которому нельзя поручить сложное дело.

Шеф ещё немного поразмахивал руками, от чего у него прямо на пузе оторвалась пуговица от кителя, поматерился и ушёл, махнув рукой.

Жером, расстроенный разносом, который устроил начальник, вернулся в свой кабинет. Походил из угла в угол. Шкет отсутствовал, поэтому сорвать зло ни на ком не получилось. Жером со злости плюнул. Посмотрел куда попал плевков и воровато оглянулся. Попадание было стопроцентным, в портрет князя. На портрете, нарисованном местным художником, князь выглядевшим немного придурковатым, но всё же это князь. Подошёл к портрету и протёр рукавом.

«Вот когда вернётся Шкет, уж я ему задам», подумал Жером и следом подумал, ничего ему не задаст, а просто выговорит. Жером не был мягкосердечным, он был дознавателем. Приходилось работать с самыми отбросами общества, людьми без морали и каких либо ограничений. Убийства, расчленёнка, изнасилования настолько огрубил его, что он побоялся заводить семью, о чём сейчас жалел. Но Шкет стремительно ворвался в его жизнь и прочно занял там место. Просто ругаться на него врятли получится.

Усевшись за свой стол Жером начал бесцельно переключать бумаги. Где носит этого малолетнего придурка? Вопросы без ответов надоели за время службы. Дверь в очередной раз открылась, заглянул знакомый детектив:

— Там шеф рвёт и мечет. Ты обещал зайти к нему.

Проходя мимо портрета князя, Жером опять плюнул на него, но уже только мысленно.

Перед кабинетом шефа Жером несколько раз глубоко вдохнул и решительно распахнул дверь. Шеф внимательно посмотрел на вошедшего, как будто не узнаёт, но потом махнул рукой на стул.

— Я вынужден поручить вашей группе дело.

— Группе? — Наверное, это он про Шкета, подумал Жером. — Ладно, пусть будет группа. А дело то какое?

— Наш дорогой мэр поручает вашей группе расследовать кражу в кафе у Али-духанщика.

Вот дела. Оказывается у шефа интерес в кафе Али. А то с чего бы такой интерес?

— Я знаю, вы с Мозесом уже провели первичное обследование и готовы продолжать. Это похвально. — Голос за спиной заставил Жерома дёрнуться и обернуться. На диване восседал сам мэр, со своим животом в обнимку. — Мне уже доложил Шене.

Шене? А! Это сам шеф, Жером уже и забыл, как его зовут. Пришлось кивнуть головой.

— Вы отложите все свои дела и займётесь только этим делом. Докладывать шефу ежедневно всю информацию, которую добудете. Мэрия должна заботиться о благосостоянии своих горожан, об их спокойствии и сохранности имущества.

Вот точно, есть у него интерес в деле. Не может мэр так беспокоиться о «смесках». Конечно, он заботится, а отдуваться нам со Шкетом. В это время шеф стал распинаться перед мэром о не отвратности наказания за преступления, об усилиях детективов и дознавателей, которые приложат все силы для раскрытия этого дела. Чем дальше он говорил, тем цветастее были обороты речи и тем запутаннее становился смысл. Окончательно запутавшись в словах и мыслях, шеф стал уверять мэра, что дело уже раскрыто.

— Дорогой Шене, я всё же надеюсь увидеть преступника на деле, а не на словах. Ну и соответственно, похищенное имущество должно быть возвращено владельцу в целости и сохранности.

Выйдя от шефа, Жером направился в кабинет, где закрыл плотно дверь и смачно плюнул в ненавистный портрет, затем достал платок и вытер его, от чего краски размазались и портрет стал похож на листок, по которому прошлись уличной метлой для мусора.

Нинель

День выдался какой-то суматошный и не логичный. Сначала торговки повалили валом, потом Барри. Если бы Камилла не пришла и не позвала на посиделки, то Нинель взорвалась от напряжения. Ещё Барри распустил хвост перед Камиллой, но не охмурил её, а наоборот всячески демонстрировал свою привязанность к Нинель. Посиделки назначили на вечер, было время отдохнуть и подготовиться.

Шагая широкими шагами по фургону, насколько позволяла его длина, Нинель стала прикидывать свои хотелки по отношению к Барри. Сегодняшний распушённый хвост стал намёком на долгосрочные отношения и даже возможно на замужество. Про замужество она думала и ранее, но не думала, что это может придвинуться так близко. Жить свободной женщиной, надеяться только на себя она привыкла уже давно, теперь пришлось думать про совместное житьё-бытьё. Барри конечно хорош, как мужчина, но каков он будет как муж? Его сумасбродный характер и невоздержанность в жизненных ситуациях рисовала совсем неприглядный вид мужа. Нинель остановилась и посмотрела в окно на баркас Барри, который мирно покачивался на речных волнах. Сам Барри отсутствовал, на палубе развалился его кот и принимал солнечные ванны. Как сторож он годился мало, но показывал, это место уже занято и тут живут люди.

Где носит этого неугомонного, она не представляла. Неожиданно раздался стук в дверь. Не ожидавшая визитёров Нинель осторожно приоткрыла дверь.

— Полиция. Откройте дверь.

Перед ней стоял рослый спортивный парень, который совсем не был похож на полицейского, даже скорее наоборот, он был похож на проходимца.

— Придумай, чтонибудь более правдоподобное. Иди, я не подаю.

Нинель с усмешкой наблюдала смущение здоровяка.

— Вы не поняли, я служу в полиции, правда, всего несколько дней. Меня интересует, не видели ли вы что-то необычное в последнее время.

Нинель задумалась и отрицательно покачала головой.

— Ничего не замечала, а теперь мне надо спешить.

Она, не смотря на протесты парня, упорхнула из фургона, закрыла его на ключ и направилась к коляске, которую прислала Камилла.

— Не надо так торопиться, — парень встал на её пути, — что скажете про Барри?

— А что Барри? Живёт спокойно, не богато, соседям помогает, тишину не нарушает. А вот кошка его тут драки устраивает. Может вас кот интересуется? Так вот он скандалист. Кошку тёти Мари уже два раза покрыл, котят девать некуда.

— Меня кот не интересуется.

— А про Барри вы лучше спросите у Трога, его парни тут приходили и деньги вымогали. Но что можно взять с небогатого, так пару медяков.

При упоминании Трога парень задумался и немного замешкался, это дало возможность Нинель усесться в коляску и тронуть возницу. Щёлкнул кнут и коляска укатила.

Жером

Жером уселся за свой стол и откинулся в кресле. Хотелось ещё положить ноги на стол, но подумав, он решил, что это будет уж слишком. Надвинул шляпу на глаза, предался размышлениям. Мысли витали по разным направлениям и Жером не заметил, как задремал. Из состояния nirваны его вывел стук двери и, решив, что это шеф Жером даже не изменил своей позы. Скосив глаза на пол увидел штилеты Шкета и вопросительно посмотрел на него. Шкет стоял растерянный и бледный.

— Ну и какого ляда ты припёрся? Шел бы сразу домой.

Шкет немного помялся и сказал:

— Я нашёл.

Жером приподнял шляпу и посмотрел вопросительно.

— Я нашёл вашего беспризорника из монастыря.

А это уже интересно. Как можно было в большом городе найти нужного человека и за такой короткий срок. Ничего не скажешь, молодец. Вроде и похвалить надо, а хочется отчитать за самовольную отлучку.

— Чего рассказал наш беспризорник? — Жером потянулся в кресле и достал свёрток с перекусом. Шкет взглянул на бутерброд с куском мяса и сглотнул слюну. — Голодный? Возьми второй бутерброд.

Реакция Шкета была неадекватной. Он побледнел, сглотнул слюну, посмотрел на кусок мяса и бросился к корзине с мусором. Его тошнило долго и нудно, выворачивая все внутренности до желчи и снова тошнило.

— Э, Шкет! Ты чего?

Шкет приподнял голову и отплёвываясь просипел:

— Нет нашего беспризорника.

— Не понял!

Жером с удивлением посмотрел на напарника, стоящего на коленях перед корзиной с мусором.

— Я пришёл в его комнату и нашёл только свежий труп с перерезанным горлом. — Шкета опять вывернуло от воспоминаний. — Кто-то нашёл его раньше меня. Его пытали, если судить по раздробленным пальцам, а потом дорезали как поросёнка, — очередной спазм прервал разговор.

— Надеюсь, тебя не вывернуло прямо там?

— Я перепугался и не думал об этом. Сразу побежал сюда.

Детектив поднялся со стула и стал собираться.

— Едем на вызов. Сначала умойся и приведи себя в порядок. На месте не блевать!

Шкет посмотрел на Жерома с отчаянием, обещать такое он не был готов, но исправно

кивнул головой.

Немного потряслись в коляске без рессор, у полиции не столько много денег, чтобы дознаватели на вызов с комфортом ездили. К дому подъехали под крики ужаса и завывания женщины.

— Это сожительница покойника верещит, — прокомментировал Шкет, посмотрев на убивающуюся молодую женщину.

— Понятно — буркнул Жером и прошёл в подъезд.

Дворник появился в сопровождении квартального стражника, сходу определил в Жероме старшего, доложил:

— В комнату никого не допускал, следы сохранял, полицию вызвал.

— Молодец! Как узнали про убийство?

— Так Полина пришла с работы и всё. Весь квартал узнал. — На улице всё ещё были слышны вопли сожительницы убитого.

— Понятно. Никого не допускать, вызвать доктора для оформления протокола.

Жером был в своей стихии и делал привычную работу. Дворник тоже был в своей стихии, поэтому привычно разогнав зевак, послал мальчишку за доктором.

Жером махнул рукой, подзывая квартального.

— Что можете сказать об убитом?

— Значит так, работал на строительстве фабрики. Можно сказать, что зарабатывал не плохо. Вот только Полина, баба своевольная, себе много забирала. А так жили спокойно, не хуже других, — квартальный вытер рукой выступивший пот на лбу и пригладил волосы на макушке. Волосы стали влажными.

Понятно. Происшествие на вверенном участке незаметно не пройдёт. Обязательно будут песочить на утренних совещаниях. Ну да ладно, не наша забота.

Осмотр тела нового ничего не принёс. Тело обобрали основательно. Вывернутые карманы свидетельствовали в пользу убийства с целью ограбления. Вот только раздробленные пальцы указывали на пытки. Чего искал убийца в комнате простого строителя с небольшим доходом?

Шкет попросил «магический взгляд» и стал рассматривать труп. Жером осматривал комнату, когда раздался тихий треск и не успел он повернуться, как тут же раздался хлопок и звон осыпавшихся обломков кристалла.

— Чёрт! Ты что, не видел куда смотришь?

Растерянный Шкет держал в руках оправу «магического взгляда» без кристалла, который осыпался на пол мелкой крошкой.

— Что это было?

— Это была подсадка от убийцы, против нашего «взгляда». Как ты её не заметил?

— Так никто не предупреждал. Я и понятия не имел.

— Теперь мы остались без основного инструмента определения преступника. Когда ещё княжеский маг сотворит новый кристалл неизвестно, а работать надо.

В душе Жером понимал, что это его недоработка. Сам он, по опыту, уже не раз сталкивался с такими подсадками. В таком случае кристалл начинает потрескивать и если выключить, то можно его сохранить в целостности.

Нинель

Посиделки у Камиллы вышли на славу. Сначала осматривали дом, потом перешли на открытую веранду и, поставив на столик с фруктами принесенное вино и фужеры, стали болтать обо всём и ни о чём. Нинель стала рассказывать про своих клиенток, про их запросы и закидоны. Камилла стала рассказывать про её отношения на фирме с сотрудниками и как она их приструнила и заставила работать как надо. Как за ней стали приударять всякие проходимцы, по-другому она не могла их охарактеризовать. Молодые, наглые красавчики, в глазах которых только отражалось золото приданого Камиллы.

То ли от вина, то ли от чистого воздуха и раскованной атмосферы, обе перешли в состояние непрерывного ха-ха, от которого избавились не сразу и ещё долго сидели с улыбками на лице.

— Хорошо то как! — Камилла потянулась, и Нинель с лёгкой завистью отметила превосходную форму её груди. — Хочется, чтобы этот день не кончался. Как хорошо, просто великолепно встретить на своём пути такую подругу как ты. Шла к тебе за женихом, а получила подругу, с которой можно не стесняясь говорить на любую тему, без постоянного оглядывания и оценки завистников. Как жаль, вечер уже заканчивается, приходится расставаться, но мой дом открыт для тебя.

— Я свой фургон всегда держу открытым и твоё присутствие для меня всегда в радость. — Нинель стала расшаркиваться прощаясь, но Камилла пресекла политес.

— Да ладно тебе! Если подруга, то подруга. Приходи когда захочешь. Если есть желание, то даже можешь остаться. Хотя... Если твой Барри тебя не застанет, то будет волноваться. Короче, решай сама. Лично я бы в таком случае выбрала свидание, а для свидания я тебе припасла специальный подарок из эмиратов. Там делают такие вещи из шелка, просто закачаешься. Барри точно будет изумлён такому, вот увидишь. Камилла достала тончайшие и совершенно прозрачные чулки.

— Эти чулки не требуют подвязок и называются «бандалеты». Почему так называется, не спрашивай, сама не знаю, но приобрела и себе такие — Камилла немного смутилась, — так, на будущее. Но вещь очень элегантная и приятная на ощупь. — Она хихикнула и сразу заставила Нинель надеть «бандалеты» и самой прочувствовать удобство и нежность ткани.

Камилла была столь любезна, что отправила Нинель домой на своей коляске. Уже подъехав к своему фургону, Нинель увидела девушку и двух мужчин, которые явно дожидались её, потому как только она сошла с коляски, они встали и уставились на неё.

Старший мужчина подошел и спросил:

— Извините, вы Нинель?

— Какое у вас дело?

— Да не у меня, у моей сеструхи, — он подтолкнул молоденькую девушку вперёд, — вы поговорите с ней, скажите, когда ей можно.

Нинель зашла в фургон, пропустила девушку вперёд и строго посмотрела на её спутников. Однако они не предпринимали никаких попыток зайти следом.

Нинель долго не могла начать разговор, так как девушка от смущения не могла ответить ни на один вопрос. Нинель разогрела кофеварочку и приготовила чашку кофе из запасов, которые ей подарила Камилла. Протянула чашку девушке.

— Ой, что вы! Это же так дорого.

— Я не всех угощаю кофе, но для тебя решила сделать исключение.

Она разглядывала простое, загорелое деревенское лицо с еле заметными складочками возле глаз, и немного конопатое. Волосы были заплетены в две косички, которые брали начало с тоненьких рожек, еще не знавших ни пилочки для полировки, ни лака для украшения.

— Деточка, сколько тебе лет?

Девушка опять зарделась:

— Месяц назад исполнилось восемнадцать. Братья мечтают выдать меня замуж, а по слухам вы решаете такие вопросы.

— А сама ты замуж не хочешь?

— Хочу, — девушка шмыгнула носом, собираясь расплакаться, но Нинель сразу продолжила разговор.

— А жених у тебя есть, или братья хотят отдать за нелюбимого?

— Жених есть, и братья его знают, но жених всё никак не определится. Всё считает, что мне рано замуж.

— Не ему рано жениться, а тебе рано замуж?

— Ну да! Он, правда, слышал про вас, вот мы и приехали.

Нинель, ничего не понимая, посмотрела на ладошки девушки. Немного загрубевшая кожа, но это от постоянной работы. В деревне по другому и нельзя. Коротко обрезанные ногти, чистые и даже без кутикул пальцы. Поводив по ладошке пальцам, Нинель стала говорить про любовь и детишек, которые будут, про любящего мужа и долгую жизнь. Вспомнила про её день рождения и стала говорить про Меркурий и Луну восходящую.

— А когда это будет? — девушка явно впервые была у хироманта и слушала с раскрытым ртом.

— А через неделю и будет. Меркурий соединится с Луной.

Обрадованная девица высыпала на стол пригоршню медяков вперемежку с серебром, бросила своё «спасибо», выбежала к братьям и с порога сказала:

— Через неделю!

Братья обступили её и радостно загалдели. Нинель ничего не понимала, но смотрела с улыбкой. Их радостное настроение передалось и ей. Ей было приятно, что первое впечатление от встречи было неправильным, и она зря на братьев подумала, мол, силой отдадут сестру замуж за нелюбимого.

Шумная компания ушла, обсуждая что-то между собой. Вокруг стало сразу тихо, только слышно было, как волны тихонько шлёпают по деревянному борту баркаса Барри. Кот с палубы переместился на подоконник внутри каюты, значит Барри приходил и впустил его внутрь. Нинель стало немного грустно, она прошлась до середины моста. Остановилась и посмотрела на реку, на её тёмную воду. Подумалось: «Вот так и жизнь утекает, незаметно и неотвратно, а ты живёшь в фургоне. Без привязанностей, обязательств и перспектив». Как-то сразу стало грустно и неудобно. Несмотря на довольно тёплую погоду, Нинель плотнее завернулась в шаль и вернулась к своему фургону. На ступеньках сидел Барри с букетиком полевых цветов, какими торгуют старушки на рынке. Увидев Нинель, сразу вскочил и протянул букетик.

Барри

Время пролетело незаметно. Посидел в кафе, прошёлся по рынку. На выходе заметил

старушку, стоящую в сторонке и предлагающую букетик полевых цветов. Совсем, наверное, плохо с деньгами. Барри захотелось сделать что-то хорошее. Не торгуясь, он купил цветы, положил в морщинистую ладонь старушки вместо медяка серебрушку, и быстро ушел.

На баркасе покормил кота и решительным шагом направился к Нинель. Непреодолимая тяга к ней проявилась в том, чтобы несколько минут побыть с ней наедине. Поболтать с ней. Спокойно, без помех рассказать смешную историю, показать себя, распахнуть душу, открыть себя и все, что неразрывно связано с молодостью. Лишь бы услышать доброе слово, почувствовать объятие, надеяться на поцелуй перед уходом. Молить о любви, как делают все влюбленные идиоты. Независимо от возраста.

Присев на ступеньки закрытого фургона предался своим мыслям и совершенно ничего не замечал вокруг. Встрепенулся от шороха шагов и вскочив протянул слегка завядший букетик.

Они гуляли по набережной до темноты, разбавленной слабым светом Луны. Барри рассказывал анекдоты и разные истории. Размахивал руками и старался не отпускать Нинель от себя, притягивал к себе и заглядывал в лицо, пытаясь разглядеть в свете Луны её реакцию.

Они могли бы гулять и до утра, но дойдя до Меликова моста, возле которого стоял баркас Барри, стали целоваться с таким упоением, будто и не целовались никогда. Так они и шли по мосту, когда мимо них прошла девушка с распахнутым кардиганом и оголённой грудью, которая с завистью взглянула на влюблённых. Барри заметил её, но уже привык к зрелищу расхаживающих по мосту оголённых красоток, а Нинель видела её только со спины и не придавала никакого значения, ослеплённая своей любовью к Барри.

Перейдя мост, Барри повернул в сторону своего баркаса, Нинель последовала за ним без тени сомнения в том, что сейчас там произойдёт.

Пройдя по сходням, она запуталась в каких-то верёвках или тряпках.

— Посвети мне чемнибудь, а то я в темноте чуть «бандалеты» свои не сломала.

Барри подал руку, провёл Нинель до двери каюты и торжественно распахнул дверь, стараясь произвести впечатление на свою подругу, зажёл свет. В центре каюты стоял накрытый стол, две свечи в простых подсвечниках, а среди тарелок с едой лежал кот, который встрепенулся на открытую дверь и напряжённо посмотрел на вошедших. Но рыбий хвост изо рта не выпустил. Нинель рассмеялась, повернулась и положила руки на плечи Барри.

— Не ругай его, он мне нравится своей самостоятельностью.

— Но мы остались без ужина! Этот «самостоятельный» попробовал каждое блюдо.

— Нам не нужно ничего, кроме самих себя.

Нинель погасила свет.

Жером

Шкет пришёл на работу не выспавшийся, с покрасневшими глазами и тёмными кругами вокруг них. Понятное дело, первый труп. Хотя с трупом Шкету возиться не пришлось, но впечатлений на бессонную ночь явно хватило.

Зайдя в кабинет, он взглянул на размазанный портрет князя, улыбнулся и прошёл на своё место. Портрет следовало в быстром темпе заменить на новый. Вот пусть этим и займётся, решил Жером и уже даже открыл рот, но Шкет его опередил.

— Из нашего списка выбыли ещё трое.

— Эта как? Ещё три трупа?

— Где?

— Ну, так ты сам сейчас сказал, что из списка ещё трое выбыло.

— Вы меня так не пугайте. Мне и вчерашнего хватило по самое не могу. Ночью спать не мог, проснулся рано и сразу в монастырь, там тоже встают рано. Все трое были в одном монастыре, потому и управился быстро. Я пробежался по списку и выяснил, трое умерли в монастыре. Наверное, совсем были доходяги. Только одна странность выяснилась, то ли неправильно оформили, то ли ещё просто скрывали, но один похоронен как «смеска» и знак выбит на камне, а по нашей картотеке проходит как «горожанин».

— Когда умер?

— Шесть лет назад, похоронен на монастырском кладбище. Да они все трое там похоронены. В тот год эпидемия была, вот и результат.

— Это точно не наши клиенты. Осталось два из списка, еще есть сбежавший повар, только этого мы уже, скорее всего не увидим.

В коридоре послышался грозный голос шефа полиции и топот ног разбегающихся сотрудников.

Шкет подскочил к портрету князя и быстро снял со стены. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился ненаглядный шеф собственной персоной. Жерому всегда было интересно, как так получилось, шеф чрезвычайно худой, но при этом умудрялся иметь большой живот. Пройдя по кабинету, шеф подошёл к столу, потрогал папки с делами, но не стал заглядывать в них.

— Жером, вы ничего не хотите сказать мне?

— Да всё как обычно, работаем.

— Вы просиживаете место в кабинете, — шеф начал распалтаться, — вместо того, чтобы искать преступников. Почему вы возитесь с этим делом? Какие-то разные люди, труп, который не имеет никакого отношения к пропаже у Али. Мэр уже присылал курьера за новостями. Вчера был труп, а вы мне ни слова не сказали. Вся информация я узнаю от посторонних людей и из газеты. Вот! Полюбуйтесь.

Шеф бросил городскую газету на стол. Жером неспешно раскрыл и стал читать.

— «Вчера в нашем городе состоялась ярмарка товаров, привезённых из эмиратов...»

— Что вы читаете?! — Шеф вырвал газету и, раскрыв её на странице с криминальной хроникой, стал громким голосом декламировать:

— «Убитый имел многочисленные раны и перерезанное горло. Полиция оцепила район, но как всегда...» — шеф голосом выделил фразу, — «никого не задержала...». — Скомкал газету и уставился на Жерома — Как прикажете это понимать?

— Газетчики, как всегда приврали.

— То есть вы задержали убийцу?

— Э..., нет.

— И вы спокойно сидите в кабинете? Сейчас в полицию приедет мэр. Какую информацию ему говорить?

Шеф бросил на стол скомканную газету и вышел.

Да что же это такое. И человек вроде хороший, и говорит все правильно, но прислушаешься и понимаешь, что столько гадости наделает при этом, просто диву даёшься. И непременно хочется поскандалить. Жером посмотрел на стоящего рядом Шкета.

— Ну, Мозес, скажи уж чегонибудь.

— Вы лучше зовите меня Шкет, так мне больше нравится. А по трупу скажу, он ни причём. Ходил на работу и работал целый день. Дома только спал. Тяжёлая работа. В связях

с южанами не замечен.

— Как узнал?

— Спросил у старушек возле дома. Это осведомители первый класс, рассказали всю подноготную. И с кем встречался, с кем выпивал, с кем спал и с кем хотел переспать. Кто приходил к нему вчера, эти старые кошёлки, не видели и не знают. Криков не слышали, как и шума борьбы. Я так понял, всё произошло совсем быстро, его убили просто заметая следы.

— Вполне возможно. Но что хотели узнать, и почему именно его?

— Я могу ошибаться но, кажется, убийца и сам не знает мотив. Убил, пытаюсь узнать информацию.

— Не слишком ли жестоко?

— Это характерно для южан. Они не особенно страдают от пиетета перед жизнью другого человека. Ещё и приманку для «магического взгляда» оставили. Кто-то старается играть на опережение.

— Думаешь, люди Али?

— Вполне возможно. Во всяком случае, слежку за нами они установили. Если мы их не видим, это не значит, что её нет. Профессионалы, одним словом.

— Простые бандюганы действуют значительно грубее.

— А кто сказал, что они бандюганы? Может профессиональные шпионы.

— А не слишком вы увлеклись «теорией заговора»?

Жером прошёлся по кабинету, посмотрел на стену, на которую Шкет опять повесил размазанный портрет князя.

— Короче говоря, на данный момент, мы в тупике. Кого искать, что искать и где это может быть, мы с тобой даже не представляем. Начальство требует результат, а его как раз и нет. Остались только два беспризорника из списка. Ну, за неимением гербовой бумаги пишут и на простой. Будем искать беспризорников.

Шкет подхватился и стал собираться, предстояло посетить два монастыря. Возле двери он встрепенулся и спросил:

— Когда я был в архиве, то видел огороженные стеллажи. Что это такое?

— Это спецхран. Полиция там содержит предметы, которые не относятся к нашему миру.

— Как это, не относятся к нашему миру? А к чему они относятся?

— Я вижу, ты спокойно относишься, что в нашем мире есть несколько рас людей. Это раз. Спокойно относишься к «смескам», которые являются помесью людей и демонов. Это уже два.

— Демонов нет. — Лениво возразил Шкет.

— Самих демонов нет, а их кровь в людях есть, и не только кровь...

— Рога! — Шкет с улыбкой решил дополнить речь Жерома, сам то он был «горожанин», то есть без рогов.

— И это тоже. Кровь демонов даёт странную помесь. Одни рождаются с рогами, другие со способностями к магии, третьи и с тем и другим. Я не силён в расовой теории, но возможны различные варианты.

— То есть демоны есть?

— Если послушать наших учёных, то были. Куда потом делись? Загадка. Но ты не о том думаешь, наша задача искать преступников. Тем более, что шеф поручил нам конкретное дело.

Нинель

Утро было славным, так же как и прошедшая ночь. Нинель проснулась отдохнувшей и расслабленной. На покрывале, в ногах лежал кот. Дремал. Нинель пошевелилась, но кот прижал её ногу и слегка выпустил когти, вроде сказал «лежи». Открытый иллюминатор и пустые тарелки на полу в углу подсказывали, что все свои дела кот уже сделал и теперь его тревожить не нужно. Расположился на покрывале и сторожил посетителя баркаса. Нинель хмыкнула:

— Хозяин!

Барри заворочался и спросонья спросил:

— Да, дорогая?

— Завтракать будешь?

Приняв его «угу» за одобрение она поднялась с кровати, стараясь не потревожить кота и пошла на кухню или, по-морскому, на камбуз. Это уже Барри выделялся и старался показать себя таким «морским волком» называя лестницу — трапом, кухню — камбузом, а туалет — гальюном. Посмотрела на диван, где была аккуратно сложена её одежда. Сверху лежали расправленные «бандалеты» и «балконет». Хотя и снимались они уже после, но роль свою сыграли на «отлично». Барри был поражён до глубины души открывшимся ему зрелищем и долго стоял с раскрытым ртом. Надо будет сказать Камилле огромное спасибо за обновки, за одно и рассказать, какое впечатление они производят на мужчин, а то у неё нормального секса уже порядочное время не было. По её же словам.

Нинель накинула рубашку Барри, растопила плиту и стала жарить яичницу с беконом. Порылась в леднике и достала фрукты, хлеб и сладости. Заглянув в навесной ящик над плитой, с удивлением увидела кофе. Она оценила заботу Барри и поставила варить кофе. Чудесный аромат окончательно разбудил Барри и он, натянув полосатые трусы, подошёл и обнял Нинель сзади.

— Хозяюшка!

— Я смотрю по продуктам, ты не бедствуешь. Кофе, фрукты, сладости.

— Только, чтобы порадовать тебя утром.

Завтракали в том же виде, как и готовили. Подавали самые лучшие кусочки друг другу и всячески наслаждались хорошим утром.

Солнце уже поднялось высоко, Нинель вышла на палубу, потягиваясь и подставляя утреннему солнцу свою великолепную фигуру. Вот тут её и ждал облом. На палубе лежал чей-то простенький бюстгальтер, в розовый цветочек.

Жером

Прогулявшись по городу, Жером решил навестить Али-духанщика, стараясь расширить поиск. Хотелось узнать хотя бы какие-нибудь новости или подробности относительно его пропажи. Шкет как привязанный следовал за ним, и всё время пытался что-то сказать, но Жером отмахивался от него, погружённый в свои мысли.

Али вышел из подсобного помещения и с недовольной миной встретил неожиданных гостей.

— Пришли на халяву пообедать?

— Пришли расспросить, нет ли каких новостей про сбежавшего повара. Но судя по всему новости отсутствуют. Я правильно вас понял? — Жером редко пользовался служебным положением и старался обедать за деньги. Возможно трактирщики и считали ему меньше, чем другим посетителям, но вот на это он уже не обращал внимания. В отличие от него Шкет был не против покушать бесплатно. Али махнул рукой и пригласил за стол.

— Новостей, как таковых, нет. Исчез. На квартире не появлялся, из города точно никуда не делся. Где-то отсиживается. Выходит так, что вам, дорогой инспектор, поиски придётся не прекращать. Правда меня больше интересует мешок, который он прихватил с собой. Если найдёте мешок, то судьба повара меня совершенно не интересует.

Жером про себя отметил, содержимое мешка интересует Али не меньше, чем мэра. Тот тоже просил найти мешок, а уж про повара мэр даже и не заикался. Шкет открыл рот добавить свои замечания, но Жером пнул его под столом по ноге и он стал поглощать плов, который принесли официанты в национальных эмиратских одеждах.

— Мы хотели навестить соседей вашего повара, может они что-то знают. — На эти слова Али скривился, как от дольки лимона. Вероятно, его люди уже всё выяснили, и это будет просто пустой тратой времени, но всё же сходить надо, лишним не будет. Если знают люди Али, ещё не значит, что это знает полиция. А какие выводы можно сделать потом, это уже зависит от профессионализма.

Подождав пока Шкет пообедает, Жером распрощался с Али и вышел на улицу.

— И чего ты порывался мне сказать?

— А хотелось, чтобы за нами не шлялись люди Али.

— А это уже лишнее. Не надо давать понять, что мы о них знаем.

Шкет некоторое время шёл молча, но всё же сказал мысль, которую думал давно:

— Помните убитого строителя?

— Ага! У тебя тоже мысли, что строителя убили люди Али?

— Так он ещё булькал, когда я его нашёл. Такое не сразу забудешь. Да и с какого перепугу строителя будут так безжалостно убивать. Денег нет, обстановка бедная. Скорее всего, люди Али старались отработать свой долг перед Али, раз уж он назначил им срок поисков.

— Может быть, может быть. Нам нужно быть поосторожнее со свидетелями, а то ещё трупов наплодим на пустом месте.

Передвигаться по городу приходилось, по большей части, пешком. Вот и сейчас отмахав по городу изрядный кусок пути, они пришли в район, который иначе чем трущобы и не назовёшь. Шкет однозначно притих и старался идти рядом, на что Жером, как более

опытный, только посмеивался над его испугом. Как себя вести в таких районах он знал и умел, хотя и не исключал неприятных инцидентов.

В квартире, естественно, никого не застали, соседи только разводили руками, да и не все хотели общаться с полицией, район крайне криминальный. Шкет вышел во двор и подмигнув сидящему у входа старику бросил медяк в его шапку, которую тот сразу же напялил на голову. Прикурив сигарету, Шкет задал вопрос на диалекте эмиратов, на что старик прокаркал несколько слов. Кивнув старику, что понял он, насвистывая, прошёлся перед домом, ожидая выхода Жерома.

— Как в рот воды набрали. — Сокрушался Жером, и передразнивая кого-то добавил, — не панимаю, начальник. Тфу на них.

— Дед сказал, он приходил на квартиру ночью.

— Так и сказал?

— Я монетку бросил, вот он и сказал.

— Учишься на лету, — отметил Жером. — Надо делать засаду, ты предупреди свою маму, скажи, просто есть работа ночью.

Барри

Барри успокоился только когда солнце вошло в зенит. Он не ожидал, что Нинель устроит утром такой разнос. И из-за чего? Какой-то клочок ткани. Он и не видел его раньше и как он попал на палубу его баркаса, понятия не имел.

Нинель вспомнила все, что было, и до чего сама додумалась. Назвала изменщиком, лентяем, проходимцем, бабским угодником, бездарем, трутнем, лежебокой, осеменителем, заодно назвала ассенизатором, намекая, что лазит по злачным местам и продажным девкам. А где им быть, если не в клоаке. Да и их лоно иначе, чем клоака не назовёшь.

Наговорила много чего и ушла, не слушая объяснений. Барри только открывал и закрывал рот, пытаясь вставить хоть слово. Даже кот вышел на палубу посмотреть на скандал, да парочка прохожих с интересом прислушивалась к словам, а если быть честным, то засмотрелась на фигурку Нинель, тем более, что рубашка Барри, застёгнутая на пару пуговиц, больше показывала, чем скрывала.

— Ну, Корнелиус, опять мы остались с тобой одни. — Барри погладил своего кота. Кот, успокоенный рукой хозяина, посмотрел вслед процокавшей каблуками по сходням Нинель, зевнул и растянулся на нагретых досках палубы.

Нинель

Нинель переживала разрыв с Барри, то ругая его, то ругая себя. В фургоне оказалось вдруг мало места, так как она ходила от волнения широкими шагами и всё время упиралась в стены. Вышла на улицу и стала бродить по набережной в расстроенных чувствах, то прокручивая в голове разговор с Барри, то вспоминая прошедшую ночь, которая была чудо как хороша. Да, все было безумно трогательным — то, как он спит, как ест, как целует замерзшие пальцы, как снимает обувь, дарит милые безделушки, курит, засыпая пеплом все пространство вокруг себя. Любившие без ума знают это состояние, когда самое трогательное в твоём мужчине — его недостатки. Те маленькие штришки его поведения, замечая которые ты покрываешься мурашками, роняешь слезу или застываешь с глупой улыбкой.

Незаметно прошло время, и уже в сумерках, она решила вернуться к себе. На подходе к фургону увидела двух женщин, которые подёргав дверь её фургона и убедившись, что никого нет, стали раздеваться прямо в начале моста. До Нинель долетали обрывки их разговора.

— Вот ты дура! Ты почему без лифчика?

— Так всё равно снимать, вот дома и не стала надевать его.

— Нет, точно дура! Сказано было, надо превозмогать и отбросить препятствия. И что ты отбросишь? Я себе купила самый простенький лифчик.

С этими словами женщина сняла лифчик и бросила его в реку. Нинель с набережной проследила его полёт и с удивлением заметила, как он повис на верёвке, привязанной к мачте баркаса Барри. Так вот откуда взялся лифчик на палубе! Значит, Барри ни в чём не виноват? Нинель хотела сразу пойти мириться, но успокоившись, решила — пусть помучается до утра. Улыбнувшись этой мысли, она со спокойным сердцем отправилась спать. Уже засыпая, ей в голову пришла мысль:

— А что это женщины делали на мосту?

Жером

Ночное бдение со Шкетом, то ещё удовольствие. Всё время порывался что-то сказать или спросить. Жерому надоело терпеть его суету, и он отошёл в небольшой бар выпить горячего чая. Сидя за столом, он смотрел в мутное окно и с удивлением заметил, как какой-то парень осторожно идёт вдоль забора и постоянно оглядывается. Да это и есть подозреваемый, пришла догадка. Только бы Шкет не упустил его. Бросив парочку медяков на блюдце с чашкой Жером быстро вышел. Прямо у входа стоял Шкет и сразу потянул его в подворотню.

— Он! Сейчас придёт домой и узнает, что за ним приходили. Как пить дать побежит из города. — Зашептал Шкет прямо в ухо Жерому.

— Подождём, пока возьмёт мешок, тогда и задержим.

— Я тоже самое хотел предложить.

Подозреваемый слишком быстро выскочил из подъезда и побежал в сторону реки. О скрытности уже не было и речи, тем более за спиной у него был мешок. Жером махнул Шкету на параллельную улицу, а сам побежал следом за подозреваемым.

Погоня привела к Меликову мосту, как раз там происходило необычное действие. С одной стороны по мосту шла девушка с обнажённым торсом, а с другой стороны стояла празднично нарядная толпа. В эту толпу и вбежал подозреваемый. Один из здоровенных мужчин схватил его за ляжки мешка и потянул на себя:

— Ты, парень, подожди! Мы тебя не знаем, и знать не хотим!

От рывка подозреваемый завалился на спину, однако просто так сдаваться не хотел. Завязалась потасовка. На помощь подбежали ещё участники толпы, и в скором времени в реку полетел мешок. Хозяин мешка вырывался из рук толпы. Подбежавший Жером крикнул, задыхаясь от бега:

— Всем стоять, полиция!

Руки поднялись и задерживаемый, почувствовав свободу, перепрыгнул через перила моста и полетел в реку. Вскоре подбежал Шкет.

— Мешок сразу ушёл под воду, а этот гад переплыл на другую сторону по течению и убежал.

— А ведь почти поймали! — Жером посмотрел на толпу добровольных помощников. — А вы, что тут делаете?

Мужики затоптались в смущении.

— Так это, господин полицейский...

— Господин инспектор!

— Мы тут это, женимся... — из толпы выпихнули нарядного юнца с букетом в руках, —

Вот жених, а вон там, на мосту невеста.

— Ничего не понимаю.

— Так гадалка нагадала, сегодня сестре нашей идти с обнажённой грудью по мосту, а жених её ждать будет на другой стороне.

— Ну и?..

— Так мы из магистрата чиновника пригласили, заплатили как надо и ждём регистрации.

Из толпы показался седоватый тщедушный чиновник, с мантией через плечо и толстой книгой регистрации браков.

— Всё так, господин инспектор, и пригласили и заплатили как надо. Нарушений не наблюдаю. А что невеста обнажена, так это только согласно уговора.

Невеста подошла к толпе, жених кинулся к ней с цветами и стал укутывать в свой камзол, чтобы скрыть наготу от посторонних глаз.

— Чёрт знает чего придумают эти брачующиеся. Шкет, пошли отсюда. Завтра будем разбираться.

Барри

Барри проснулся среди ночи, кто-то скрёбся в его дверь. Подойдя спросил:

— Кто там?

— Откройте, полиция!

Этого ещё не хватало. Барри оглянулся на свой тайничок с монетами, там всё было в порядке, даже миска Корнелиуса с остатками ужина была на своём месте. Накинув подобие халата, а попросту старую рубашку без пуговиц, Барри открыл дверь и не снимая цепочки выглянул в щель.

— Барри Каннасон?

— Я. А что собственно нужно?

— Я дознаватель полиции Шкет Терсен. — Шкет достал бляху, которую ему накануне вручили в полиции, и продемонстрировал её Барри.

— Заходи, — посторонился Барри и пропустил очень позднего гостя.

— Я знаю, ты живёшь один. Поэтому прошу помощи.

— ?

— Мне нужно побыть у тебя до утра.

— Вот ни фиги себе заявочки!

— Мне очень нужно, — заканючил Шкет.

Махнув рукой в сторону кресла, Барри уселся напротив и приготовился слушать. Шкет начал рассказывать про свою жизнь, про службу в полиции. Про впечатления за эти несколько дней, про свою маму, которая не стала ждать сегодня его домой и ушла к подругам, про шефа полиции и про своего наставника Жерома. Барри поудобнее уселся в кресло и пригревшись даже стал дремать, но Шкет потряс его за плечо:

— Не спи!

— Ты совсем офигел! Пришёл, разбудил и ещё спать не даёшь. Совсем вы там, в полиции, озверели. Кстати, пытки в отношении подозреваемых запрещены.

— А ты не подозреваемый, а добровольный помощник.

— Ага — стукач!

— Я бы не был столь категоричен. Так вот, мы расследуем дело, а ты не хочешь помогать. Это уже наводит на определённые мысли.

— Ты говори, да не заговаривайся!

Незаметно они перешли в общении на «ты». Видя, что Шкет не хочет оставить его в покое, Барри растопил печь и сварил кофе, который остался после посещения Нинель. За чашкой кофе, окончательно проснувшись, Барри стал задавать вопросы и внимательно слушал. Получалось, что полиция ничего не знает про утопленный мешок и старательно ищет беглеца. Так они проговорили пока солнце не встало. Утром, поёживаясь от прохлады, они выбрались на палубу. Барри устался на лежащий на палубе лифчик, Шкет просто поднял его и повесил на растяжку мачты, зафиксировав обыкновенной прищепкой. Теперь там висело два лифчика — один чисто белый, второй в розовых цветочках.

— Выставка достижений? — ухмылялся Шкет.

— Да просто поссорился из-за этих лифчиков со своей девушкой.

— Тогда надо купить разноцветных несколько штук, пусть висят как сигнальные флаги на корабле.

Оба заржали от возникшей перед ними картинки.

Жером

Появившийся рано утром совершенно не выспавшийся Жером был в плохом настроении. Вид смеющихся молодых людей ещё больше разозлил его.

— Олухи! Почему не работаем?

Шкет подтянулся, а вот Барри наоборот вытащил шезлонг на палубу и разлёгся в свободной расслабленной позе. Жером скрипнул зубами, но стерпел. Формально Барри не был его подчинённым и мог вести себя как ему заблагорассудится, но годами вьёвшаяся субординация давала о себе знать. Жером не мог пройти просто так мимо разгильдяйства. Он раскрыл свою сумку и достал оттуда моток верёвки и «кошку».

— Будем сейчас прочёсывать дно в поисках пропажи.

После этих слов Барри встрепнулся и посмотрел по сторонам. У него зародилось подозрение, что искать будут именно его мешок, а это чревато неприятностями. Он подскочил и стал предлагать свою помощь, но Жером отстранил его:

— Вы посторонний человек и просто мы используем ваш баркас как удобную пристань.

Шкет стал разматывать верёвку и раскрутив «кошку» над головой забросил в речку. Прочёсывание дна реки началось. По прошествии времени на палубе скопилось уже большое количество предметов выброшенных жителями города. Тут были рваные одежды, сломанные стулья, драные сапоги, прочий хлам и несколько полусгнивших трупов кошек. Их впрочем, сразу сбросили обратно в реку. Жерому в конечном случае надоела эта нудная процедура, и он отправился в ближайшее кафе пить кофе. Недовольно посмотрел на развевающиеся на ветру лифчики, но промолчал. Его злость прошла и сменилась скукой.

Пройдя по сходам и выйдя на набережную, неспешным шагом отправился в кафе. Проехавшая мимо коляска едва не задела его, и он опять пришел в расстроенные чувства. Он быстрым шагом прошёл вслед и когда экипаж остановился, решил высказать своё «фе» вознице. Из экипажа выскочила молодая женщина и не глядя по сторонам направилась в сторону фургона гадалки. Едва не столкнувшись с инспектором, она взглянула на него, фыркнула и скрылась в фургоне.

— И что это было? — сам себе задал вопрос Жером.

Шкет в поте лица старательно, раз за разом, забрасывал «кошку» и раз за разом с сожалением осматривал свой своеобразный улов. Барри не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за работающим полицейским, ибо ничто так не расслабляет, как смотреть на

огонь, на воду и на то, как работают другие.

Однако всё рано или поздно заканчивается. Шкет уперся в поручни и изо всех сил тащил что-то зацепившееся за его «удочку». Барри с удивлением увидел, как из воды показался мокрый мешок, и его сердце упало прямо на палубу, разбив все надежды на богатую и привольную жизнь. «Нашел таки, гад» — Барри с расстройства даже не стал помогать Шкету, когда он стал осматривать находку.

Шкет стал доставать из мешка кожаные мешочки и раскрыв один из них вылил на руку мокрую кашу белого цвета.

— Как думаешь, что это?

Барри подошёл ближе и стал рассматривать массу.

— Мне кажется, это наркота, только мокрая.

Следующий мешочек был с монетами. Их Шкет ссыпал обратно в мешочек и положил на палубу. Барри крутился возле него и заглядывал через плечо, когда почувствовал какое-то тревожное чувство. Оглянувшись, он увидел направленный из кустов на них самострел. Долго думать не было времени, поэтому он толкнул Шкета в одну сторону сам прыгнул в другую, мешок раскрылся и содержимое полетело в воду. В место на палубе, где они только что стояли, воткнулась стрела. Прячась за надстройкой, они стали звать на помощь. Не ушедший далеко Жером прибежал на зов и они втроем обследовали кусты на набережной. Естественно никого не нашли. Нашли только место, где стрелок устроил засаду и приготовленные две стрелы для самострела, которые нападавший воткнул в землю. Видимо приготовился к быстрой стрельбе.

Жером смотрел на растерянных молодых людей, которые смотрели друг на друга и растерянно улыбались.

— Показывайте, что нашли.

Жером внимательно осмотрел мешок и несколько мешочков с размокшим наркотиком. Пересчитал монеты в мешочке с деньгами. В этом же мешочке была какая-то записка, но вода размочила не только чернила, но и бумагу, которая расползалась прямо в руках.

— Так вот какие дела ведёт наш Али! — возмущению Жерома не было предела. — Он наводнил наш город наркотой, от которой умирают люди, и в основном молодёжь из благополучных семей. Надо срочно брать этого мерзавца за хобот и в каталажку. На каторгу до скончания века.

Для ускорения процесса Жером направился к фургону хиромантки. Постучал в дверь и, услышав короткое «открыто», вошёл. За столом сидела Нинель и давешняя женщина, которая подскочив, воскликнула:

— Опять вы!

— Вынужден вас просить оказать услугу полиции.

— Конкретно кому?

— Если быть конкретным, то нам. — Он показал рукой на сопровождавших его Шкета и Барри. — На нас было совершено покушение, и мы хотели использовать ваш экипаж, что бы добраться до управления полиции.

— Никто не пострадал?

Нинель всмотрелась в Барри, на его брюки, которые намочили от мокрого мешка, когда они со Шкетом его осматривали и попросила у женщины:

— Дай им, пожалуйста, свой экипаж, а то они, по-моему, обделались от страха.

Обе женщины залились весёлым смехом.

Шкет

Последние дни у Шкета слились в сплошную череду приключений. Как хороших, так и не очень. Он работал в полиции, бесплатно кушал в кафе, на него было совершено покушение. От избытка впечатлений он не страдал. Слава богу, мама не знала всего этого, пребывая в убеждении, что родственник-мэр устроил её сына в хорошее место. Последнее приключение вылилось вообще в сплошной экстрим — засада, погоня, знакомство с Барри, поиски пропажи, гонки на экипаже. Ну как гонки? Так, покатушки с ветерком. Ему даже стала нравиться работа.

Приехав в управление, Жером умчался с докладом к шефу полиции. Почти сразу стали собираться стражники для предстоящего задержания Али и его прихлебателей. Площадь перед зданием наполнилась шарканьем обуви, лязгом оружия и гулом голосов. Стали подъезжать телеги, на которые загружались отряды стражников и отправлялись на задержание. Кто на рынок, кто в кафе самого Али.

Шкет хотел поехать со всеми, но Жером задержал его и сказал:

— Без нас разберутся. Не наше дело ходить под выстрелы. У тебя ни оружия, ни доспехов нет. Так что сидим и строчим отчёт для шефа. Что нашли, как нашли, сколько привезли, куда делось остальное.

Приехав в полицию, Жером сразу отпустил Барри. Он и взял его с собой, только для взятия показаний, которые и записал Шкет. Больше ему тут делать нечего. Барри шепнул, что подождёт его на улице и вышел. Шкет ещё помотался по кабинетам и наконец, вышел к новому другу, которому был благодарен за спасение жизни. Барри привалившись к балюстраде, спал прямо на ступеньках здания полиции. Шкет осторожно разбудил его и, махнув рукой извозчику, погрузил в экипаж и отвёз домой, в смысле на баркас. Бессонная ночь сказывалась, хотя молодые организмы справлялись с такой нагрузкой.

Барри

Немного отдохнув после бессонной ночи, Барри привёл себя в порядок и собрался по делам, заодно решил вернуть кувшин из-под молока, который когда-то взял у Нинель и уже долгое время не возвращал. Учитывая их размолвку, кувшин следовало вернуть. Не застав её дома, он просто поставил кувшин на подоконник. Появится — заберёт. Сам же побежал на встречу со Шкетом, которому обещал, в познавательных целях, показать некоторые значные места в городе.

Пройдясь по барам и изрядно набравшись, они шли по улице, поддерживая друг друга, и каждый говорил, что поддерживает именно он, а не его. Подогретая алкоголем и взаимным притяжением дружба между молодыми людьми крепчала, каждый говорил об этом, не слушая, слов, которые говорят в ответ. Не дойдя до дома, где Шкет снимал комнату, они пару раз свалились на не совсем чистую мостовую и изрядно перемазались в пыли и не только в пыли. Подойдя к двери, выяснилось, что Шкет потерял ключи:

— Шкет, будить консьержа среди ночи, это моветон! — Барри почему-то не захотел заходить в дом.

— Но мы не будем спать на улице! — Шкет огляделся по сторонам и пошел в направлении набережной.

— А где? — Барри задал резонный вопрос, стараясь не отстать от нового друга.

— У меня есть друг, и мы перночуем у него!

— Хорошо, когда есть такой друг.

— Я познакомлю вас. Это прекрасный, прекрасный человек.

Они ещё не раз вывалились в пыли и грязи, ещё несколько раз посетили совсем поздние кафе и наконец, встали у шикарной двери.

— Ты уверен, что нам сюда? — Барри не ожидал увидеть такой дом.

— Я всегда уверен в себе. Это точно его дом. — И неуверенно добавил — Кажется.

Недолго думая, Барри пару раз грохнул ногой в дверь. Ожидание затянулось. Барри оперся спиной в дверь и, разведя руками, сказал:

— Никого нет дома.

Недовольный голос спросил из-за двери:

— Кто там?

Шкет встрепенулся от подступавшего сна и заорал на всю улицу:

— Откройте, полиция!

Дверь приоткрылась, и в щель стал просовываться самострел, но Барри уже засыпая, навалился спиной на дверь и стал заваливаться внутрь. Пытаясь сохранить равновесие, он ухватился за своего товарища и они одной кучей ввалились в прихожую. Привратник попытался их разбудить, потыкав стволом самострела, но двум приятелям было всё равно. Они уже смотрели свои алкогольные сны.

Пробуждение было мучительным. Количество и качество выпитого алкоголя сказалось на утреннем самочувствии. Каждый поворот головы вызывал головокружение и рвотный эффект. Барри осмотрелся по сторонам, с трудом вращая голову. На просторной постели он лежал без одежды, рядом спал Шкет, в таком же виде. Ночью одеяло сползло на пол и валялось на ковре. Обстановка в комнате была совершенно незнакомой, богатой. Мычание рядом указало на пробуждение соседа:

— А мы где? Кто твой друг, и чем занимается, у него такая богатая обстановка.

— Это твой друг у него и спрашивай.

— Барри, кроме тебя у меня в городе друзей нет. Только старшие начальники. Ты сказал, мы ночевать будем у друга...

— Это ты сказал...

Они в недоумении смотрели друг на друга и пытались понять, как оказались в этом месте. В комнату вошёл слуга в ливрее.

— Госпожа интересуется, угодно ли вам будет принять душ и одеться к завтраку?

Шкет и Барри посмотрели на себя, потом друг на друга. Отёкшие лица говорили о неумеренном приёме горячительных напитков. В это время вошла горничная и поставила поднос с двумя стаканами и кувшином, в котором плескался мутный рассол с одиноким огурцом. Прикрыв себя ладошкой от взгляда горничной, Шкет наполнил стакан и выпил в один присест. Барри завернулся в одеяло и повторил манёвр друга. Слуга проводил их в ванную комнату.

Вернувшись, они увидели вычищенную одежду и обувь.

— Кто эта госпожа?

— Тебе не всё равно? Выспались на шикарной постели, вымылись, одели чистую одежду. Дальше будет видно.

— Шкет, за всё надо платить.

Пройдя по анфиладе комнат вслед за слугой, приятели оказались в обеденном зале. За

столом сидела молодая женщина и с улыбкой произнесла:

— Проходите и давайте позавтракаем. Вы меня вчера изрядно удивили.

Усевшись за стол, друзья опустили головы, признавая свою вину.

— Я думала, не случилось ли что-то непоправимое. Особенно когда вы представились полицией. Хорошо ещё, что я спустилась вниз и посмотрела, кто там пришёл. Барри, но вы же не служите в полиции.

— Это я служу в полиции. — Шкет, в смущении, не смотрел на женщину. — Мы шли к моему родственнику, он мэр.

— Слава богу, что вы ошиблись домом. Думаю, вам бы не поздоровилось, если бы вы его разбудили. Да и ошиблись вы достаточно сильно, мэр живёт в трёх кварталах отсюда. Но вы, Барри! Вы, меня не узнаете?

Барри всмотрелся в женщину и вдруг ахнул:

— Камилла!

— Ну, слава Единому, признал.

— Мне крайне неудобно, мы так поздно и в таком виде завалились к вам...

— Пустое! Завтракайте и ни в чём себе не отказывайте.

Шкет как школьник поднял руку:

— Можно отправить слугу с запиской? Маму успокоить.

Камилла набросала записку и спросила адрес. Слуга бережно взял письмо и быстро вышел.

— Рассказывайте, как вы докатились до такой жизни? — Камилла смотрела на поникших друзей с едва скрываемой улыбкой. Шкет стал рассказывать про перипетии прошедшего дня, про встречу с Барри, про то, как он спас ему жизнь, но когда дошёл до походов по барам и кафе стушевался и замолчал.

— Ну что же вы, продолжайте. Мне чрезвычайно интересно. Я не посещаю такие места, и меня распирает любопытство. У меня множество вопросов.

— Алкоголь не помогает найти ответ, он помогает забыть вопрос.

Камилла весело рассмеялась.

Вошедший слуга доложил:

— Инспектор полиции Моновиль просит частной аудиенции.

Камилла приглашающе махнула рукой:

— Поставьте ещё один прибор.

Шкет вжался в спинку кресла. Ничего хорошего он не ожидал от визита ещё одного полицейского. В комнату широким шагом спешащего человека вошел Жером.

— Уф! — Выдохнул Шкет и продолжил завтрак. Имя своего учителя он знал, а вот фамилию совершенно не помнил.

— Инспектор, прошу, позавтракайте вместе с нами. — Камилла поднялась со своего места и подойдя к инспектору протянула руку для поцелуя.

— Камилла Комтуа? — пытаюсь строго говорить начал Жером.

— Инспектор, инспектор! Не нагнетайте обстановку. Пусть мальчики позавтракают, у них был трудный день и не менее трудная ночь.

Камилла замолчала, поняв, что сказала двусмысленность.

— Я их приютила по знакомству, пока они не наделали глупостей по молодости. Вы же и сами были молоды и знаете, как бывает молодость не умерена в словах и поступках.

— Я всегда поступаю правильно, так как являюсь главным в своём доме.

— Когда мужчина считает себя главным в доме, это значит, что у него нет жены и даже кота...

Жером скорчил недовольное лицо и подошёл к столу:

— Шкет, нам нужно работать, поэтому завершай запихивать в себя всё, что видишь на столе и собирайся.

— Моновиль, не будьте так строги с мальчиком.

— Он не мальчик, он полицейский.

Жером окончательно рассердился и строго посмотрел на засуетившегося Шкета. Камилла посмотрела на Барри и нейтральным голосом спросила:

— Он всегда такой бука?

— Я с ним не знаком. Как и Шкета знаю его только со вчерашнего дня.

— Расскажите, что случилось вчера. Шкет сказал, вы спасли ему жизнь. Какая интересная и насыщенная у людей жизнь.

Камилла откровенно потешалась над инспектором, над Барри и над Шкетом. Жером наоборот, злился на эту красивую женщину, за её непринуждённость в разговоре, её замечания и подтрунивание над его строгостью. Ранее ему не встречались женщины, которые не пытались его охмурить или развести на деньги. Камилла была их противоположностью. Свободная и раскрепощённая, уверенная в себе. Это притягивало Жерома и в тоже время отталкивало. За своей строгостью он старался скрыть своё влечение к этой «смеске» и от этого злился на себя. Глядя как запутался в одежде Шкет, ещё больше разозлился.

— Собирайся, балбес.

Когда Шкет с Жеромом ушли, стал собираться и Барри.

— Барри, задержитесь, пожалуйста.

Камилла спокойно рассматривала сидящего напротив Барри.

— Не расскажите, почему у вас вышла размолвка с Нинель?

Ссутулившийся Барри собирался с мыслями, Камилла его не торопила.

— Это трагическая случайность. Ничего не приходит в голову, откуда взялся этот предмет гардероба. Вы не поверите, даже Корнелиус удивился.

— Корнелиус?

— Это мой кот. Он долго обнюхивал этот предмет, сразу видно, что и он видел его в первый раз.

Камилла с интересом слушала и улыбалась еле заметной улыбкой.

— А Нинель? Как вы к ней относитесь?

— Если бы не эта размолвка... Понимаете, Камилла, у меня есть кое-какие сбережения, которые могут позволить прожить двум людям какое-то время довольно безбедно.

Камилла хмыкнула: «Интересно!»

— Конечно, по сравнению с вашим доходом, это совершенно мизерная сумма. Я учитывал свой нынешний уровень проживания.

Барри задумался, помолчал и наконец, решившись, произнёс:

— Я хотел предложить Нинель жить вместе.

— Учитывая последнее происшествие, я думаю, это сейчас совершенно лишнее. Но ваше упоминание о сбережениях навело меня на мысль. У меня есть небольшая фабрика по производству сельскохозяйственной техники. Ну, там плуги, бороны, сеялки, веялки. Я предлагаю инвестировать вашу сумму в моё производство и получать приличные дивиденды.

Барри слушал, открыв рот, так как почти ничего не понимал.

— Я выпишу вам вексель под двенадцать процентов годовых, с выплатой одного процента ежемесячно.

— Это около двух золотых в месяц! — воскликнул Барри, мгновенно посчитав проценты, что впрочем, было совсем не трудно, — я живу на более скромную сумму.

— Вот! Значит, вы даже сможете увеличить ваш капитал, а там и вопрос с Нинель решиться. Только как вы объясните, что на вашем баркасе появилось большое количество бюстгальтеров разных расцветок и размеров. Этокакой-то демарш?

— Я подумал, ситуация доведённая до абсурда просто станет смешной и разрешится сама собой. Потому-то и купил ещё бюстгальтеров и повесил их на ванты.

Камилла захохотала в голос.

— Инспектор прав, вы беспросветный болван, так же, между прочим, как и ваш друг, Шкет. Своим поступком вы довели Нинель до белого каления. К счастью, у вас есть я. И я берусь решить этот вопрос положительно.

Жером

По коридору грохотали коваными подковками вернувшиеся стражники. Возбуждённые голоса свидетельствовали, что операция если и удалась, то только наполовину. Кое-кого удалось арестовать, но это мелкая сошка, которая ничего не знает и кроме распространения наркотиков ничем не занималась, ну да ладно, и это стодится на княжеской каторге.

После совещания у шефа Жером понял, сам Али и его ближайшие приспешники сумели ускользнуть от ареста. Хорошо, что теперь стал очевиден главный злодей. А он, кстати, действительно главный? Главное выяснили, кто стоял за убийством и что было в похищенном мешке.

В кабинет просунулась голова Шкета.

— Шеф вызывает.

В кабинете у шефа за столом сидели два столичных хлыща. Жером сразу распознал их по манере одеваться. Молодые, наглые, с приличным достатком, если судить по одежде. Даже внешне чем-то похожи. Ну не иначе из контрразведки княжества.

— Господа из контрразведки желают ознакомиться с материалами дела? — Жером решил смутить приезжих своим вопросом.

— А почему вы решили, что мы из контрразведки? — вопросом на вопрос ответил один из приезжих, старший по возрасту и вероятно старший в их группе.

— По вам видно, что точно не из полиции, но из спецслужб точно. Кроме дела о наркотиках я в последнее время других дел не вёл, значит, контрразведка копает под эмираты.

Приезжие переглянулись. Но промолчали. Жером продолжил:

— Что конкретно вас интересует?

— Опишите Али Хосе Бурхана. Привычки, манера вести дела, склонности и недостатки.

— Али-духанщик вёл надзор за всей диаспорой из эмиратов. Хладнокровен, умён, строг, я бы даже сказал, жесток в отношении к подчинённым, после разоблачения скрылся и скорее всего из города уехал. Слишком много народу его знало в лицо.

— Недостатки, пристрастия?

— Честолюбив.

— Честолюбие может быть и не грех, хотя, многие подвержены ему как наркоманы, — заметил младший приезжий.

— Продолжайте, — бросил старший Жерому.

— Замечен был в пристрастии к лошадям и в частности к скачкам. Водил дружбу с Айгором Лексом.

— Это владелец ипподрома, — вставил своё слово шеф полиции.

Старший внимательно посмотрел на шефа, но разговор продолжил с Жеромом.

— Что ещё можете о нём сказать?

— Да собственно и всё. Я особенно с ним дружбу не водил. В поле зрения полиции до этого момента он попадал только косвенно и по незначительным делам.

— Какие у него отношения с вашим мэром?

— Мэр интересовался ходом расследования. — Опять влез в разговор шеф.

Младший приезжий посмотрел на шефа и задал вопрос Жерому.

— Вам мешали в расследовании?

— Подгоняли. Но мешать, это уж слишком.

— А какие у вас отношения с вашим руководством?

— Моновиль лучший наш дознаватель. — Опять влез шеф. Старший из контрразведки остановил его взмахом руки.

— До сих пор отношение было хорошим. Надеюсь, что и далее буду служить в полиции во благо княжества. — Жером постучал, на всякий случай по карману. Там лежал простой карандаш, вроде как постучал по дереву, чтобы не сглазить.

Приезжие встали и, не прощаясь, вышли из кабинета. Шеф вытер платком пот на голове:

— Только «контриков» нам не хватало. Ещё и мэр как воды в рот набрал. Закрыв рот как банковский сейф. Сейф ещё взломать можно, но как эту морду разговорить? То подгонял с этим делом, а сейчас вроде, как и не в курсе.

— Мэр — должность собачья! — сделал вывод Жером.

— Тот ещё волчара, — проворчал шеф и, спохватившись, замолчал.

Жером еще постоял рядом, помолчал и, не дождавшись ничего нового от шефа, ушёл в свой кабинет.

Шкет ждал Жерома с новостями и даже вскочил с места, когда он вошёл.

— Ну как? Чего хотели? Что спрашивали. — налетел он с вопросами на вошедшего.

— Да ничего нового. Продолжаем работать.

— А у нас новость, нашёлся повар. Правда, совсем в неудободопрашиваемом виде, но нашёлся.

— ?

— Выловили из реки как утопленника, с отрезанным языком.

— Так наказывают тех, кто слишком много болтает, или может разболтать.

— Убирают свидетелей!

— И это может быть. Что ещё интересного в городе?

— Наши южане, в кабаке, передрались с эмиратскими. Парочка забияк задержана, это, в основном, пострадавшие в драке. В каталажке им оказали первую помощь и оставили до выяснения обстоятельств. Ещё угнали пароконную телегу с сеном для конюшни магистратуры.

Шкет замолчал, но потом сказал:

— Ещё моя мама приглашает вас на ужин. Очень хочет с вами познакомиться и таким образом отблагодарить за то, что проводите со мной беседы и учите делу. Она просто

уверена, что вы согласитесь прийти на ужин.

— Ну, раз уверена, то приду. Кстати, как твоей маме тебя описывать? Стараться угодить ей или наоборот?

— Тут вы сами решите, как описывать.

— Цветы покупать?

Шкет посмотрел на Жерома как на ненормального.

— Ну, так вы к даме идёте, конечно, покупать!

— Тогда ещё вопрос. Какие она любит цветы?

— Вы как маленький и первый раз идёте на свидание. Она любит цветы и всё.

В кабинет заглянул Барри. Шкет стал собираться:

— Мы сегодня с Барри немного развлечёмся, у него и заночуем.

У Жерома засосало под ложечкой. Ох, не просто приглашают его на ужин.

Жером

Купив букет цветов, пусть и не самый шикарный, но и не бедняцкий, Жером пришёл в гости к маме Шкета. Дверь открыла служанка, которая проводила его в столовую, которая являлась и самой большой комнатой в квартире. Хозяйка встретила его возле стола и, протянув руку для поцелуя, представилась:

— Анна Терсен.

Жером мотнул головой в ответ:

— Жером Моновиль, приятно познакомиться.

Служанка поставила цветы в заранее установленную вазу посередине стола и, сделав книксен, удалилась из квартиры. Наверное, просто разово приглашена для приготовления обеда и чтобы произвести впечатление. Жером понимал, состояние финансов вдовы не позволяет ей содержать слуг, поэтому и Шкет пошёл работать. Никак не выражая свои мысли Жером рассыпался в любезностях этой немного оплывшей женщине, старающейся выглядеть моложе и более богато перед ним. Некоторая бледность на лице и припухлость под глазами говорила о тяжёлых временах, которые переживает эта дама.

После ничем не примечательного разговора за ужином они переместились к незажжённому камину, перед которым стоял низкий столик с двумя фужерами, графин с вином и тарелка с фруктами.

Анна зажгла свечи в подсвечнике и жестом пригласила за столик Жерома. Подвинула к нему ближе пепельницу в виде парусника идущего под боковым ветром и предложила курить. Жером разлил вино и расположился в кресле, которое оказалось не очень удобным, но он не подал вида. Раскурив сигарету, он откинулся на спинку и, выпустив струйку дыма в сторону камина, стал рассказывать про работу в полиции. Про Шкета, который, по его словам, подавал большие надежды, про свою предстоящую пенсию, которую ещё нужно заслужить несколькими годами безупречной службы. Анна смотрела на него с благоговением, улыбалась его шуткам, прижимала руки к груди при рассказе об опасных моментах, смущалась его комплиментам и благодарностям за Шкета.

Вспомнив, что в разговоре нужно не только говорить, но и слушать, Жером задал несколько пустяковых вопросов, на это Анна разразилась длинной тирадой о трудностях, которые поджидают слабую женщину в этой жизни. Стала рассказывать про жизнь в приграничье, которая вовсе не сахар, про погибшего мужа и несчастья, которые свалились на её голову, про воспитание Мозеса как примерного сына, достойного своего отца.

Жером старался слушать и не уснуть от монотонного щебетания Анны. Сигарета догорела до пальцев и это вывело его немного из сонного состояния, он стал прислушиваться к разговору и с удивлением понял, что разговор, вернее монолог Анны, уже касается личных её предпочтениях в мужчинах и что именно он является идеалом её жизни. Жерому понял, наверное пришла пора бежать, он дернул ногой, которая немного затекла в неудобном кресле. Вино в бокале угрожающе заплескалось. Анна порывисто вскочила, стараясь не испачкать своё платье, при этом толкнула столик ещё сильнее, от чего оба фужера опрокинулись, и вино плеснуло Жерому на штаны. Жером стал стряхивать красные капли со штанов и боковым зрением заметил, что Анна стала как-то боком идти мелкими шагами и при этом становилась всё ниже и ниже.

Да она же в обмороке! Пришла догадка и Жером бросился поддержать Анну. Обхватив её за талию, он осторожно посадил в кресло, а так как почувствовал под платьем корсет, то стал внимательно смотреть на бледное лицо Анны. Стараясь привести её в чувство, он стал обмахивать её полый своего камзола как веером, но она всё равно не приходила в себя. Повернув Анну немного на бок, Жером стал расстёгивать её платье, и едва обнажились шнуровки корсета, решительно рванул их. Освобождённая грудь Анны стала судорожно вздыматься, стараясь вдохнуть больше воздуха. Постепенно Анна стала приходить в себя и, узнав Жерома, а ещё осознав, в каком виде она лежит в кресле, залилась румянцем.

Проводив Анну в её спальню, Жером ещё раз предложил вызвать врача, но Анна в очередной раз отказалась, сказав, это с ней не в первый раз и она знает, как с этим бороться. Распрощавшись, Жером спросил разрешения её навестить утром и, получив согласие ушел. По дороге он обдумывал сложившуюся ситуацию. Первоначальное мнение о том, что его пытались соблазнить, он отбросил, разумно предположив, что в таком случае Анна не стала бы надевать корсет. Успокоившись, таким образом, он со спокойной душой направился к своей квартире.

Утром, едва проснувшись Жером почувствовал, что, наверное, поступил не правильно, когда так быстро ретировался из дома Анны, поэтому быстро умылся, побрился и взял извозчика, чтобы заехать за цветами и вернуться к Анне.

Дверь открыла сама Анна, будучи в шёлковом пеньюаре с поясом. Пеньюар, хотя и был непрозрачным, но показывал все впуклости, а главное выпуклости тела. Смутившись, Анна отступила вглубь комнаты, взяла цветы и стала искать, куда их поставить, при этом суетилась и быстро перемещалась из комнаты в комнату.

— Госпожа Терсен, не надо так суетиться, я только на минуту, чтобы справиться о вашем самочувствии.

— Мне, правда, уже лучше. Вы меня простите, за это происшествие. Надеюсь, всё происходящее вы оставите в тайне, за это я буду вам очень благодарна.

В это время Жером стал приносиваться.

— Жером, вы, наверное, голодны. Позавтракайте со мной.

— Да нет! У вас на плите завтрак горит.

Госпожа Терсен, подхватив полы пеньюара, быстрым шагом пошла в сторону кухни, по пути оправдываясь Жерому, что служанки нет, готовит она сама, хотя ей это ещё очень непривычно и не всегда получается. Жером обогнал Анну и быстро снял сковороду с плиты, скривился, обжёгшись о горячую ручку, в полголоса ругнулся, быстро взглянул на Анну и извинился.

— На юге, когда был жив муж, у нас была горничная.

— Садитесь за стол и подождите.

Жером очистил сковороду и опять поставил на плиту. Бросил кусок масла и стал быстро обследовать шкафы кухни. Достал зелёные помидоры, хлеб и колбасу. Быстро нарезал помидоры и бросил на сковородку. Пока они готовились, нарезал хлеб и колбасу и добавил к помидорам. Сверху разбил четыре яйца. Всё это посолил, поперчил и накрыл крышкой.

— Накрывайте на стол, скоро будет готово.

Анна смотрела на Жерома с умилением, он в очередной раз спасал её. Быстро сервировав стол на две персоны, она смотрела, как Жером снял сковороду с плиты, лопаткой разделил на две половины приготовленное блюдо и поставил кофейник на огонь.

— Может вина? — робко спросила госпожа Терсен.

— Я на службе.

— Мой бывший муж иногда себе позволял выпить немного вина перед работой.

Жером подумал, вот из-за этого возможно и погиб. Позавтракав и налив кофе в чашки, они беседовали, просто для приятного времяпровождения. Жером вел себя уже увереннее и заметно рискованнее, чем вечером. Анна уже не казалась настырной особой, которая ищет нового мужа, и её слова не несут скрытый подтекст. Короче, утро удалось! Пока не раздался стук в дверь.

Анна сделала удивлённое лицо и пошла открывать. На пороге появился Шкет.

— Я позавтракать и на работу, а то придёт Моновиль и надаёт по шее за опоздание...

Увидев своего начальника, Шкет застыл, Жером горестно вздохнул, Анна покраснела.

Стараясь сгладить ситуацию, Анна стала приглашать мужчин позавтракать, но вспомнив, что завтрак, приготовленный Жеромом, уже съеден, замолчала. Жером раскланялся и, напомнив Шкету, что служба идёт своим чередом, а дела никто кроме них делать не будет, уехал в полицейский участок.

Шкет, в свою очередь, тоже засобирился и, буркнув, что позавтракает в кафе, быстро вышел, хотя мать уговаривала его остаться и позавтракать дома. Для всех троих утро не задалось, а раз оно не задалось, то и дела пошли наперекосяк.

Шкет

Придя в участок, Шкет не разговаривал с Жеромом, хотя тот пытался с ним объясниться. Обида на своего наставника и на мать, давила на психику и требовала выпустить пар. Жером понимал состояние парня, но изменить ничего не мог, он отказывался общаться. Оставалось одно, загрузить работой.

— Пойдём на патрулирование участка. Шкет молча взял куртку и вышел на улицу. Теперь он шёл впереди и задавал направление движения. Жерому оставалось только идти за ним следом.

Придя на набережную, Шкет целенаправленно пошёл к баркасу Барри, но дойти до него не получилось. Под мостом клошары устроили драку. Два здоровенных нищих избивали тощего, потрёпанного замухрышку. Шкет бросился их разнимать с криком

— Полиция! Немедленно прекратить!

Нищие бросились убегать, оставив на берегу свою жертву. Шкет, поборов брезгливость, протянул руку и помог подняться на ноги немолодому клошару, который сразу стал, затравлено оглядываться по сторонам. Ему очень не хотелось в каталажку.

— За что они тебя избивали? — задал дежурный вопрос Шкет.

— Я залез в их схрон, — размазывая по лицу кровь и грязь давно не мытого тела.

— А зачем ты туда полез?

— По ночам прохладно, думал у них там лёжка, а там склад.

— Склад?

— Я сам удивился, откуда в канализации может быть склад. Ящики, тюки, мешки какие-то. Я всё и рассмотреть не успел, как нашёл еду так сразу и накинулся. Уснул от сытости, а утром они пришли, я убегать стал, а они за мной. Спасибо, спасли от этих притворщиков.

— Притворщиков?

— Так они только притворяются нищими, а сами и сытые и одёжка не грязная.

Жером прислушивался издали к разговору, ему становилось всё интереснее и интереснее.

— Показывай, где склад!

Клошар повёл к входу в канализацию, толкнул решётку и провёл полицейских в широкую трубу городской канализации. Порылся в небольшом закутке и достал ржавый фонарь. Шкет чиркнул зажигалкой и они стали пробираться в глубь, поскользываясь на нечистотах. Через пару десятков метров нищий указал на пролом в кладке. Заглянув внутрь, они увидели, за стеной есть сухое помещение, заполненное, как и сказал клошар, ящиками, мешками и свёртками. Жером развернул свёрток и при тусклом свете фонаря увидел десяток пшаг и кинжалов. Он взял кинжал и стал вскрывать ящик, сделанный из добротных досок. В ящике лежали самострелы разных конструкций и пучки стрел к ним. Жером даже присвистнул, когда это увидел. Оружие не новое, совершенно исправное, металлические детали без ржавчины и смазаны. Вернувшись на набережную, Жером отправил Шкета за стражей, а сам стал прогуливаться вдоль реки, стараясь осмыслить случившееся, понять, кому принадлежит оружие и для каких целей его спрятали.

Проходя мимо пирса, вспомнил, как они вылавливали мешок из реки, и решил допросить Барри. Он ему казался подозрительным. Пройдя по сходням, чуть не споткнулся об кота, который развалился прямо перед входом, увернулся от развевающихся лифчиков и толкнул дверь каюты.

— Барри нет дома. — Крикнули ему с моста. Жером оглянулся и увидел Камиллу Комтуа и девушку-хиромантку. Камилла смотрела на него с улыбкой, особенно когда он уворачивался от импровизированных флагов.

— Дамы! Разрешите вам задать несколько вопросов. — Жером с неохотой покинул баркас и пошёл на мост. Женщины ждали его возле фургона и тихо переговаривались. Появление полицейского их нисколько не встревожило, там более, они уже оказывали услуги полиции, когда предоставили транспортное средство для доставки мешка в участок.

— Инспектор интересуется личностью Барри?

— Мы с ним знакомы. Меня интересует, не замечали ли вы чего-то подозрительного в последнее время?

— В последнее время полиция уделяет слишком много внимания нашим персонам. — Вставила Камилла.

— Я спрашиваю про другое, — инспектор опять начал раздражаться, особенно после того, как подошёл ближе, и женщины уловили «аромат» канализации, исходивший от него. — Подозрительных лиц вы не наблюдали?

Камилла опять ехидно улыбнулась, но её опередила Нинель:

— Подозрительных лиц мы не высматриваем. Нам своих забот хватает, что бы ещё работу полиции выполнять.

Раздражение Жерома росло, ему очень не нравилось то, как «спелись» эти дамочки в своём ехидстве и подтрунивании. К счастью показалась повозка со стражниками, и он раскланялся с ними.

Оружие было погружено в повозку и отправлено в участок, куда и отправились Жером со Шкетом.

Шеф полиции вызвал к себе Жерома с докладом, но только он вошёл, как шеф замахал руками и бросился открывать окно.

— Голубчик! Вы бы приняли ванну и сменили одежду. Ну, ведь дышать невозможно!

— Тогда уж и Шкета тоже отправляйте домой. Он увагался не меньше моего.

— Идите, идите. Доклад представите завтра утром.

Выйдя на улицу и, заметив, как скривилась проходящая мимо женщина, прикрыв нос платочком, Жером решил вызвать извозчика. Но едва подъехав, извозчик стеганул лошадь и уехал. Пришлось идти на поклон к стражникам и ехать через весь город на служебной повозке. Да и то возница затребовал бутылку за проезд. Жером дал ему денег, и он вынес две бутылки вина для себя и для них.

Анна Терсен только ахнула, когда открыла дверь и увидела двух пьяных мужчин, но едва они переступили порог, как она закрыла нос рукой и стала показывать на ванную комнату.

— Немедленно в ванну, примите душ, а одежду в бак.

Они по очереди приняли душ, и надели халаты. Причем долгое время не могли поделить, кому достанется мужской, а кто наденет женский.

— Это твоя мама, она поймёт, почему ты в её халате.

— Но это мой халат, вам он будет мал, а мамин даже вам будет слишком широк.

— Ничего, потерплю, — буркнул Жером, натягивая действительно узковатый халат.

Запихав свою одежду в бак, они вышли в комнату. Анна, как только их увидела, так сразу изошла смехом. На Жероме халат её сына еле сходился, оголяя волосатую грудь, в то время как Шкет был ещё в большей степени похож на пугало, потому как её халат на нём выглядел как груда шёлковой материи на палке.

Пока мужчины мылись, Анна успела вызвать прачку, которая узнав, что нужно стирать затребовала двойную цену, и только получив деньги от Жерома, ушла с ароматным баком под мышкой.

— Сынок, переоденься в свою одежду, — Анна отправила Шкета в свою комнату, а сама стала собирать на стол нехитрую закуску для чаепития. Жером пребывал немного в растерянности, так как остался совсем без одежды, но Анну это нисколько не беспокоило, она украдкой бросала взгляды на его кучерявую грудь, а через какое-то время на его ноги, покрытые бесцветными волосами.

— Забавляетесь? — Шкет вышел из своей комнаты и уселся за стол. Быстро выпил свой чай и направился на улицу, бросив с порога, — Я буду у Барри.

Проводив его взглядом Жером вдруг понял, что он стоит без одежды, и когда его одежда будет готова, неизвестно. Он стал испугано озираться. Заметив это, Анна сказала:

— О, не беспокойтесь! У меня в шкафу есть совершенно новый костюм моего мужа, он вам подойдёт. Да и рубашки есть. Думала, вот Мозес подрастёт и ему пригодится.

Примерив костюм, Жером почувствовал себя увереннее. За чаепитием Анна стала рассказывать об умершем муже:

— Нас поженили по сговору. Родители мужа не были богаты, но устроили его в военное училище, офицеры получают зарплату от государства. Мои же родители, хоть и древнего рода, но так же растеряли своё былое богатство. Ничего, кроме громкого титула, и не осталось. После смерти мужа у нас ничего не осталось. Я и упростила дальнего родственника пристроить Мозеса на службу.

— Так наш мэр вам родственник?

— Очень далёкий, но мы из одного рода. Наш род даже древнее рода нашего правителя. Мэр не единожды говорил, что у него больше прав на престол, чем у князя.

Пока примеряли одежду, пили чай, разговаривали, незаметно подкрался вечер. Жером пожелал спокойной ночи и отправился домой, сказав, что костюм вернёт утром.

Заехав утром и отдав пакет с костюмом, Жером спускался по лестнице, когда столкнулся со Шкетом. Зло посмотрев на Жерома он буркнул:

— Папой называть не буду.

Барри

Барри, проводя время со Шкетом, только посмеивался над ним, когда тот рассказывал, о том, что Жером остаётся ночевать с его матерью.

— Ничего, дело житейское, глядишь и поженятся.

— Это как понимать? Она пригласила поблагодарить за то, что он меня учит, а он сразу в койку её поволок. А ещё говорил, что старый холостяк.

— Они, старые холостяки, такие, — подливал масла в огонь Барри, — своих жён нет, так они соблазняют чужих. Кстати, твоя мать вдова, так что, формально, он имеет право.

— Но это моя мать! Она же была с моим отцом.

— Ну, а теперь-то она одна. Как ты не понимаешь, ей трудно одной, нужно мужское плечо, на которое она может опереться в трудную минуту, кто её поддержит, защитит.

— Тебе хорошо говорить, у тебя никого нет.

— А вот это было обидно.

— Прости.

Шкет заранее предупредил Барри, что не хочет идти домой, и они допили остатки из бутылки и улеглись спать.

Утром Шкет, выйдя на палубу, улыбнулся, обнаружив ещё один лифчик, поднял его и повесил на ванты. Его настроение упало по приходу домой, куда он утром забежал переодеться в постиранную одежду. Он столкнулся с Жеромом на лестнице и, поняв, откуда он идёт, сказал:

— Папой называть не буду.

Нинель

Проведя весь день в расстроенных чувствах, Нинель вечером заглянула к своей новой подруге Камилле, которая тут же рассказала о ночном происшествии. Присев за столик со сладостями подруги стали обсуждать сложившуюся ситуацию Нинель негодовала на Барри, в то время как Камилла его только немного осуждала, ссылаясь на его молодость.

Проговорив до тёмной ночи, они уже почти разошлись, как Камилла предложила Нинель переночевать у неё.

— Ты можешь остаться у меня. Переночуешь и утром вернёшься к себе или как получится. Слуги постелят тебе в гостевой комнате.

— Я не буду спать на той же кровати, где спали эти обалдуи.

Камилла рассмеялась:

— Успокойся! У меня найдётся и другая гостевая комната. Я скажу слугам, что ты будешь там ночевать всегда.

— Но у меня фургон и клиенты, — стала протестовать Нинель, но Камилла её успокоила.

— Утром тебя отвезёт мой кучер к тебе в фургон, а вечером заберёт.

Вернувшись утром к своему фургону, Нинель обнаружила на подоконнике свой стеклянный кувшин, который она когда-то оставила у Барри. Но не это её поразило, а то, что в кувшине лежала горстка монет, оставленная неизвестно кем.

Жером

Мэр пришёл в полицию и, топая ногами, стал требовать сдать найденное оружие в

мэрию.

— Да такого и не было никогда, — воскликнул шеф полиции.

— А теперь есть, и всё найденное оружие сдавайте в мэрию.

— Для хранения оружия требуется соответствующее помещение.

— Мы его оборудовали.

Вмешался контрразведчик.

— Это вещдоки и их надлежит хранить в полиции до окончания расследования.

Мэр вылетел из кабинета, громко хлопнув дверью.

— Чего это он? — Удивился шеф полиции, Жером пожал плечами, контрразведчик промолчал.

Обсуждая дальше происшествие со складом, стали обсуждать засаду для поимки владельца оружия. Жером всячески отказывался принимать участие, пока контрразведчик не подвёл итог совещанию.

— Контрразведка официально привлекает вашу группу для выполнения специального задания, это не обсуждается.

Для убедительности «контрик» прихлопнул ладонью по столу.

— Моя группа, это я и необстрелянный желторотик, который работает в полиции всего неделю.

— И успел уже отметиться в этом деле! — вставил своё слово шеф, от которого «контрик» скривил гримасу, но промолчал.

Пока обсуждали детали и количество участников, пока согласовывали свой план, не заметили, как день стал клониться к вечеру. По шуму в коридоре поняли, что вернулся мэр. Он размахивал бумагой и решительно направлялся в кабинет шефа.

— Мы подготовили помещение под хранение оружия, так что можно отвезти в мэрию всё найденное оружие и то, которое раньше нашли и конфисковали тоже. У нас есть для этого арсенал.

— У вас есть морг? — задал вопрос «контрик».

— Да.

— Вот и примите туда труп преступника.

— Следствие незакончено? Вот и храните у себя! — мэр ушёл, хлопнув дверью.

Уже выходя из участка, выяснилась неприятная новость. Мэр своей властью отправил повозки с оружием в городской арсенал. Пришлось срочно менять планы. Решили для спокойствия отправить Шкета следить за городским арсеналом. Жером решил, что так будет спокойнее для него и для Анны. А в помощь ему отправить одного стражника и младшего «контрика».

Выйдя на улицу, Жером остановился и с удивлением смотрел на едущих по улице ровными рядами эмиратских всадников. Развевались шёлковые шлейфы, свисающие со шлемов, колыхались бунчуки, всадники смотрели заинтересовано по сторонам. Однако прохожие улыбались и приветствовали живописный отряд.

— Это кто такие?

Шкет со спины ответил:

— Отряд эмиратских джигитов. Прибыли для участия в соревнованиях и цирковом представлении.

— Сами прибыли?

— По городу уже неделя, как развешаны афиши об организации на ипподроме этого

представления. Говорят, даже князь решил посетить наш город.

— Чёрт знает что! — В сердцах плюнул «контрик», так как и для него это стало новостью, к которой он был не готов. — Мы с эмиратами в натянутых отношениях, а они устраивают представление.

Кто такие ОНИ, «контрик» не уточнял.

Барри

С появлением денег в заначке, жизнь Барри пришла в некоторое замедление. Особенно много тратить денег он опасался, а по мелочи тратилось только на еду. Конечно, зудело. Подмывало потратить сразу много. Хотелось удивить Нинель. Ошеломить. Но! Очень не хотелось наступать на старые грабли, в виде громил Трога или Айгора Лекса. Стоит только засветить деньги, то налетят как шершни. Хорошо если только покусуют, а то может произойти что-нибудь и покруче этого. Ещё в голову приходили сожаления по поводу утраченного мешка. Как не вовремя Шкет выловил его мешок. Правда вспомнив, что денег в нём было всего ничего, а остальное была наркота, но всё же. Это был его мешок, и ему было его жаль.

Проводя большую часть времени по кафешкам, Барри возвращался под вечер. Нинель продолжала дуться на него, и приходилось вечера скрашивать разговорами с новым другом. Только осознание того, что проблемы с наркотой прошли мимо Барри благодаря Шкету, позволило сначала не злиться на него, а потом и принять как друга. Ещё немаловажную роль сыграло и то, что Шкет был его ровесником и с таким же кругом интересов как у Барри.

Однако Барри очень хотелось примириться с Нинель, но присутствие Шкета делало все попытки бесполезными. После того, как Жером стал появляться в доме Шкета и проводить время с его матерью, Шкет стал приходить ночевать к Барри. Нинель дула губки, но ничего не говорила. Пришлось намекать, а не надоели ли гостям хозяева. Шкет понял всё правильно, потому, что и сам задавал себе вопрос, почему перестала приходить Нинель.

Шкет

В этот день неприятности для Шкета не закончились. Мало того, что мать стала встречаться с Жеромом, так ещё и Барри отказал в проживании. Шкету был понятен поступок друга, да он бы и сам отказал в такой ситуации, но простить мать и своего наставника он не мог.

Приходилось и работу делать и жильё искать. Хорошо, хоть его отправили проследить за городским арсеналом. А то пришлось бы дуться и не разговаривать с наставником.

Просидев втроём в кустах возле арсенала Шкет перезнакомился со стражником и молодым «контриком». За разговорами они чуть не пропустили, как к арсеналу подъехала огромная фура с сеном.

— А сено зачем в арсенале? — вопрос стражника повис в воздухе, все молчали и молча наблюдали как откуда-то появились люди и стали таскать тюки из арсенала.

— Это что такое? Они, что переправляют оружие? — Шкет заволновался и стал озираться по сторонам.

— Нас послали только наблюдать, — прошипел контрразведчик и стал хватать за полу камзола Шкета, который уже собирался пойти выяснять обстоятельства погрузки.

Фура отъехала довольно быстро. На крыльце остался служащий мэрии и один из грузчиков. Они разговаривали тихими голосами и как не напрягался Шкет, но ничего не мог разобрать. Контрразведчик стал подталкивать Шкета:

— Надо проследить за телегой с сеном, чего грузили и куда поехали.

— Надо доложить начальству! — вмешался более опытный стражник и стал раскладывать свою сумку.

— Вы пока набросайте сообщение, а я быстренько сбегаю в участок.

— Ага! Сваливаешь, когда жареным запахло.

— Молод ты ещё, мне такое говорить, я за свою жизнь столько раз ходил под смертью, тебе и не снилось. — Стражник разволновался и наконец, предложил, — вон, пусть «контрик» донесение отнесёт.

На этом и остановились. Контрразведчик Жан взял донесение и попятился из кустов. В это время разговаривающие незнакомцы закончили свой разговор, пожали руки и разошлись. Один вернулся в мэрию, а другой направился пешком в сторону полиции. Появившийся из боковой улицы Жан пристроился за ним и неспешно направился в том же направлении. Совмещая и доставку донесения и негласное наблюдение за подозреваемым. Шкет подумал — профессионал! Но затем понял, что отвлёкся и предложил стражнику остаться наблюдать, а сам отправился по следам телеги с сеном. Телега нашлась в нескольких кварталах брошенной. Лошадей даже не выпрягали, а просто бросили поводья на землю. Когда туда подошёл Шкет, то возле неё уже крутились несколько подозрительных лиц, явно собираясь приватизировать брошенное имущество. Не обращая на них никакого внимания, Шкет подобрал поводья и стал забираться на место возницы.

— Ты кто? — один из прогуливающихся подошёл развязной походкой к телеге.

— Полиция, — Шкет равнодушно бросил ответ и продолжил взбираться на телегу.

— А может это наша телега?

— Ага, и труп под сеном тоже ваш. — Шкет щёлкнул кнутом и направил повозку в сторону полиции.

Жером пришёл в возбуждение от вида Шкета на телеге с сеном.

— Ты что себе позволяешь?

— На этой телеге перевозили оружие из арсенал сегодня вечером.

— Оружие перевозили на нашей телеге.

На крыльце столпились свободные от службы стражники и полицейские. На шум вышел шеф полиции и все замолчали. Шкет спрыгнул на землю и объяснил, почему он привёз телегу.

— Да как же возили оружие на этой телеге? — Не унимался Жером.

Шкет театрально подошёл к сену и одним рывком вырвал большой клочок сена. В образовавшейся прорехе стало видно, что внутри есть пустота. Вырванные клоки сена с другой стороны дали свет и стало видно, внутри лежит окровавленный человек. Вытащенное из телеги тело положили на землю. Пришедший по вызову врач констатировал смерть и просто удалился, бросив через плечо:

— Заколот мизерикордией в сердце, под лопатку.

— Мизерикордия? А что это? — Шкет посмотрел на Моновиля и Жером ответил:

— Стилет, узкий кинжал для добивания жертвы. А почему ты бросил свой пост.

— Там остался стражник, а «контрик» должен был принести донесение.

Шеф подтвердил его слова, но Жером, продолжая злиться на Шкета, добавил от себя:

— Возвращайся на пост. Дежурить до утра.

— Мама будет волноваться.

Жером скривился как от гнилого лимона:

— Я заеду и сам ей сажу.

Шкет зыркнул на своего учителя и вразвалочку ушёл.

Шеф подошёл к Жерому:

— Вы уж обязательно сходите к его матери и объясните ситуацию.

Жером Моновиль посмотрел на шефа полиции и покачал головой:

— В этом районе даже не курящие, на всякий случай, с сигареткой ходят, а он просто так взял и уехал. Безбашенный!

— Как бы нам не пришлось собирать осколки этой башни.

Нинель

В очередной раз, принимая свою подругу Камиллу в фургоне, Нинель думала, как ей примириться с Барри. Камилла мило улыбалась и, попивая кофе, с удовольствием рассказывала про баркас Барри, который превратился в забавный балаган-выставку бюстгальтеров.

— Конечно они все не дорогие, но есть очень интересные как по форме, так и по расцветке. — Камилла посмеивалась над своей подругой почти в открытую, во всяком случае, Нинель это прекрасно понимала, — Есть такие, что просто оторопь берёт от объёмов. — Она помолчала и продолжила, — Как хорошо, что у нас с тобой довольно приличные формы, которые не страшно предъявить на обозрение. А твоя грудь так вообще превосходная и может обходиться без этого аксессуара. Я помню, помню твой рассказ о том, какое впечатление оставил подаренный комплект на Барри. А, кстати, где этот юноша, который так старался произвести на меня впечатление и так смущался, оказавшись в моём доме?

Камилла внимательно посмотрела на Нинель, которая опустила голову и не знала, что и ответить.

— Ты ещё не помирилась?! Нельзя, чтобы это продолжалось так долго. Обязательно помирись.

— Я никак не могу застать его одного, да и он приходит всегда очень поздно.

— Поздно? И что он делает целый день?

— Он постоянно со своим другом, с дурацким именем Шкет. Он последнее время у него ночует на баркасе.

— А пойдем, подышим свежим воздухом, — предложила Камилла и они вышли из фургона и отправились на мост. Посмотрели сверху на коллекцию лифчиков Барри, которые развевались на ветру.

— Вот знаю, откуда они берутся, а всё равно злюсь. — Нинель отвернулась от созерцания баркаса и стала смотреть в другую сторону. Камилла наоборот стала всматриваться в баркас и увидев в иллюминатор Барри махнула ему рукой, приглашая присоединиться к их прогулке. Барри подошёл с Корнелиусом на руках.

— Добрый вечер, дамы! — Барри опять «включил» обаяшку, — Мы с Корнелиусом тоже решили совершить вечерний променад, а то мы последнее время не высыпаемся.

— А что так? — Заинтересовалась Камилла, которая решила поддержать разговор, увидев, что Нинель упорно игнорирует Барри.

— У меня ночует мой друг, который вынужден был уйти из дома.

Камилла поняла про кого разговор:

— Уж не уважаемый ли младший инспектор полиции, со славным именем Шкет?

— Он самый. Его мать устраивает свою личную жизнь, а он против нового папы, — рассмеялся Барри, поглаживая своего кота.

— Так это не проблема! — воскликнула Камилла, и продолжила. — Вы же видели мой дом. Ну как мой. Я его снимаю. Дом слишком большой для меня и парочки слуг. С удовольствием сдам комнату вашему другу, чтобы, наконец, вы могли выспаться и отдохнуть. — Она толкнула коленом свою подругу, которая продолжала дуться на Барри. — Пусть приходит, я предупрежу слуг.

Нинель продолжала не разговаривать, а только вздыхала, но её молчание прервал кот Корнелиус, которому надоело сидеть на руках у Барри, и он перебрался к нему на спину, а оттуда осторожно перешёл на Камиллу, не останавливаясь, перепрыгнул на руки к Нинель. Барри вздохнул и произнёс:

— Ну почему, когда раздаётся стук в дверь, мой кот всегда уверен, что это к нему?

Нинель погладила Корнелиуса и тихо произнесла:

— Я занесу его тебе вечером.

Камилла с удовольствием отметила, что её маленький план по примирению удался.

Жером

Прошли ещё одни сутки. Добавился ещё один труп и новые загадки. Исполняя приказание шефа, Моновиль навестил Анну Терсен и предупредил, что Мозес занят в операции и не будет ночевать дома. Анна отнеслась к этому с пониманием и объяснила, что и муж частенько уходил в походы и погони и не ночевал дома. Жером мысленно усмехнулся — ходок, не иначе. Под прикрытием оперативной необходимости покойный господин Терсен навещал девушек или вдовушек. История знакомая по службе. Слава Единому, что он не женат и ему нет необходимости сочинять красивые сказки и отмазки.

— Госпожа Терсен, ваш сын подает большие надежды. Господин шеф полиции уже отметил его инициативность и наблюдательность.

— Оставьте такой служебный тон. Я знаю своего сына и уверена, когда ему что-то становится интересным, то он непременно будет это изучать со всем прилежанием. Но он ещё совсем юный мальчишка, без опыта, без отцовской заботы. — Анна вздохнула и продолжила, — Мне пришлось его растить одной, а это тяжело, особенно в плане достойного мужского воспитания. Муж, когда был жив, мало уделял ему внимания. Всегда был занят по службе. Всё откладывал на потом.

— Я его понимаю. Люди всегда верят только в хорошее. Только все забывают, что есть и невзгоды. Я сам всё своё время отдаю работе. Шкету, то есть Мозесу, приходится приспособливаться и подстраиваться под меня. Личного времени не остаётся совсем.

— Он, в последнее время, совсем перестал ночевать дома. Приходит только сменить одежду. Вы присмотрите за ним, а то я очень переживаю.

Разговор то начинался, то угасал. Анна постоянно теребила свой пояс, Жером хотел сказать ей что-то хорошее, но не находил слов. Наконец Анна решила и предложила выпить кофе. Не видя другого повода задержаться, Жером согласился. Едва они уселись за стол и разлили кофе по чашкам, как появился Шкет и с раздражением посмотрел на парочку. Постоял немного в раздумии и, наконец решившись, произнёс:

— Мама! Хочу поставить тебя в известность, я решил жить отдельно. Я снял комнату и прошу, что бы ты не волновалась. У меня всё хорошо. Вот и господин инспектор может это подтвердить.

Шкет стал собирать свои вещи, а Анна смотрела на него и не решалась спросить, почему он принял решение жить отдельно. Жером так и вовсе молчал. Чужая семья, чужие разборки.

Закинув мешок с вещами на спину Шкет вышел, громко хлопнув дверями. Анна вздрогнула, вышла из оцепенения, и бросилась на грудь Жерома с рыданиями.

— Он ушёл. Я опять осталась одна. Я никому не нужна, даже своему сыну. Он такой рассеянный, вечно всё забывает. Кто за ним присмотрит? Не дай Единый, попадётся какаянибудь вертихвостка.

Жером стал её успокаивать:

— Он уже большой мальчик. Имеет право на свою личную жизнь.

Жером не любил плачущих женщин, но тут пересилил себя и погладил рыдающую Анну по плечу, одёрнул руку, когда под платьем почувствовал бретельки лифчика, но потом всё равно ещё раз погладил. Женщина в его объятиях немного успокоилась и только коротко всхлипывала.

— Успокойтесь! Прошу вас. Я присмотрю за ним. Я вечером приду к вам рассказать про то, как прошёл его день.

Анна только ещё раз всхлипнула.

— Правда?

Шкет

Раздражение, начавшееся рано утром, не проходило. Шкету очень хотелось наорать на кого-нибудь, но он себя сдерживал и от этого раздражался ещё больше.

Нагруженный своими вещами Шкет пришёл к дому Камиллы. На стук молотка вышла молоденькая горничная.

— Госпожа Камилла предупредила нас о вашем приходе. Комната подготовлена. Я провожу вас.

Горничная пошла впереди, показывая дорогу. Шкет залюбовался её фигуркой, а горничная несколько раз оглянулась на него, с еле заметной улыбкой. Настроение постепенно выровнялось.

Камилла была столь любезна, и выделила большую, светлую комнату с отдельным входом и большими окнами. Едва разложив свои вещи, как Шкет увидел идущего по дорожке Жерома.

— Принесла нелёгкая. — Буркнул он и стал приглядывать пути незаметного ухода. Ещё раз выглянул через щель в занавесках и увидел Жерома с Камиллой, которая собиралась куда-то ехать, но остановилась для разговора с инспектором. Коляска с возницей уже стояла у ворот. Посмотрел, как после разговора Жером взглянул в сторону комнаты, где предстояло проживать Шкету, уселся вместе с Камиллой в экипаж и неспешно уехали.

Шкет быстро собрался и рванул в участок, стараясь успеть до приезда Жерома, но учитывая, что они направились в другую сторону, он успел раньше.

Жерома, естественно, на рабочем месте ещё не было. Вспомнив о допуске, Шкет прошёл в помещение архива. Архивариуса на месте не наблюдалось, и Шкет решил обследовать спецхранилище. Правда, допуска туда ему никто не давал, но ведь интересно! Ключи от двери лежали на столе и так и подталкивали — открой дверь. Осмотревшись по сторонам, выглянув в коридор, Шкет открыл дверь и прошмыгнул в спецхран.

Обилие непонятных вещей, громоздившихся на стеллажах и стоявших просто на полу, его удивило. Назначение многих предметов даже не поддавалось объяснению. Пройдя вдоль стены, он наткнулся на полку с предметами явно оружейного назначения. Длинные изделия из металла и дерева указывали на их сходство с самострелами. Рядом лежали непонятные стрелы в виде бутылочек с острыми пробками. Взяв одну стрелу, он рассмотрел её и даже попробовал отделить наконечник, который с трудом вырвал из бутылочки зубами. Стрела оказалась совсем короткой, а из бутылочки высыпался серый порошок. Собрав порошок на папиросную бумагу, Шкет спрятал его вместе со стрелой и бутылочкой в нагрудный карман. Пытаясь пройти дальше, он споткнулся на непонятную конструкцию на трёх колёсах. Боясь попасться в неполюженном месте, он быстро зарисовал конструкцию в блокноте со стихами, и осторожно выглянув из-за двери, вышел из архива. Его никто не видел. Ну и хорошо, решил он. Насвистывая и сделав совсем глупое лицо нашкодившего мальчишки, пошёл по коридору.

Жером обнаружился в кабинете и сразу набросился на Шкета, что он забросил наблюдение за арсеналом мэрии. Буркнув в ответ на замечание:

— Да иду я, иду. — Шкет отправился к мэрии, где уже находились стражник и младший «контрик» Жан.

Посещение спецхранилища заинтриговало Шкета и разбудоражило его воображение.

Достав блокнот, он долго всматривался в свой рисунок. Заглянувший через плечо стражник усмехнулся:

— Какая смешная тачка. Как на ней что-то можно возить?

Что это транспорт, Шкет догадался и сам, но для чего. Постепенно до него стало доходить, это транспорт не для перевозки чего-то, а для перевозки кого-то. Чем больше он смотрел на рисунок, тем больше понимал, что такого в их мире ещё нет. Ему не давало просто жить непомерное честолюбие. Он хотел не просто разбогатеть, а хотелось оставить след в истории

— Это «золотое дно»! — невольно вырвалось у Шкета. Стражник недоумённо посмотрел на него, а потом вынес своё решение:

— Это оборудование для добычи золота? А я-то думал, для чего такая странная конструкция?

— Ты знаком с золотодобычей?

— Нет. Но ты же сам сказал — золотое дно, вот и решил, что для золота. Хотя и непонятно как его добывать.

Шкет понял, что стражник не разобрался с конструкцией и решил его не разубеждать.

«Контрик» Жан в это время шикнул на них и обратил внимание, что к арсеналу приближаются люди. Шкет с удивлением увидел в группе подходивших Али-духанщика и Айгора Лекса. Этим то, что тут нужно? Тем более, Али в розыске. На крыльцо вышел мэр, и они перебросились парочкой слов и разошлись в разные стороны.

— Надо проследить, где они прячутся, — шепнул Жан.

Барри

Барри, как обычно в последнее время, неотягощённый добыванием денег, вышел на утреннюю прогулку. Безуспешно попытался сдвинуть ногой с дороги обожравшегося Корнелиуса, которому тоже перепадало хорошей еды, переступил через кота и вышел на палубу.

— Утро доброе! — пробормотал он, подставляя лицо солнцу, которое уже подходило к полудню. Вдохнув влажный воздух реки, стал озираться, выбирая в какую сторону сегодня идти.

— Хорошо-то как.

Но эта фраза у него вышла совсем не убедительно, так как он увидел трёх человек на мосту и среди них были Айгор Лекс и Али-духанщик.

Под ложечкой неприятно засосало. Возможны неприятности. Стараясь стать неприметным он закрылся импровизированными флагами, что последнее время развевались на его баркасе. Похоже на него не обратили внимания. Выдохнув, Барри вновь удивился, увидев вторую тройку людей и среди них узнал Шкета.

— Что такое происходит?

Заметив за собой слежку, Али и Айгор остановили извозчика и уехали, бросив короткую фразу своему спутнику, который оглянулся и кивнул головой.

Шкет не раздумывая побежал по мосту, но догнать коляску не получилось. Дорогу заступил чернявый спутник Али. Подпустив Шкета ближе он побежал в сторону входа в канализацию. Шкет припустил за ним, по пути крикнув своим догнать коляску. Однако это стало проблематично, так как она уже скрылась в одном из переулков. Тогда они бросились догонять Шкета. Барри решил помочь новому другу и припустил за всеми, но немного запутался и потерялся в катакомбах канализации.

Шкет

Шкет старался не отстать от подозреваемого, но и держал дистанцию. Мало ли что может приключиться. «Чернявый» свернул в боковой проход и затих. Вбежав в комнату Шкет увидел в каждой руке «чернявого» по самострелу.

— Это полиция, вы арестованы! — выкрикнул Шкет, сорвавшимся от волнения голосом убежавшему.

«Чернявый» остановился и, посмотрев на Шкета, который был один, криво усмехнулся:

— Зря ты так, мог бы ещё и пожить.

— Вы арестованы, — более уверенным голосом воскликнул Шкет, так как услышал шаги за спиной. Это был отставший во время погони стражник.

«Чернявый» вскинул две руки сразу и выстрелил из двух самострелов одновременно. Шкет рванулся в сторону и стрела, предназначенная ему, прошла мимо, а вот стражнику не повезло. Оперение стрелы торчало из его предплечья. Одежда вокруг неё стала темнеть. Стражник коротко вскрикнул и стал заваливаться вперёд, рухнул на колени, а затем упал лицом в пол. Шкет с ужасом наблюдал за тем как из спины медленно появляется наконечник стрелы, которую протолкнул стражник своим весом при падении.

Страх сковал мышцы, а сердце пропустило пару ударов. Третьего самострела у него нет, пришла в голову мысль, значит ещё не всё потеряно. Оружия Шкету ещё не доверяли, опасались неприятных ошибок. «Чернявый» понял, что его противник безоружен и достал тонкий кинжал. Стилет, определил оружие Шкет. Таким убили возницу с сеном.

Подхватив спинку от сломанного стула, Шкет стал бестолково размахивать им. «Чернявый» ухмылялся, предчувствуя свою победу в этом поединке и не торопился. Выждав удобный момент он взмахнул стилетом, и Шкет дёрнул пораненной рукой, его импровизированное оружие стало вываливаться из рук. Противник отскочил немного назад, поигрывая стилетом и примеряясь повторить атаку. Шкет стал отступать к двери, всё ещё держа спинку стула в здоровой руке. Всё произошло одновременно. «Чернявый» сделал выпад, а Шкет метнул ему под ноги стул. Запутавшись в стуле «чернявый» споткнулся и упал прямо на тело лежащего стражника, с торчащей из спины стрелой. Не раздумывая, Шкет всем телом упал на спину противника и по дёрнувшемуся телу понял, что достиг своего. Стрела проткнула и «чернявого», он немного подёргался, но Шкет ещё пару раз навалился на него и наконец, противник заскреб рукой по полу и замер.

— Неужели я его убил? — Сожаления Шкет не испытывал, так как на кону была его собственная жизнь. Адреналин схватки схлынул и его затрясло. Дрожащими руками достал сигарету и сидя на поверженном противнике, стал прикуривать. Долго не мог справиться с зажигалкой, потом сломал сигарету и только с третьего раза прикурил. Выпустил дым и после этого осознал, что сидит на трупе, порывисто вскочил и услышал слабый стон.

В дверном проёме неслышно появился младший «контрик» Жан. С ходу определив диспозицию, деловито убрал свой самострел, явно позаимствованный из спецхрана, спросил у дрожащего Шкета:

— Мертвы?

— Кто-то стонал.

Стали вдвоём переворачивать тела. Наконечник стрелы, пробившей насквозь стражника, воткнулся в грудь «чернявому» в области сердца. Переворачивая тяжёлое тело, стрелу случайно обломали, на это он не отреагировал, так как был мёртв, а вот стражник на это застонал. Его перевернули на спину, он задышал прерывисто, но без крови на губах.

Стрела вошла в плечо полностью по самое оперение.

— Его надо к врачу! — Шкет ещё не оправился от дрожи в теле, так как его голос вибрировал на грани истерики. Контрразведчик кивнул и отправил Шкета за коляской, но заметив его окровавленный рукав, остановил и, достав из кармана перевязочный пакет, перевязал руку и вышел искать коляску сам. Вернулся он через несколько минут в сопровождении трёх стражников, которые без слов подхватили своего раненного товарища и стали выносить на улицу, спотыкаясь о тело убитого и не обращая на него никакого внимания. Они были привычны к виду крови.

Прибыв в отделение полиции, Шкет нарвался на Жерома, который озверел от того, что подозреваемый убит, а сам Шкет ранен.

— Ты зачем подозреваемого убил?

— Это случайность.

— Случайность, что ты выжил. Но зачем ты его на стрелу уронил.

— Я и говорю, это случайность.

— Что я скажу твоей матери? Она меня разорвёт в клочья.

Шкет стоял как нашкодивший мальчик, а сам думал, вот и хорошо. Мама сама решит вопрос и Жером никогда не дождётся от него, что он назовёт его...

— Ты меня слушаешь? — Жером совсем вышел из себя.

— ...папа. — Проговорил Шкет и сам испугался своих слов, — Тьфу-тьфу-тьфу...

Когда Шкет демонстративно плевался капли слюны долетели до Жерома, который просто остолбенел. Рванулся уходить. Вернулся. Беззвучно открывал рот и, судя по артикуляции, беззвучно матерился. Потом стал снимать с себя ремень. Резко отбросил от его от себя, как бы защищая себя от необдуманных действий, посмотрел на Шкета. Тот заметил, что Моновиль собрался в него плюнуть, прикрылся первым, что попало под руку. Попался горемычный портрет князя и плевок попал в него.

Жером

Контрразведчик Жак сидел за столом как хозяин кабинета, закинув ноги на столешницу.

— Что вы можете сказать по происшествию?

Жером прохаживался по комнате с мыслями, когда дверь резко распахнулась.

— Госпожа Комтуа!? — контрразведчик с удивлением стал привставать из-за стола, за которым, до этого, он сидел развалившись. Камилла быстро махнула рукой замысловатый жест, смысл которого был непонятен Жерому, но контрразведчик, похоже, его узнал. Он сделал простое лицо и плюхнулся обратно в кресло, но ноги на стол не стал класть.

— Дорогой Жан, — Камилла с улыбкой смотрела на «контрика».

— Я Жак, госпожа Комтуа. — Стал оправдываться «контрик».

— Мне без разницы. Как так получилось, что господина Шкета ранили? И не надо говорить про случайность. Господин Шкет, в некотором роде, является моим подопечным и мне хочется его видеть живым и здоровым, а не истекающим кровью. Как вы смогли это допустить? И это в присутствии сотрудника спецслужбы.

Жером с удивлением смотрел на происходящие с «контриком» метаморфозы. Только что это был зазнавшийся столичный чиновник, потом провинившийся мелкий клерк, затем обратно чиновник, но без гонора и опять провинившаяся мелкая сошка, которая вдруг осознала глубину своего проступка.

Жером деликатно покашлял, Камилла обернулась.

— И вы здесь! Может, вы мне объясните, как это произошло?

Жерому подумалось — «А чего она тут раскомандовалась?» Пока он собирался с мыслями, Камилла удивительным образом из разъярённой фурии превратилась в скучающую горожанку.

— Господин инспектор, так как так получилось, что ваш подопечный получил такое страшное ранение?

Моновиль даже подпрыгнул при этом.

— Страшное? Да он получил просто порез на руке. Доктор уже обработал и зашил. Всё нормально.

Дверь во второй раз резко распахнулась и в комнату вбежала Анна Терсен.

— Жером! Как вы смогли допустить, что моего мальчика чуть не убили?

Анна опять расплакалась. Камилла посмотрела на неё и распрощалась с Жеромом, при этом даже не взглянула на контрразведчика. Контрразведчик привстал при её уходе, но проследив за её мимикой, спокойно сел за стол и приготовился слушать объяснения Жерома.

Что-то сказать вразумительное не получалось.

— Странное стечение обстоятельств. Мозес был направлен в самое спокойное место, подальше от опасностей. Я специально направил его туда.

— Специально!? — Анна Терсен пришла в ужас, — Так вы хотели убить моего мальчика?

— Убить? Я хотел его уберечь от опасностей.

— Как вы могли? — Не слушая его слова, плакала Анна, — Мой мальчик, весь в крови...

— Весь в крови? — Жером был уверен, что кровью Шкет почти не заляпался.

— ...доктор даёт прогноз, что он может поправиться...

— Может поправиться? Он здоров как бык!

— ...но может и не поправиться. Как я буду жить после этого?

Под шум и рыдания Жак покинул кабинет, а вместо него пришёл на крики шеф полиции. Увидев картину рыдающей Анны, шеф подошёл к ней и стал успокаивать. Анна ещё больше разрыдалась и уткнулась ему в грудь. Руки шефа автоматически легли ей на плечи, он стал поглаживать плечи и шептал успокаивающие слова. Потом шеф сделал зверское лицо и Жером тут же ретировался из комнаты.

Выйдя в коридор, Моновиль подошёл к окну и наблюдал картину, как «контрик» Жак, с выражением преданности на лице, поддерживая за локоток, помогал Камилле сесть в экипаж.

— А ты, что так перед ней лебезишь? — буркнул себе под нос Жером.

Шкет

Получив у доктора необходимую медицинскую помощь, Шкет ходил по управлению героем. Слежка, погоня, схватка, ранение и победа в этой схватке. Его распирало чувство значимости. Сослуживцы, даже не успевшие узнать его имя, подходили знакомиться и трясли руку, выражали восхищение его подвигом. На землю его опустил Жером, которого он встретил в коридоре.

— Ты чего тут шляешься? Марш домой и три дня не появляйся.

— А что так? Я на работе. — Отбрехался Шкет.

— Доктор сказал три дня постельного режима. Полежишь, мамкиного бульончика попьёшь и тогда уж давай, приходи работать.

— Я дома не живу.

По коридору стал распространяться аромат свежего кофе. Жером посмотрел в сторону кабинета шефа и понял, тот успокаивает госпожу Терсен.

— Тогда сам, как нибудь, за собой поухаживаешь, — хохотнул Моновиль, а Шкет на его слова зло зыркнул.

Жером подошёл к окну и стал смотреть сквозь занавески на происходящее на улице. Праздно шатающиеся горожане мало привлекали его внимание, он переключился на наблюдение за экипажем Камиллы, продолжая удивляться поведением контрразведчика, который стоял и пристально наблюдал, как уезжает Камилла. Чуть ли платочком не помахал во след. Шкет тоже выглянул в окно, ничего интересного не заметил, повернулся к Жерому.

— Какие будут указания?

— Тебе уже было сказано — домой! Отдыхать и выздоравливать.

— Что мне там делать? Соревнования на ипподроме еще не скоро. Скучно.

Правда, Шкет представил молодую горничную госпожи Камиллы и предался мечтаниям. «Вот бы она за мной ухаживала. Я бы изображал смертельно раненного, а она меня жалела». Фантазия Шкета иссякла. Что делать дальше он знал только в теории.

Глядя на его мечтательное выражение лица Жером подтолкнул его в спину.

— Мечтается лучше всего лёжа в кровати.

Шкет подарил ему ещё один злой взгляд. Жером в недоумении уставился на Шкета, а он, в свою очередь на него. Молчание растянулось до того момента, как открылась дверь кабинета и оттуда вышли Анна в сопровождении шефа. Шеф заливался соловьём, а госпожа Терсен просто млела от его комплиментов. Шкет в недоумении взглянул на Моновилья, тот просто пожал плечами.

— Так вы не вместе? — прошептал Шкет.

— А с чего ты взял? Просто встретились пару раз на входе. Да ты и сам всё видел.

Шеф и Анна прошли мимо них. Шкет услышал, как его мать приглашала на чашечку кофе вечером, а шеф стал рассказывать какие сладости принесёт с собой.

— Похоже, они нашли общий язык, — Моновиль посмотрел на Шкета и увидел радостную улыбку. — Ты чего лыбишься?

— Так я радуюсь за маму. — Шкет почти пританцовывал — ей будет не просто одной без меня. А шеф мужчина видный, порядочный.

— Ты хочешь сказать, я не такой? — фыркнул Жером.

— Вы старший товарищ, мой наставник. Ну, никак на роль моего нового папы не подходите.

— Ещё скажи, портрет слишком мал и слюна может попадать не только на него, но и куда точнее.

— Это вообще другой разговор. Не я придумал плевать на точность, да ещё по портрету нашего князя.

Жером был непреклонен, и Шкет отправился на новую квартиру, но по пути вспомнил про своего приятеля и свернул к Меликову мосту, около которого был пришвартован баркас Барри. Барри обрадовался своему другу, вытащил из каюты небольшой столик и парочку шезлонгов. Они уселись на палубе за столик, на который поставили бутылку красного вина, которое рекомендовал пить врач, пару фужеров и тарелку со скромной закуской. Разговор крутился вокруг ранения и других подробностей происшествия. Барри внимательно слушал и делал свои выводы, в результате которых получалось, что и Али-духанщик и Айгор Лекс причастны к убийствам и оружию, а главное к наркотикам.

Оставшийся наркотик из мокрого мешка был просушен и отдан на исследования врачу. В результате выяснилось, что это «чайным дракон». Так назывался наркотик, который добывался из растений, растущих только в эмиратах. Процесс выращивания и приготовления был сложным, наркотик был дорогим. Отличался быстрым «приходом», а главное остаточным действием — сильной агрессией. По сведениям от Жерома выходило, что наркотик особой популярностью в княжестве не пользовался, именно по его остаточному действию. В самих эмиратах «чайный дракон» использовали в основном в армии и исключительно перед сражением. Кому понадобилось столько наркотика в княжестве, было совсем не понятно. Ведь не собирался же Али везти наркотик обратно в эмираты.

Друзья мирно сидели, перетирая как новости, так и старые истории. Из благодушного настроения их вывел голос Камиллы:

— Господин Шкет, вам прописан постельный режим, так что прошу в экипаж. Я направляюсь домой и с удовольствием отвезу вас. А по пути вы со мной поделитесь подробностями боя и своими умозаключениями по всем происшествиям, которые произошли с вами.

— Ты меня не забывай, — Шкет стал прощаться с Барри, — тем более я помню, что ты тоже бросился тогда мне на выручку. Такие поступки о многом говорят.

Барри заверил друга, что непременно навестит его в доме Камиллы. Уже совсем уходя, Шкет шепнул:

— У меня есть интересная задумка, я приглашаю тебя поучаствовать в этом. Заинтриговав, таким образом, своего приятеля Шкет уехал.

Нинель

В последнее время дела у Нинель пошли значительно лучше. Неожиданно наплыв посетителей увеличился, времени просто катастрофически не хватало. А тут ещё и Камилла, своим присутствием, подстегнула отношения с Барри, да так, что Нинель уже всерьёз стала думать про замужество. Тем более, Камилла пару раз намекнула ей, что Барри не такой уж и бедняк, имеет кое-что за спиной и вполне годится в мужа. Конечно, если у неё нет более приличной кандидатуры. Нинель попробовала возразить, что более приличные не встречаются с уличной гадалкой, на это Камилла просто махнула рукой и сказала, всё устаканится. Попутно она сказала, что у неё, как и у многих истинных смесок, есть способность определять ложь собеседника. Так вот при разговоре с Нинель его аура начинает светиться розовым цветом, это указывает, что говорящий искренне верит в то, что говорит.

— А разве это необязательно — правда?

— Естественно нет! Говорящий может свято верить в то, что он говорит. И тогда даже магическими способностями невозможно определить, это ложь или правда. Я тебе даже скажу, в определённых кругах меня приглашают на серьёзные переговоры. Именно так я проверила всех своих работников на предприятии. Именно поэтому я не замужем. Я вижу всё в правильном цвете.

— Это так здорово! — воскликнула Нинель, но Камилла её перебила.

— Это моё проклятие! Мой муж был в сиреневом цвете очень долгое время. Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы расположить его к себе. Вот тогда между нами стали порхать бабочки.

— Так это правда, про бабочек в животе?

— Правда! Только не совсем бабочки, а что-то вроде фейерверка, сгустки из разных цветов. Я такая не одна. Естественно информация распространяется. Иногда она обрастает лишними подробностями. Но мы отклонились от темы разговора. Конечно, Барри что-то скрывает, но общее отношение к тебе именно розовое. Иногда цвет одежды вносит свою окраску и тогда возможны ошибки.

— Так вот почему девушки так любят розовый цвет! Скрыть своё истинное отношение к избраннику, когда брак по расчёту.

— И это тоже.

— Про твою способность знают?

— Естественно знают, но только круг особо доверенных людей. Скажу по секрету, князь несколько раз приглашал меня на приватную беседу. Мы так мило беседовали с его супругой, что князь подарил мне кольцо. Правда носить его мне не приходится, слишком дорогое и может стать приманкой для воров и разбойников. Но на приёмы у князя я всегда его надеваю, это знак его расположения ко мне.

Закончив свои воспоминания, Нинель вышла из фургона и посмотрела на баркас. Барри собирался на вечернюю прогулку, помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй. В лучах заходящего солнца его волосы, на мгновение, вдруг вспыхнули розовым цветом. Счастье заполнило её сердце, она ответила ему поцелуем с двух рук.

Жером

Привыкший работать в полную силу Моновиль осознал, что с приходом Шкета его привычная жизнь дала трещину. Он оказался замешан в семейные разборки Терсенов, стал свидетелем беспокойной жизни простых горожан. Конечно, он и раньше, по долгу службы, был в курсе всех новостей, но вот так вот, с головой окунуться в эту бурлящую кухню, ему не приходилось. Больше всего его напрягало то, что он сам стал непосредственным участником этих разборок. Слава Единому, Анна нашла новую жилетку, в которую может поплакаться. Шеф принял на себя эту миссию и, кажется, был этому доволен, как впрочем, и сама Анна. Их отношения стали поводом очередных сплетен и пересудов в участке.

Жизнь вроде стала успокаиваться, во всяком случае, перестала нестись бешеным галопом. Вот кстати про галоп. Выступления эмиратских джигитов, а точнее их тренировки, пользовались бешеным успехом у горожан, что не удивительно при отсутствии других массовых развлечений в городе. Предстоящий приезд князя накладывал некоторую нервозность в деятельность городских служб, что вылилось в повсеместную уборку улиц и покраску заборов. В народ пошла шутка про покраску травы в зелёный цвет.

Как-то стало малоинтересно, особенно мэрии, наличие нераскрытых преступлений. В частности непонятные арсеналы с оружием и нападение на извозчика. В морге лежало три трупа и это мало кого интересовало. Раньше шеф рвал и метал в таких случаях, сейчас же стал мирным и спокойным, может на него так Анна действовала, что и неудивительно. Шеф так и не обзавёлся семьёй и теперь навёрстывал этот пробел. Впрочем, и Моновиль был не женат, но это как-то прошло буднично и незаметно для всех.

Моновиль в своё время был на удивление хорош. Красивый, работающий, с шикарной кучерявой шевелюрой, играл на гитаре, умел красиво говорить и петь. В общем, был похож на пресловутого «принца», которого все бабы ждут. Но работа внесла свои коррективы в его частную жизнь. По этому поводу шеф, тогда ещё молодой инспектор и наставник Жерома, сказал:

— Ты хочешь счастья в личной жизни? Тогда ты выбрал не ту профессию.

Оказалось, он был прав в своих суждениях. Они отдавались работе с полной отдачей и семейная жизнь их не коснулась.

Конечно, в его жизни были женщины, на некоторых он был готов жениться, но как бывает в жизни — не срослось. Не многим нравилась его работа, как сказала одна из претенденток:

— Бедняга, ты родился с душою настолько гармоничной, что даже любовь ее нарушала? Мне нужно больше, чем просто жить, я хочу постоянной любви, обожания, а не редких встреч, вечеров, ожиданий и тревоги.

Жером не избегал женщин и сейчас. Одна из них стала занимать его мысли всё чаще и чаще, и это была не Анна. Госпожа Терсен старалась понравиться и прикладывала к этому массу сил но, слава богу, переключилась на шефа. Камилла! Вот кто стал владельцем его мыслей, правда, пока он не думал о работе. Сейчас, утром, он ещё мог себе позволить думать о Камилле, но и это закончилось очень быстро, пришёл шеф.

— Жером, голубчик! Анна очень беспокоится о Мозесе. Я прошу узнать о его самочувствии. Узнайте, как он. Съездите, пожалуйста, к нему.

Отказать шефу Моновиль не мог, поэтому нанял извозчика и поехал в особняк Камиллы. Госпожа Комтуа была дома и даже пригласила позавтракать, но при этом была чем-то озабочена, поэтому тон её был немного холоден. А Шкет, как оказалось, не ночевал в своей комнате.

— Инспектор, я не слежу за своими постояльцами. Но могу сказать, что вечером пришёл его друг Барри и они ушли гулять. Где они находятся мне неизвестно, может где-то зависли в баре.

Жером откланялся и уходя встретился с «контриком» Жаком. Молча кивнули друг другу и разошлись. Что ему нужно от Камиллы, Жером не понял, но с тревогой подумал, что у него мог появиться соперник. Не то, чтобы он сомневался в своих силах, но всё же стало немного не по себе. Камиллу он знал только поверхностно, а более подробно узнать не позволяли их слишком короткие встречи. Надо расспросить у Шкета. Он живёт у неё, может знать и получше.

Что сказать шефу, Моновиль не знал. Врать не хотелось, но и говорить всю правду тоже. Пришлось сказать, что Шкету стало настолько хорошо, что он отправился на прогулку.

— Вот и хорошо! Так и передам Анне. Утренние прогулки полезны для организма.

Раньше шеф не распространялся про полезное и вредное для здоровья, поэтому Жером удивлённо взглянул на Шене.

— Мне так Анна сказала, — оправдался шеф.

Что за Анна Жером спрашивать не стал и так всё понятно. «Значит, у них уже дошло до утренних прогулок. Ай, да шеф, ай, да... папа!» — Мысленно улыбнулся Жером.

Барри

Заинтригованный Шкетом, Барри не мог успокоиться. Что такого интересного он хотел сообщить? Чтобы не слишком растягивать непонятки, Барри решил срочно навестить друга. Собрал небольшой презент, благо финансы позволяли это сделать, и отправился к дому Камиллы Комтуа. Вышколенный дворецкий без лишних разговоров пригласил следовать за собой и провёл в комнаты Шкета.

Шкет не стал изображать из себя умирающего, просто валялся на диване и читал книгу.

— Всё лежишь?

— А что, мне ещё нужно для достоверности плевать в потолок? — Шкет поднялся и стал очищать от листов бумаги стол, куда и поставили бутылочку вина и сладости.

— Ты мне как девушке на свидание принёс, — улыбнулся Шкет.

— Я тебе как больному другу, — почти обиделся Барри, но Шкет похлопал его по плечу и сразу разлил вино по фужерам.

— Так, что ты хотел мне сказать? — с нетерпением стал спрашивать Барри.

Шкет достал один из листов и показал свой рисунок.

— Оказалось, в участке есть специальное хранилище, в котором собраны странные вещи, и возможно, не из нашего мира. Вот это показалось мне очень интересным. Предлагаю вдвоём подумать, как это сделать.

Барри стал рассматривать листок с рисунком и в задумчивости ерошил свои волосы. Шкет его не торопил и только с улыбкой смотрел на его реакцию. Но Барри молчал, вращая листок под разными углами. Было понятно, что он не мог придумать ничего правдоподобного.

— Ну и что это, по-твоему?

Шкет взял листок, положил его посередине и стал объяснять.

— Первое, что мне пришло в голову, это тележка, но потом разобрался и понял, это для передвижения по дорогам. В княжестве, да и не только основное передвижение идет на лошадях. А тут не нужны лошади. Наездник сам себя передвигает. Барри внимательнее посмотреть на рисунок и на его лице стало отображаться понимание.

— Хорошая игрушка!

— Да не игрушка, а очень интересное изобретение. Сел на сидение и отталкивайся от земли.

— А вот эта кривулька с колёсиком для чего?

— Я ещё не разобрался, но в следующий поход в спецхран посмотрю внимательнее. Если мы это построим и опробуем, то на продаже можем заработать неплохие деньги.

— Это если построим, а если нет? — Барри стал скептически рассматривать рисунок и стал прикидывать примерную стоимость прибора. — Да и денег нужно много, просто так никто не станет нам помогать.

— Если попросить Камиллу нам помочь, то может получиться. Помнишь, она говорила, что у неё есть фабрика по производству сельскохозяйственной техники. Можно попросить изготовить опытный образец.

— Если отдавать рабочим, то только хорошо сделанные чертежи. Ты вот умеешь чертить?

— Я пишу с ошибками, не то, что чертить. — Барри немного расстроился. — Но я помню, как в монастыре мы с ребятами катались на тачке с горки. Было весело. Думаю эту тачку можно сделать, и будут желающие её купить.

Шкет задумался и потёр подбородок:

— Надо думать и считать, что бы получилось хорошо. И пробовать самим.

Они засели за рисунки. Первые чертежи вышли кривыми и совершенно непонятными.

— Так у нас ничего не получится. Надо привлекать специалистов.

— Где их взять, этих специалистов?

В комнате стало темнеть и у обоих родилось решение:

— Надо пойти выпить! — вырвалось у обоих. Они не заметили, как выпили всё вино и съели все сладости, только пустая бутылка и смятая обёртка от конфет остались на столе. Всё бросив они отправились в бар на набережной, который работал всю ночь. Вероятность попасть в драку с пьяными моряками их голову не посетила.

Жером

Работать без помощника у Моновиля получалось значительно медленнее. Шкет раньше брал на себя множество мелких поручений и они, оказалось, отнимали много времени. Расследование замедлилось, что сразу отметил шеф полиции, предъявив претензии в медлительности. Привлекать Шкета к работе после его ранения, Жером считал преждевременным. Немного расстроенный он стал собираться на ежедневный обход своего участка. Проходя мимо дежурного, его что-то толкнуло в голову. Посмотрев по сторонам Моновиль быстрым взглядом прошёлся по клетке временно задержанных. Среди пьяных и избитых горожан он увидел Шкета с Барри, которые ещё не протрезвели и не предпринимали усилий выйти. Их лица представляли спонтанную выставку по разнообразию синяков и ссадин, костяшки пальцев сбиты и уже покрылись корочкой запёкшейся крови.

— Это, что такое? — спросил он у дежурного.

Дежурный, не отрываясь от записей в журнале, пробурчал:

— Уром задержали за драку, сопротивление аресту, непристойное поведение, хулиганство и нанесение побоев стражникам. Будем оформлять на общественные работы в город.

Дежурный продолжил делать записи, высунув язык от усердия. Моновиль заглянул в

журнал.

— Ты хоть выяснил их имена?

— А зачем? Пойдут как хулиганы мести улицы, тем более что мэрия просит таких побольше. Мэр готовится к приезду князя и у него острая нехватка рабочих рук.

Моновиль попросил открыть клетку. Дежурный привычно взял дубинку и прошёлся ею по прутьям клетки, отгоняя от решётки задержанных, безошибочно выбрал из связки нужный ключ и открыл дверки.

— Вот этого я заберу с собой для выяснения, — Моновиль указал пальцем на Шкета.

Дежурный не сильно ткнул палкой в бок Шкета и гаркнул:

— На выход!

Шкет зашевелился и принял вертикальное положение, некоторое время осознавал, где он находится, разобрался, кто перед ним стоит и стал поднимать Барри. Дежурный беззлобно шлёпнул его по рукам, но Моновиль понял, что без Барри Шкет не пойдёт.

— Обоих возьму.

— Как вам пожелается, — дежурному было всё равно, сколько у него задержанных числится в кутузке.

Шкет

Первое, что пришло в голову после пробуждения, это естественно, — «где я?» Вечерний поход по барам кроме головной боли принёс ещё ощущение, что по телу проехала телега и, наверное, не пустая. Осмотрев окрашенные зелёной краской стены с выцарапанными именами и карикатурами на полицейских, а так же сакраментальным «Здесь был Жюль» и, оглядевшись по сторонам, Шкет понял, он находится в камере предварительного заключения. И не просто так, а в своём родном участке, опознав его по характерным рисункам, в которых можно было опознать шефа полиции. Присмотревшись к стоящему перед ним и узнав в расплывчатой фигуре Жерома, обрадовался ему как родному отцу. Сидеть в кутузке Шкету ещё не приходилось и как от туда выбираться, он понятия не имел. Дежурный с дубинкой неожиданно гаркнул на ухо:

— На выход!

Пришлось осторожно принимать вертикальное положение, не смотря на покачивания пола и тошноту. Машинально оглянувшись, в поисках своего попутчика и друга, увидел его лежащего на лавке. Недоверчиво посмотрел на его перекошенное лицо в синяках и ссадинах, на руки со сбитыми костяшками. Промашнувшись несколько раз в попытке поднять, схватил за руку и потянул его за собой. Где-то за пределами восприятия услышал голос Жерома и понял, что он забирает обоих, после чего потянул Барри со всей силы. Уронил на пол, попытался его поднять. Упал сам. Потом неведомая сила подняла их обоих, встряхнула и поставила на ноги. Силой оказались руки Жерома, которые и поставили их на ноги, и встряхивали для того, чтобы они быстрее приходили в себя:

— Пьянь подзаборная. Не можете пить — сидите дома. Раненый называется. Работать не может, а пить так только налей.

Подталкивая в спину, Жером проводил их в кабинет, где оба стали искать глазами кувшин с водой. Долго пили, икая и обливаясь, так как их обоих покачивало. Потом искали место, где можно присесть, причём Барри норовил усесться в кресло самого Жерома. Потом спорили, кто будет сидеть на диване, и с какого края, пока Жером не вышел из себя и не гаркнул на них:

— Сели и замолчали.

Послушно уселись и прислонившись друг к другу стали постепенно закрывать глаза.

— Не спать! — гаркнул Жером кипевший от возмущения, — рассказывайте, как дошли до такой жизни. Почему в таком виде? Почему в участке не сказал, что сам работаешь тут.

Шкет немного повозился и, выдохнув почти прошептал:

— Мы были в баре. Мы отдыхали.

— Это понятно, но с кем вы там подрались?

— Барри сказал, что ему скучно. Мы решили немного повеселиться.

— Хорошо повеселились! Морды у обоих сворочены на бок.

— Так и мы своротили кое-кому... — Шкет опять набрал воздуха, Жером сразу бросил:

— Выдыхай в сторону.

— ... нашлась парочка эмиратских, которым сегодня выступать будет очень тяжело. У Барри знаешь какой удар! У-у-у-у! Потом появились стражники после смены, ну и...

Моновиль горестно вздохнул:

— Пьянь!

В кабинет зашёл шеф с бумагами в руках и остановился как вкопанный. Зрелище было ещё то. Помятые лица, синяки под глазами, запёкшаяся кровь. Шеф хотел сдать назад, но следом за ним вошла Анна Терсен. Увидев сына в таком виде, сразу стала плакать.

— И кто тебя так избил? Шене, как можно было допустить, чтобы мальчик так пострадал? Сначала чуть не убили бандиты, сейчас разбойники измордовали бедного мальчика до полусмерти.

— Дорогая! — шеф споткнулся на вылетевших словах, немного покраснел, но продолжил — госпожа Терсен. Мозесу предписан постельный режим, он должен находиться дома.

— Это всё Комтуа! Это она допустила, что мальчик пойдёт на работу.

— Я не работал, — попытался вставить слово Шкет, но Анна его не слушала. Ей нужно было выплеснуть накопившуюся тревогу прямо сейчас, и она с упоением стала выговаривать шефу. Шене Лоран как мог её успокаивал, но прорвавшийся избличающий кран так просто было не остановить. Минут через пять непрерывных обвинений Шкет вставил:

— Мама, папа, прекратите!

После этих слов и Анна и Шене залились краской и молча вышли из кабинета.

— Папа?! — Жером усмехнулся и продолжил, — во всяком случае, подействовало. Так, что ты там говорил про эмиратских?

— Я и хочу донести до вас, что в городе уже больше сотни эмиратских всадников с полным вооружением. Я понимаю, что они выступать будут на ипподроме, но не в таком количестве. Вот мы и решили немного познакомиться с ними.

— Познакомились?

— Вмещались моряки. Типа мы их девочек увели. Ну и пошло-поехало. Хорошо, что вместе с нами и эмиратских задержали, они только в другой камере сидят.

Жером подхватился с места и выбежал в коридор. Навстречу ему шел, размахивая бумагами, мэр.

— Это просто произвол! Как вы могли задержать мирно отдыхающих циркачей!

— Это не циркачи, а воины, приехавшие на соревнования.

— Моновиль! Мне без разницы кто они. Вы задержали не тех и поставили под угрозу срыва представление, которое готовится для нашего князя. Если Робер — после этого мэр оглянулся и продолжил, — будет недоволен, то вам придётся не сладко. Немедленно

выпустите задержанных и верните им их вещи.

Жером пытался что-то возразить, но мэр махнул рукой и направился в кабинет шефа. Через несколько минут оттуда раздались крики недовольства и вышедший Шене объявил Жерому, что он уволен.

Шкет, который слышал всё, что происходит, не мог поверить своим ушам. Уволили самого лучшего следователя, и за что? За задержание драчунов. Своих значит, отправляем на работы, а иностранцев, невзирая на их поведение, отпускаем! Алкоголь ещё не полностью выветрился из головы, и он решительно направился к шефу и положил заявление об увольнении. Мэр улыбнулся:

— Значит, вот как ты отплатил мне за доброту!

— Я за справедливость. Жером никак не виноват.

Но мэр только царственным жестом указал на дверь. Мол — «пошли вон!»

Вышедший из кабинета Барри, не разобрав, что происходит, тоже выкрикнул:

— И я увольняюсь!

Шеф полиции с удивлением посмотрел на него и пожал плечами:

— Мне уже всё равно. Идите все к чёрту.

Втроём выйдя из участка Моновиль, не сказав ни слова, направился домой. Барри и Шкет пошли на баркас. По пути разглядывали ещё один отряд эмиратских всадников с полным вооружением, гарцующих по улицам города.

— Ох! С каждым днём всё страннее и страннее. — Шкет не мог скрыть своего удивления. — Нагнали на соревнования целую армию.

Барри не стал комментировать слова друга, просто кивнул.

— Надо сходить на эти соревнования и посмотреть, что там затевается.

Жером

Жером, расстроенный увольнением из полиции, бесцельно бродил по городу целый день до вечера. Вот и сейчас, костеря всех и вся, правда про себя, брёл без цели и не выбирая дороги. Он, конечно, ждал выхода на пенсию, но как оказалось, совершенно не был готов к этому. В голове была обида и растерянность, привычный мир рухнул в одночасье, дальнейшая жизнь представлялась только в чёрном цвете.

Выйдя на Меликов мост, Жером готов был броситься вниз головой. «Дурь какая-то в голову лезет, говорят, это первый признак беспомощности» — подумалось Жерому.

Навстречу шла молодая женщина, что-то было в ней не правильно. Когда она подошла ближе, Жером понял неправильность, она была обнажена до пояса.

Стараясь не попадать в неприятности, он перешёл на другую сторону моста. Женщина прошла мимо, не поднимая глаз. Жером оглянулся и увидел за спиной, в самом начале моста группу мужчин, которые с улыбкой смотрели на идущую девушку и подталкивали наряженного парня, с шалью и букетом. Рядом, в развязном виде облокотившись на парапет моста, стояли два стражника. Вот эти просто наслаждались бесплатным действием, отправленные на дежурство к Меликову мосту в полнолуние.

Его настроение изменилось и вместе с этим изменилось восприятие мира. Луна стала светить ярче, птицы петь мелодичнее, а цветы перестали пахнуть раздражающе. Улыбаясь сам себе, Жером перешёл мост и, проходя мимо фургона хиромантки, еле успел уклониться от распахнувшейся двери и подхватить выскочившую женщину, которая почти сбила его с ног.

— Опять вы? — Жером был удивлён и обрадован одновременно, увидев в своих объятиях Камиллу. Она непринуждённо и без тени смущения высвободилась из его объятий.

— Дорогой Жером, мне кажется или это на самом деле?

— Что именно?

— То, что вы намеренно ищите встречи со мной.

— Я бы не сказал, что это намеренно сейчас, но мне чрезвычайно приятно видеть вас. И если для следующей встречи необходимо вас отслеживать, то я буду только рад сделать это.

Камилла улыбнулась и, повернувшись к раскрытой двери фургона спросила:

— Что скажешь?

Из глубины послышался короткий смешок и девичий голос ответил:

— Завтра уже поздно.

Потом хихикнули ещё раз и продолжили:

— Пусть купит шаль. И пусть ждёт.

Камилла залилась смехом, сделала книксен и устремилась к коляске, что выехала из-за угла.

Жером оторопело переспросил у уже начавшей закрываться двери фургона:

— Купить шаль? Зачем?

— Мужчины! Вы все хотите узнать то, чего знать не хотите.

Заметка в местной газете.

«...Неизвестно по какой причине, по городу распространилось суеверие, что если незамужней женщине пройти по Меликову мосту с открытой грудью, то в скором времени у

неё встретится жених. Желаящих найти свою половину с каждым днём становится всё больше и больше. Посмотреть на это приходит уйма народу. Магистрату пришлось выставить пост полиции.

Как ни странно, многих женщин на другой стороне ждут мужчины, которые предлагают себя в мужья. Магистрат снял комнату для регистрации браков...

Остановить данное действие стало невозможно, так как новость добралась до провинций. Многие отправились в путь. К тому же многие кандидатки в невесты везут на возах своё приданное. На дорогах активизировались грабители. Для наведения порядка выделены дополнительные подразделения стражи.

Для упорядочивания...»

Камилла

Шкет и Барри заявили поздно вечером. Камилла не то, что их ждала, но немного волновалась за постояльца, взяв негласное шефство над Шкетом. Ей импонировал энергичный молодой человек. Самостоятельный, инициативный и думающий не по указке. Барри был более простодушный. То, что он нравился Нинель, было дополнительным штрихом к её расположению к нему.

Друзья заявили немного выпившие. Последствия вчерашнего загула проявились в полной мере на их лицах в виде сиреневых фингалов. Пригласив на вечерний чай, Камилла выслушала все новости и особенно заинтересовалась их наблюдениями о большом количестве эмиратских солдат.

— Так вы считаете, что их слишком много?

— Госпожа Комтуа... — начал Шкет, но Камилла перебила его:

— Просто Камилла. Мне будет приятно, если вы оба будете обращаться ко мне именно так.

Она видела их ауры и понимала их озабоченность ситуацией, но не хотела излишнего официоза.

— Камилла, мы в последние два дня предоставлены сами себе. Много гуляем по городу, — Камилла в этом месте слегка улыбнулась, — и заметили, что к предстоящему представлению прибыло много эмиратских всадников. И это не какие-то циркачи, а профессиональные военные. Они этого и не скрывают. Посмотрев программу выступлений, мы поняли, что будет три этапа выступления. Поначалу думали, что это будут одни и те же наездники, но когда в город прибыло три разных группы, то стало понятно, это уже полностью кавалерийский эскадрон. Что характерно, все со штатным вооружением. Наводит на определённые размышления, особенно в свете предстоящего визита князя.

Камилла в задумчивости стала ходить по комнате с такой скоростью, что у всё ещё пьяных друзей начала кружиться голова. То, что князь Лё Пети Робер Третий её хороший знакомый, она не стала рассказывать. Но хороший знакомый или плохой, это не имеет никакого значения. Странно, что эмиратские наездники даже не скрываются, а мэрия выделила им недалеко от города место под лагерь. Это сделано по предварительной договорённости? Кто в таком случае договаривался с ними?

— Ах, как не вовремя вы получили ранение, да и господин инспектор в опале. Даже спросить не у кого. Даю вам двоим задание, пойти на представление и проследить, что там и как.

Камилла остановилась перед столом в раздумии, достала свой красивый кошель, отсыпала немного денег, разделила на две половинки.

— Это вам на расходы, но не на гулянку. Купите билеты на представление и посмотрите на тренировки. Если что-то заметите странное, то сразу сообщайте мне. Не надо лезть в опасные места. Просто наблюдайте. Представляйтесь как этикие любители конных соревнований и не более того.

Барри как школьник поднял руку.

— Я могу зайти за кулисы, меня там все знают.

— Хорошее предложение, так и поступайте. Расспросите своих знакомых, пообщайтесь в неформальной обстановке, узнайте новости и слухи, что вертятся вокруг этих представлений.

Разработав свои действия на следующий день, все разошлись спать. Камилла долго не могла уснуть, обдумывая всю полученную информацию. Несколько раз вставала и садилась писать. За ночь она написала три письма и едва проснувшись, раздала письма слугам, чтобы отнесли адресатам.

Барри и Шкет после завтрака отправились на ипподром за билетами и заодно проверить, что творится в конюшнях. Ипподром их встретил шумом и гамом. Все вокруг спрашивали билетик. Многочисленные ловкачи впаривали билеты на тренировки под видом представления, но и в таком виде на билеты был спрос. Найдя два билета и заплатив тройную цену, Шкет и Барри прошли контроль и поднялись на трибуны. В бинокли, взятыми на прокат, стали рассматривать публику. Но это им вскоре надоело, и они решили навестить друзей Барри. Спустились в под трибунное пространство, купили несколько пирогов и пошли в сторону конюшен. Там их встретили эмиратские часовые и не дали пройти внутрь, хотя Барри и ссылался на своих знакомых. Часовые делали вид, что не понимают, о чём говорят молодые люди. Пришлось вернуться на трибуну и смотреть на тренировку.

Жером

Находясь дома, ничего не делая, Жерому было плохо. Привычка с утра идти в участок и заниматься делами, гнала из дома. Но куда идти, если ты уже не работаешь? Да и дело не раскрыто, что было ещё более непривычно для Жерома. За всё время службы только три дела остались не раскрытыми и легли в архив. Одно о похищении ребёнка, другое об убийстве сотрудника таможенной службы. Третье даже не убийство, а самоубийство работника магистрата. Но там столько всяких нестыковок, что Жером заподозрил, что чиновнику «помогли». Как не искал зацепку, так и не нашлось ничего, что могло бы привести в раскрытию. Так и закрыли как самоубийство.

Из полиции уволили, но кто мешает ему самому разбираться в деле? Назначив самому себе задание завершить дело об убийстве возницы, а ещё и раскрыть владельца бандитского схрона с оружием, Жером приободрился. Даже перед зеркалом, едва побрившись, промурлыкал популярную мелодию, правда, не до конца. Жизнь приобрела новый смысл. Он ещё всем докажет, что рано списывать его в пенсионеры.

Чтобы иметь представление как идут дела в участке решил отправиться к Шкету. Он то теперь, наверное, старший в группе. Из одного человека. При этой мысли Жером улыбнулся. Проходящая мимо девушка заинтересованно взглянула на него и вернула улыбку. Жером чуть было не споткнулся и прибавил шагу.

Дом Камиллы встретил его тишиной и цветами на клумбах вдоль тропинки. Моновиль остановился и залюбовался розовым кустом. Его рассеянность, которая стала проявляться после увольнения, сыграла с ним дурную шутку, он не услышал шаги за своей спиной.

— Что-то ищите? — от голоса Камиллы он вздрогнул.

— Своего мальчика. — На автомате ответил Жером. Камилла улыбнулась:

— Я всю жизнь считала, что мальчиков находят в капусте, в розовых кустах только девочек.

— Я ищу своего напарника — поправился Жером и замолчал. Камилла на него действовала гипнотически, а помня её язвительные замечания, он не стал развивать тему разговора.

— Вы же не работаете. Как сказал Шкет, вы на пенсии и отдыхаете.

— Не могу быть без дела и ничего не делать. Так и до сумасшествия недалеко.

— А без мальчика у вас дела, я так поняла, не идут? — губки Камиллы стали подёргиваться, было видно, что она сдерживает улыбку. У Жерома мелькнула мысль, что он опять нарвался на колкость этой дамы.

— Этот, как все считают, мальчик, является штатным сотрудником полиции и моим учеником.

— Так мы с вами, оказывается, породнились! Я считаю себя наставницей этого молодого и очень перспективного человека.

— Как? И вы тоже наставница?

— Вы наставник в уголовных делах, я в гражданских. Шкет внимательно относится к моим советам, и я считаю, что из него будет толк. Ещё я стала его поверенным в любовных делах. Только он ещё очень этого стесняется. Наверное, берёт пример с вас.

Моновиль не знал, что и ответить, только молча сплюнул в раздражении, что не прошло мимо внимания Камиллы.

— Что, портрета князя не хватает?

Моновиль только развёл руками:

— И тут вы в теме.

— Хотя достаточно пикировки. Ваш мальчик у себя в апартаментах. Небось, волочит за горничной.

Не дожидаясь дальнейших колкостей Жером направился к Шкету. Шкет лежал на диване, а мебель у Камиллы была шикарной, и спал, накрывши лицо раскрытой книгой, видно заснул при чтении. Жером нарочито громко захлопнул дверь. Шкет вскочил и спросонья стал осматриваться по сторонам.

— Ушла твоя горняшка! — усмехнулся Моновиль, на что Шкет непонимающе заморгал глазами.

— Какая горняшка? Я читал книгу. Уснул, наверное. — Он пару раз шмыгнул носом и уставился на Жерома — А вы как тут оказались?

Моновиль не стал ничего объяснять, взял книгу и прочёл название «Движение и механика».

— Собираешься идти учиться? Вроде поздновато спохватился.

— Да нет! Один проектик очень интересный, вот и решил немного подтянуть знания по механике.

Шкет взял книгу из рук Жерома и, вложив закладку из конфетного фантика, прошел к противоположной стене и спрятал под подушку своей кровати.

— Я не за этим пришёл. Как там идут дела в управлении?

Немного подумав, Шкет стал перечислять все новости. Но Моновиль его перебил.

— Ты конкретно по продвижению дела об убийстве возницы говори.

— Висит это дело. Некому его вести. Мне не доверяют, хотя выдали карманный

самострел. Говорят, лечись, а вас выпихнули на пенсию. Кто будет расследование вести? Некому! Шеф сам не свой ходит по участку, злой как сто волков в голодный год. Мамаша моя ему обеды таскает прямо в кабинет и всё время жужжит и жужжит над ухом — мой мальчик! Не дай бог, что с тобой случится! Я один раз пришёл, послушал и мне хватило. Задолбала эта тягомотина. Только хорошего и есть, что с Барри по вечерам гуляем, — Шкет, поняв, что сморозил глупость, тут же спохватился и продолжил, — не по барам, а по городу. Билеты купили на конные представления на ипподроме. Говорят, сам князь приедет посмотреть на это действо. Все билеты расхватили, даже на тренировки. Мэр своего шурина вызвал в город, а шурина командир полка драгун. Так он вместе со своим полком приперся. Говорит, что приехали перенимать опыт, а что там перенимать, это же не военные действия. А билеты уже все почти проданы, вот наняли артели плотников, чтобы построить дополнительные трибуны на ипподроме. Сам Айгор Лекс распоряжается на стройке. Все говорят, что заплатили ему много, вот он и старается, хочет отличиться перед князем. А кто заплатил? Город. Сам мэр распорядился трибуны строить. Отдельную трибуну для князя и свитыстроит, как раз на другой стороне от основных трибун. А выступать как будут? К кому задом то поворачиваться будут?

Жером тихонько похихикал над размышлениями Шкета и отправился домой обдумывать. Выходило, что тихий, провинциальный город в одночасье стал как растревоженный улей с пчёлами. Ведь дел то навалилось. И пропавшие миллионы Али, и поварёнок с мешком наркоты, и воз сена с возницей, у которого горло от уха до уха перерезано, клошар из канализации со складом оружия. Хотя мечи да шпаги старые, от этого они не стали менее опасными. Ещё бывший беспризорник. Вот чего такого он мог сказать под пытками, а главное кому понадобилось простого строителя зверски замучить. Шкет ещё косорукий. Не мог просто скрутить бандита, да допросить с пристрастием. «Я случайно, случайно!» Взял и прикончил подозреваемого. Правда, надо отдать должное, подозреваемый мог и его тихонько прирезать и в канализацию сбросить. А там уж ищи — свищи. Говорят в канализации и крокодилов видели. Схарчат труп и костей не останется. Город наводнили спецслужбы, возбудилась мэрия и простые жители, ещё и приезд князя на представление внёс раздрай и шатания. Увольнение из полиции Моновиллю совершенно не нравилось, и не потому, что уволили его, а потому, что несколько преступлений сразу забуксовали и практически стали переходить в нераскрытые, а Жером этого не любил.

Промаявшись всю ночь и не найдя решения Моновиль отправился в дом Камиллы. Не в гости к ней, а расспросить Шкета, может он что-то придумал. Осторожно пройдя в комнату Шкета он облегчённо вздохнул, так как совершенно не хотел встречаться с Камиллой, а больше всего не хотел попадать на её острый язычок. Вот откуда она взялась на его голову? Ещё несколько месяцев назад её в городе и не было. С её приездом начались все происшествия. Может и она замешана в них. Надо расспросить Шкета с пристрастием об этой интересной женщине. Как — то незаметно она стала одной из обсуждаемых женщин города, завязала знакомства со многими жителями, пригрела у себя Шкета.

Жером ходил так и этак вокруг Шкета, всё никак не мог начать разговор. То набирал воздуха, почти решившись говорить, но потом шумно выпускал его изо рта и молчал, поглядывая на напарника. Нервозность передалась и Шкету, но он никак не догадывался о чём хотел спросить Жером. Наконец Моновиль решился и стал спрашивать Шкета про Камиллу, при этом смущался и даже слегка покраснел. Но Шкет ничего особенного не знал.

— Я готов, в интересах дела, даже сблизиться с нею. — Предложил Шкет, но от такого

предложения Жером даже подпрыгнул на стуле, расплескав кофе из своей чашки:

— Не вздумай! У вас такая разница в возрасте.

— Да я не в том смысле, о чём вы подумали! Просто как друг. Это вам она в самый раз, как женщина или жена.

— Просто как друг, — проворчал Моновиль, — А вдруг! — и задумался над словами Шкета. Выходит частые встречи, как бы невзначай, могут иметь и другие последствия. А это не входило в его планы. Или входило? Моновиль уже запутался в своих мыслях и желаниях.

Послышался шорох позади. Моновиль оглянулся и встретился взглядом с Камиллой, которая слушала их разговор.

— Инспектор, вы по делу или просто так. Тогда почему не зашли ко мне? Я вынуждена пить кофе в одиночестве, в то время когда вы в доме. Поверьте, я не кусаюсь и с удовольствием наслажусь вашим обществом. Или вы избегаете меня?

Моновиль незаметно вздохнул.

— Я совсем не избегаю вас, просто не хочется в очередной раз попадать на ваши замечания и острые словечки. Для вас это игра в остроумие, а для меня очередная головная боль.

Камилла усмехнулась:

— Но как я помню, вы вышли на пенсию. Можно спокойно отдохнуть и предаваться блаженному ничегонеделанию. Можно, к примеру, нанести визит вашей знакомой. В моём лице конечно. Не надо бояться меня, я не кусаюсь и весьма благосклонно отношусь к вам. А то, что подтруниванию над вами, можете считать это небольшим флиртом. Так сказать моим расположением к вам, как к мужчине и как умному собеседнику. Вы вот пришли побеседовать с Мозесом, — после этих слов Шкет сморщился, но Камилла продолжала, — так почему бы нам не поговорить, как умным людям, обсудить проблемы. Вы ведь не просто так пришли, а с определённой целью, как я полагаю.

Моновиль задумался и кивнул головой.

— Согласен. Нам есть о чём поговорить.

Камилла, изящным приглашающим жестом, указала направление, и Жером покорно пошёл за ней.

Разговор получился совсем не светской беседой. Камилла оказалась интересной и вдумчивой дамой. С первых слов она задала направление разговора о политике и месте Жерома в событиях. Жером, не скрывая рассказал о своих опасениях относительно джигитов из эмиратов, о складах с оружием. Камилла внимательно выслушала и кивала головой, соглашаясь с выводами инспектора.

— Я так понимаю, вы совсем не отрешились от дел с выходом на пенсию и ведёте своё параллельное расследование? — Камилла подняла свою чашку с кофе и сделала маленький глоток, смакуя напиток. — Ваше рвение мне понятно, тем более, что это направлено на безопасность государства. — Она посмаковала ещё раз свой кофе и задумчиво посмотрела в чашку. — Признаться, мне самой тоже приходят тревожные мысли от наблюдения за войсками сопредельного государства. Хорошо, что мэр вызвал полк драгун на праздник. Это как-то уравнивает силы в городе.

Моновиль встрепенулся от её слов:

— Простите, но почему полк прибыл в город? Если это указание князя, то не понятно, почему их вызывал мэр? Он не имеет никакой власти в военной сфере, а командир полка его родственник и, насколько мне известно, полк прибыл вместе с ним по своей воле. Во всяком

случае, так говорит Шкет. Э-э-э. Мозес.

— Называйте его, как привыкли, — Камилла махнула ладошкой, — информация от Шкета может подтвердиться, а может и быть просто чьим-то домыслом. Хотя я ему доверяю, особенно в свете последних происшествий.

Она задумчиво смотрела на кофейник и, казалось, разговаривала сама с собой, хотя и обращалась к инспектору. Её мысли скакали как балки по дереву. Она задавала вопросы и сама на них отвечала. Жером слушал её и сам поддался такому стремительному ритму. Её мысли стали его мыслями, а вот выводы различались, что было заметно по репликам, которыми они обменивались в результате этого стремительного мозгового штурма.

Камилла в очередной раз сказала в пространство:

— А если это не приказание князя, то какого чёрта войска вошли в город?

Моновиль в прострации ответил на её вопрос своей независимой репликой:

— А если учитывать, что мэр имеет определённые виды на княжеский престол...

При этом Камилла вздрогнула и в порыве встала:

— Мне надо нанести несколько визитов в городе. Надеюсь, вы не будете обижаться на меня за то, что оставлю ваше общество.

Она, не дожидаясь его ответа от инспектора, заспешила в коридор с такой скоростью, что шторы на окнах заколыхались. Моновиль был немного обескуражен её порывистостью и не стал идти за ней следом, а просто налил себе уже остывшего кофе и взял из корзинки со сладостями сдобную булочку, только сейчас осознав, что так и не позавтракал сегодня у себя дома.

***

«Контрик» совместно с шефом полиции и Камиллой Комтуа сидели в кабинете мэра. Шене Лоран, как шеф полиции, бывал здесь уже не раз, а вот «контрик» озирался и присматривался к отделке совсем не маленького кабинета, который мог вместить если не полк, то уж взвод солдат точно и ещё было бысвободное место. Мэр расположился в высоком кресле с вычурной спинкой, украшенной резьбой в виде листьев и желудей. Это были символы князя, но мэр, заметив заинтересованность гостей, коротко бросил:

— Мы с нашим князем дальние родственники. У нас общий пращур и я имею такое же право на дуб в гербе, как и наш князь. Шеф согласно кивнул головой, информируя, что он знает об этом. «Контрик» поправил свой камзол и стал задавать свои вопросы.

— В город прибыл полк вашего родственника, как это понимать?

Мэр нисколько не смутился:

— Выполняя волю нашего князя, я пригласил полк своего родственника в город. Князь был обеспокоен порядком и прислал официальное письмо.

Мэр отодвинул верхний ящик своего обширного стола и достал кожаную папку, пошелестел находящимися там бумагами и достал приказ князя. «Контрик» пробежал по ней глазами и повернулся к Камилле, которая подошла и взглянула на приказ через его плечо.

Мэр заинтересованно посмотрел на посетителей:

— Я нисколько не превышал своих полномочий. Приказ есть приказ, а то, что я вызвал своего родственника, так это только его желание послужить отчизне и князю.

Шене взмахнул руками:

— Похвальное рвение для дворянина — послужить родине и государю.

«Контрик» передал приказ, легко подтолкнув по зелёному сукну стола в сторону мэра. Приказ был немедленно спрятан в папку, а та в свою очередь в ящик стола. Скрипнул ключ в замочной скважине и мэр быстро спрятал его в кармане своих обширных штанов.

— Я понимаю, что ваше любопытство удовлетворено?

Шеф полиции засучил своими тонкими ножками и стал пробираться мелкими шажками в сторону выхода.

— Я и не сомневался в ваших правильных действиях. Но общественность вынудила меня задавать вам, господин мэр, такие неуместные вопросы. Тем более я в курсе вашего родства с князем, пусть даже и дальнего. Мне Анна рассказала за ужином.

— Передайте ей моё пожелание успехов в её начинаниях. Я даже уверен, что её желания совпадают с вашими, я буду только рад породниться с вами.

Шеф немного смутился:

— Мы решили не форсировать события, но и не затягивать слишком долго. Повседневные дела не дают сосредоточиться на свадьбе, поэтому я всё поручил Анне.

Мэр заулыбался и, привстав со своего места, стал поздравлять с приближающимся памятным событием. Шене раскраснелся и просил всех слишком не афишировать предстоящее действо. Камилла мило улыбнулась и спросила:

— Церемонию будете проводить в классическом стиле или в духе последних веяний?

При этом мэр крякнул, а «контрик» сдержал смешок. В классическом стиле считалось традиционное мероприятие в храме и мэрии, с праздничным обедом и массой

приглашённых гостей. А вот нововведением считалось прохождение невесты по Меликовому мосту с оголённой грудью, под пристальным вниманием гостей и праздных зевак. Нововведение появилось совсем недавно и уже завоевало популярность среди простонародья. Хорошо, что действо начиналось после восхода Луны. Но так как Луна появлялась не только вечером, но и днём, то заранее нужно было узнать начало восхода. Особенно активные невесты настаивали на проведении церемонии при свете солнца, едва луна обозначится на небосводе. Стеснительные невесты, а это обычно женщины, которым природа немного не дала в области груди, предпочитали вечернее и ночное время.

Камилла

Что-то странное назревало, и эта неопределённость начинала не только тревожить, но и забивала все остальные проблемы. Камилле не хватало времени разгрести свои домашние дела, как приходилось по велению сердца нестись на очередной приём или разговор со следующим персонажем большой загадки.

Едва закончился разговор с мэром, как назрела необходимость поговорить с командиром полка. Расфуфыренный хлыщ лет сорока с брезгливой миной не соглашался принять у себя смеску, коей являлась Камилла. Для этого разговора ей пришлось подключить свои знакомства, а иначе Жан-Мишель де Блезье Лё Пети не хотел её принимать, считая себя выше такого знакомства. И сейчас он не удосужился пригласить Камиллу выпить кофе или чай, даже не пригласил просто в гостиную, а вел разговор прямо в обширной прихожей своего дома. Камилла сразу просканировала его ауру, фиолетовый цвет которой показал полнейшее безразличие как к ней самой, так и предмету разговора. А спрашивала она про необходимость присутствия армейских подразделений в городе. Но из-за непроходимой тупости Жан-Мишеля, она не смогла добиться внятного ответа о целях и задачах, которые поставлены перед его подразделением. На все вопросы он отвечал, что всё знает мэр и вот он то и ставит задачи перед командиром полка, то есть перед ним.

Уже собираясь уходить, Камилла столкнулась в двери с вестовым, который, не обращая внимания на посетительницу, доложил Жан-Мишелю:

— Господин граф, посланец прибыл в город. Ждет указания на время и место встречи.

Уже закрывая дверь, Камилла немного помедлила, якобы поправляя свои юбки, и услышала:

— В шесть часов вечера у Али.

Эта информация заинтересовала Камиллу. Покатавшись по городу без определённой цели, она завернула к своей подруге Нинель.

Радость Нинель при виде Камиллы была неподдельной, так как их встречи стали менее регулярными. Заварив кофе, они уселись за столик и предались обсуждению новостей. Камилла поделилась своими опасениями, рассудив, что в свете последних происшествий и присутствия большого числа эмиратских войск можно предположить готовящийся заговор против князя. Хотя явных доказательств этому и не было. Мэр о чём-то тоже догадывается, а иначе, почему вызвал целый полк драгун. Хотя и действует по прямому указанию князя. Только и это становится странным, почему князь дал указание мэру, а не непосредственно командиру полка. Потом они обсудили и прибывшего посланника.

— Интересно, посланник от князя или от кого-то другого? И встречаются они у Али.

Нинель улыбнулась:

— В городе не так уж много мест, где заведует Али. Можно предположить, что это ресторан Али Хосе Бурхана, более известный как Али-духанщик.

— К тому же этот Али находится в розыске. Становится всё очень странным. Надо непременно узнать, кто этот посланник. Встреча предполагается в шесть вечера, у меня есть время всё выяснить.

Нинель с сожалением посмотрела в пустую чашку:

— Как жаль расставаться с тобой, но придётся. Мне надо забежать на рынок и купить ещё кофе, а то в следующий раз и не придётся выпить этот замечательный напиток.

— Вот об этом можешь не беспокоиться, я привезу тебе запас зёрен на долгое время.

Они расцеловались на прощание, Камилла уселась в свою коляску и уехала. Нинель, проводив её, всё равно направилась в сторону рынка.

Около шести часов вечера Камилла прогуливалась по улице, на которой находился ресторан Али-духанщика. Его самого конечно не было, но бизнес продолжал действовать. Через большие окна было видно, что посетителей не так уж и много и новых гостей было не видно.

Прождав ещё некоторое время Камилла увидела идущего навстречу ей Жерома, который её узнал и шёл с широкой улыбкой на лице.

— Дорогая Камилла, опять мы встречаемся случайно. Поверьте, я не подгадывал и не следил за вами.

— И в мыслях этого не было.

Камилла была и рада этой встрече и немного растеряна. Её слезка могла прерваться в любой момент, и в тоже время их встреча со стороны выглядела как запланированное свидание. Тем более её внимание привлёк прохожий, который вышел из переулка и направился в их сторону. Чёрная аура вокруг него переливалась оранжевыми всполохами, что показывало некоторую растерянность. Очевидно, он не предполагал, что женщина будет с кем-то. Оранжевые всполохи покинули ауру прохожего. Камилла поняла, что он принял какое-то решение. Она взяла Жерома за руку и притянула к себе:

— Поцелуйте меня.

Моновиль с недоверием посмотрел на Камиллу:

— Я вас не понимаю. Сегодня вы хотите меня поцеловать, а завтра захотите выбросить через ограждения моста в реку.

Прохожий уже поравнялся с ними и неожиданно выхватил кинжал. Камилла рванула Жерома за руку, уводя его с линии удара, и приняла на себя первый удар убийцы. Вспыхнула сиреневым огнём магическая защита Камиллы. Моновиль по инерции сделал два шага и резко развернулся. В его руке мгновенно оказался кинжал, и он принял защитную стойку. Свободной рукой он, в свою очередь, рванул Камиллу так, что она оказалась за его спиной.

— Ты кто, и чего тебе нужно? — почти закричал Моновиль.

— Ты можешь идти своей дорогой. Я без повода никого не убиваю.

— Откуда я знаю, может я уже дал повод.

— Умный! Но успокойся, ещё повода нет. Мне нужна только дамочка.

Убийца ещё раз взмахнул кинжалом. Моновиль принял удар на клинок и резко распрямил свою руку. Клинок достал до груди прохожего и, после сиреновой вспышки разряженной магической защиты убийцы, Жером почувствовал себя увереннее. У него не было магического щита, а теперь они стали на равных. Но убийца не стал ждать продолжения боя, а бросился убежать в соседний переулок. Моновиль проводил его глазами и совершенно упустил Камиллу из виду. Она подскочила к нему, выхватила кинжал и резким взмахом руки бросила его в спину убежавшему. Кинжал вошел точно под левую лопатку.

Неизвестный сделал ещё несколько шагов и рухнул на тротуар, раскинув руки. По сухому звуку удара головы о бордюрный камень Жером понял, что незнакомец уже мёртв.

— Ну, зачем ты его убила? Можно было догнать и допросить. — Стал горячиться Жером.

— Это наёмный убийца, он даже имени заказчика не знает. Денег дали, жертву указали и всё.

Камилла резким движением головы смахнула прядь волос с лица и посмотрела на Моновиля.

— Спасибо, что защитили, господин инспектор.

Жером вздохнул глядя в землю:

— Теперь надеяться на поцелуй уже, наверное, глупо?

— Вы совершенно несносны! Какой поцелуй? Да нас едва не убили. Может для вас это повод для поцелуев, а вот мне так повод для страха. Щит у меня разряжен, у вас его и вовсе нет. Надо быстрее убираться отсюда, пока из-за угла не прилетела стрела из самострела.

Она ухватила Жерома под руку и потащила с места происшествия, хотя инспектор, по полицейской привычке, желал остаться и дожидаться следственную группу. Но Камила старательно уводила его с места преступления и злилась на его упорство.

— Вам это нужно? Терять время и писать объяснительные, перебирать причины, по которой на нас могли напасть. Пусть уж лучше это будет очередной неопознанный труп.

Моновиль высвободил свою руку и вернулся к телу, из спины которого торчал его кинжал. Не касаясь мёртвого тела выдернул клинок и вытер о камзол убитого. Камила одобрила его действия:

— И правильно! Не нужно оставлять улики! Как-то я об этом совсем позабыла.

В очередной раз подхватила Моновиля под локоток и направилась к мосту, намереваясь перейти на другую сторону. Жером ещё повозился, пристраивая кинжал в ножны под камзолом, и зашагал в направлении, куда так тянула его спутница. По пути уже совершенно успокоившись он взглянул на Камиллу и заметив, что её бьёт мелкая дрожь спросил:

— Вам впервые пришлось убивать человека?

Камилла высвободила руку и немного отстранилась:

— Не впервые, но это происходит не так часто, что бы я успела привыкнуть. К этому, наверное, можно привыкнуть, но переживать всё равно продолжаешь. Пусть и убийца, покушался на твою жизнь, но это человек. Не так просто это даётся. Даже в наш жестокий век.

— Мне только всё время беспокойно, что мы покинули место преступления, как будто сами преступники. Надо было оповестить полицию.

— Вы меня раздражаете по этому поводу. Поймите, полиция сразу занесёт нас в подозреваемых и закроет до выяснения обстоятельств, а нам необходимо быть на свободе. События ускорятся, боюсь, нам придётся принять в них самое горячее участие.

Они уже оказались на середине Меликова моста, и подошли к фургону Нинель, которая либо уже спала, либо отсутствовала. Камила через перила моста взглянула на баркас Барри, но там был только кот Корнелиус, который флегматично растянулся на палубе, под развевающимися бюстгальтерами.

— У всех личная жизнь, и только мы шьемся по значным местам и подставляем под клинки наёмных убийц. — Вздохнула Камила и махнула кому-то рукой. Из-за поворота показалась коляска. — Вас подвезти?

Моновиль коротко кивнул, помог подняться в коляску Камилле и сам уселся спиной к вознице. Камилла сказала вознице:

— На улицу Жабрэ.

«Откуда она знает, где я живу?» — подумал Жером. Но потом тревожные мысли вытеснили подозрения и лирические вопросы из головы. Камилла тоже не настроена была к разговорам.

А мысли действительно были тревожными. Он, как бывший инспектор полиции, понимал, что убив его, убийца не оставлял практически ни одного шанса на спасение Камилле. Несмотря на магический щит, она не имела никакого оружия. Или имела? Во всяком случае, поединок был бы неравнозначным и с предсказуемым исходом. То, что она практически спасла ему жизнь, это понятно. Этим поступком она дала ему время на ответную реакцию. Её щит спас от первого удара, а дальше всё зависело от Жерома. Ну не могла она знать, что он носит с собой оружие.

Затем, такой меткий бросок, да незнакомым оружием, вызывал уважение. Оказывается, Камилла не была рафинированной красоткой, а напротив, тренированным бойцом. Жером допускал элемент случайности в происшедшем, но не настолько.

Барри

Общение со Шкетом внесло разнообразие в жизни Барри, правда, в сторону криминалистики. За каких-то несколько дней Шкет стал ревностным полицейским и старался всеми силами исполнять свои обязанности. Даже ранение не прервало его рвение, что и было отмечено шефом полиции. Увольнение Моновилья автоматически поставило Шкета руководителем группы дознавателей, не смотря на то, что группа пока состояла из одного человека. Шкет стал привлекать Барри к своей работе и уже несколько раз даже намекал ему на возможность работы в полиции. Правда, это означало окончанием его свободной жизни, к которой он уже успел привыкнуть. В свою очередь, работа в полиции означала постоянный заработок и относительно сытную жизнь.

Вот и сейчас Барри, стараясь быть как можно менее заметным, следил за выходом из ипподрома. Шкет поручил ему проследить за Айгором Лексом, при этом даже не озаботился спросить мнение самого Барри. Ему не хотелось подводить своего друга, поэтому согласился с предложением поработать филёром совершенно бесплатно, да и Шкет не заикался об оплате. В дружеских отношениях, установившихся у молодых людей, вопросы денег отошли на второй план. Как-то так установилось, что у них стала общей казна и расходы шли на обоих. К тому же небольшие вливания сделала Камилла Комтуа. Она вошла в их жизнь как старшая подруга и наставница, которая в критических моментах могла помочь и советом, и делом, и деньгами. К тому же она была подругой Нинель, что автоматически делало Камиллу подругой Барри.

Размышляя о переменах, что произошли в его жизни, Барри внимательно следил за окнами Айгора и едва там погас свет, стал ждать его выхода из здания, переместившись для этого ближе к выходу.

Айгор уселся в коляску, сказал адрес кучеру и не спеша отъехал от здания ипподрома. Следить за перемещениями коляски, будучи пешеходом, не очень то и удобно. Но зная адрес можно и сократить путь, что и сделал Барри, припустив со всех ног через городской парк в точку назначения. Пока коляска делала крюк по улицам, Барри успел даже отдышаться. Проследив, куда приехал Айгор, он даже удивился. Улица представляла из себя сборище полуразрушенных домов, которые ждали своей очереди на снос. Барри забрался в одно из

разрушенных небольших зданий и через пролом в стене наблюдал за манипуляциями Айгора, который стал общаться с клошарами, обитавшими в брошенных домах.

Пытаясь получше рассмотреть и запомнить клошаров, Барри встал ногой на немного выступающий кирпич, который зашатался и вывалился из стены. Опасаясь, что произведённый шум привлечёт внимание он присел. Ниша, образовавшаяся от выпавшего кирпича, оказалась прямо перед его глазами, а самое главное было то, что в нише лежал свёрток. Осторожно развернув его Барри увидел кулон с цепочкой. Такая находка обрадовала Барри и он, спрятав кулон, решил прекратить наблюдение и покинул разрушенный дом.

Вечером, сидя в гостиной Камиллы, он решил похвастаться своей находкой и продемонстрировал её присутствующим. Камилла оценила красоту, а Жером вспомнил, что называется украшение — «кулон эльфа».

Жером

Жером Моновиль рассмотрев кулон, стал рассказывать.

Лет сорок назад, ещё до образования княжества, правил страной император Джервис, то ли восьмой, то ли девятый. Правил не долго, но своеобразно. Красотой особенно не блистал, но и уродом тоже не был. Следили за ним целой компанией парикмахеров и «мастеров лицевых художеств». Молодой, ухоженный, высокий, с подведёнными глазами и заплетённой бородой. На приёмах любил выпить, правда, пьяным его никто не видел, и любил потанцевать. Танцами занимались с ним учителя из императорского кордебалета, но предпочтения отдавал больше народным, зажигательным танцам, с гиканьем, топами и притопами и обнимашками с противоположным полом. Ему и этим танцам учили старательно, согласно повелению.

Кроме этого имел образование он университетское, которое получил ещё до вступления на престол. Учился прилежно и под чужим именем, дабы преподаватели университетские скидку не делали на его происхождение. С тех пор и полюбил ходить в народ и веселиться не как правитель, а как простой человек.

Став императором понял, насколько ему не хватает такого простого общения. Надоели до печёночных коликов слащавые, подобострастные лица и их такие же приторные речи. А девицы, так уж сами были согласны отдаться, да хоть на глазах у всех, да прямо на императорском столе. Некоторые вельможи так даже и своих жён нахваливали и исподволь предлагали воспользоваться, при полном согласии самих нахваливаемых.

А тут ещё и в один из вечеров, из окна своей спальни смотрел на гуляющий город, на огни и песни на улице. Не выдержал. Удрал из дворца на улицу. Попытка получилась не удачной. Его узнали сразу и по облику и по одежде. Народ ломанулся поглазеть на императора, чуть было не задавили. Одежду изорвали на сувениры, в руки писем насовали с просьбами. Насилу вырвался и убежал во дворец. Надзиратели и учителя из Сената ругались почём зря. Охрану заменили полностью, все входы-выходы перекрыли. Стало ему совсем плохо от сплошного контроля. Хотел отказаться от звания, но Императорский Сенат такой хай поднял, что понял Джервис, что жизнь у него закончилась «золотой клеткой». Из развлечений остались только охота, игра в карты и театр.

Охота оказалась красивым убийством животных, так как в один раз, подстрелив оленя и первым прибежав к своей добыче, увидел на шее у оленя верёвку, которой его вытащили на поляну и подставили под императорский выстрел. Пришлось отказаться от этого вида развлечений.

В карты тоже сплошные поддавки, как ни старался, как не просил играть по настоящему, не получалось. Один раз так просто приказал генералам из штаба играть по честному. Игра была красивой. Удача то приходила, то отворачивалась. Джервис понял, что играют так, как приказал. Ставки росли, генералы тоже вошли в раж. На столе уже лежала огромная сумма денег и закладных бумаг. Император сделал последнюю ставку и её поддержал генерал от инфантерии барон Штефан Маккой, с которым и случился сердечный приступ, когда понял, что выиграл сумму равную немалому графству. Когда врачи констатировали смерть генерала, Джервису разонравилось играть в карты, так как хотя и было интересно, но не мог он ещё раз посмотреть, как на его глазах умирает в принципе

неплохой человек.

Одна отрада осталась — театр. Благодаря щедрым подношениям господ театралы старались ради своего любимого императора, и всякий раз приглашали за кулисы, где угощали вином и сладостями, знакомили с актрисами и всячески задабривали, в надежде на непрекращающиеся инвестиции в театр.

Во время одного из таких посещений Джервис заметил накладную бороду, точь-в-точь как у него, даже ленточки такого цвета, не только сами волосы. Отослав актрису, что всячески демонстрировала свой интерес к императору, за новой бутылкой вина, Джервис примерил бороду и воровато оглянувшись, спрятал её под камзолом. Придя в приподнятое настроение от такой шалости, отправился к своей карете, мурлыкая под нос незатейливый мотив из только что посмотренного водевиля.

Утром он проснулся в хорошем настроении и первым делом отправился в ванную комнату, стянув по дороге ножницы для бумаг, которыми и откромсал себе бороду, тут же прилепив накладную, придя в восторг от полного сходства. Пришедших для утреннего туалета парикмахеров отправил по домам.

Целый день он увлечённо решал государственные дела, и никто не заметил, что борода не настоящая, а может и настоящая, да не его. Это вселило в Джервиса уверенность, что следующий поход в народ может получиться более удачным.

Будучи почитателем театрального искусства, он решил не пренебрегать мелочами в новом образе. Остро отточенный кинжал и мыльная пена унесли в раковину остатки собственной бороды. Без порезов не обошлось. Но старательность и осторожность принесли свои плоды. Очередное бритьё обошлось без крови. Следующий на очереди был костюм, который ему купил простой истопник, что приходил каждый день топить печь и приносил дрова и уголь в специальной корзине. Щедрый взнос в несколько империалов и на следующий день на дне корзины лежал свёрток с простым камзолом. Через день появились и неприятные башмаки. Так и начались походы в народ.

Под предлогом недомогания Джервис закрывался у себя и по потайному ходу переходил в другое крыло дворца, а из него уже и в городской парк. Потайной ход заканчивался в небольшой старинной беседке, пришедшей со временем совсем в упадок, поэтому и парочки старались обходить её стороной. Отряхнув себя от пыли и паутины, император спокойным шагом отправился в город. Без бороды и в дешёвых вещах он уже не привлекал внимания у прохожих. Оставшиеся от студенческих лет знания и привычки жизни простых людей, позволили ему не выделяться из толпы гуляющих на улице. Окрылённый первыми успехами в деле неузнаваемости, зашёл в кафе пропустить стаканчик вина. Вот только ценности денег Джервис не рассчитал. Золотой империал произвёл фурор и запал некоторым людям в душу. Получив сдачу от бармена в виде большой горсти серебра, император спокойно вышел на улицу, и это спокойствие сыграло с ним злую шутку. Прямо на выходе он получил дубинкой по голове и очнулся в закутке возле мусорных ящиков. Волосы запеклись от крови, и только обтирание лица мокрой тряпкой привело его в чувство. Денег естественно не было, камзол содрали с бесчувственного тела, как и башмаки. Молодая и красивая девушка оказывала ему помощь, с сочувствием глядя на Джервиса.

— Как так тебя угораздило «засветить» такие деньжищи? Разве можно быть таким беспечным? Тут же грабители на каждом шагу.

— Кто ты? Милое создание!

Но тут знакомство пришлось отложить, в переулке появился мужчина и потребовал:

— Эстель, брось этого нищebroда и пошли домой.

Красотка подчинилась, бросив мимолётный поцелуй, обозначив его только губами в воздухе.

Босой, раздетый и избитый Джервис еле дотащился до беседки в парке, останавливаясь перевести дух в тёмных углах. Ему всё казалось, что если кто-то его увидит в таком виде, то непременно узнает. Осторожно пробрался в потайной ход и перевёл дух только когда оказался у себя в спальне.

Три дня в столице обсуждали неуклюжесть императора, который в собственной спальне умудрился так неудачно споткнуться, что разбил голову и спалил свою роскошную бороду, упав августейшей мордой прямо в горящий камин. Три дня «мастера лицевых художеств» старательно замазывали синяки под глазами. Полторы недели врачи мазали зелёной разбитую голову. Всё время император не находил себе места, всё обдумывал как он найдёт свою спасительницу, уж очень сильно запала она ему в голову.

По мере того, как отрастала борода у Джервиса, в его голове рождались различные планы, причудливые по своей фантастичности. Он даже имел разговор со своим младшим братом, на тему женитьбы. Брат идею поддержал и сходу предложил три кандидатуры в жёны, чем вызвал приступ зубной боли у императора. О женитьбе по любви речи и не было, рассматривались только одобренные и проверенные кандидатуры. Через день произошло заседание Сената, который сильно заинтересовался идеей свадьбы и выдвинул две свои кандидатуры. Это были принцессы на выданье из сопредельных государств. Одна ещё совсем ребёнок, но кто говорит о свадьбе прямо сейчас, можно и подождать несколько лет.

Вторая претендентка была из разряда б/у, так как уже походила в невестах у одного из князей северного соседа. Но свадьба расстроилась в одночасье из-за начавшейся войны между государствами. Джервис посмотрел на портрет прЫнцессы и подумал, что князь самолично спровоцировал вооружённый конфликт, только бы не идти под венец.

Так как разговоры о свадьбе приобрели совсем уж неприличный характер, Джервис решил их прекратить, выбрав принцессу-малолетку, с условием не начинать переговоров о свадьбе до её совершеннолетия. Выторговав себе несколько лет спокойной жизни, император стал обдумывать очередной поход в народ.

Как бы там ни было, но эпохальная встреча с красоткой состоялась, и после непродолжительных переговоров закончилась обоюдным согласием. Джервис перед своей пассией себя не раскрывал. С Эстель всё было не так безоблачно. Ходила она в подружках одного из местных воротил, которому явно не понравится её увлечение, поэтому встречаться приходилось тайно, и места выбирать старались неприметные.

Джервис подружку старался обихаживать, а вот возможностей, не смотря на императорское происхождение, было не так уж и много. Находясь во дворце и имея под рукой огромные ценности, он оказывается, не имел ничего. Всё было императорским, то есть он мог получить всё, но взять не мог ничего.

И стал Джервис императором-воришкой.

Во дворце стали пропадать ценные вещи. То книга редкая вдруг исчезнет из библиотеки, то картина из галереи. Охрана с ног сбилась, но найти воришку не получалось. Стали исчезать и кольца с браслетами. Самой значимой пропажей стало исчезновение «кулона эльфов». Да не просто пропажа, а замена на подделку, со стекляшкой взамен на изумруд. Джервис подарил настоящий кулон своей возлюбленной, а в сокровищницу

подложил копию. Вот так. Делать омерзительные поступки легче, чем обдумывать подступы к ним.

К чему я это рассказываю? Дело в том, что мастер Айзенштиль, изготовивший дубликат-подделку под «кулон эльфа», не удержался, и втайне от заказчика изготовил ещё партию таких поддельных кулонов на продажу. О чём и сделал запись в своём журнале, в котором отмечал все свои работы. Простенькая бижутерия разлетелась по городу. Так что ты, Барри, держишь в руках просто стекляшку, коей цена несколько серебрушек.

Барри с недоверием рассматривал кулон и всё не мог поверить, что счастье обладать ценной вещью разрушилось так немилосердно. Ещё раз осмотрев кулон, он спрятал его в карман, уж очень красив был и изящен.

— А что стало с Джервисом и Элис? — не удержался Шкет.

Моновиль усмехнулся и продолжил свой рассказ.

Джервис влюбился без памяти в красавицу. Об их романе стали судачить в кафе и конечно слухи дошли до бывшего ухажёра Элис. Крупный мафиози решил дела всегда кардинально. И в этот раз тоже прибегнул к силовому методу, отправив одного из своих охранников проследить за любовниками. Вот этот охранник и выяснил, где находится любовное гнёздышко. А начал он своё расследование с появившегося у Элис «кулона эльфов». Вещица действительно приметная и не могла появиться у девушки просто так, а тут ещё и Айзенштиль подсуропил со своими подделками. Через него и узнал мафиози, кому делали такой кулон в первый раз. Ну а дальше дело техники. Любовников выследили на их квартире, которую купил Джервис для встреч с Элис. Как на самом деле развивались события, никто не знает. Только сгорела квартира и нашли на пепелище два трупа, которые и опознали как Джервиса и Элис. Её опознали по кулону и туфлям, а Джервиса по перстню приметному.

Полиция провела расследование по факту пожара, но доказать причастность мафиози к этому не смогла, так как непосредственный исполнитель, охранник мафиози, пропал бесследно. Тут тоже всё понятно — свидетелей убирают.

— Какая грустная история. — Печально вздохнула Камилла.

— А как же объяснили исчезновение императора? — не мог успокоиться Шкет.

— Во дворце произошло покушение на императора. Взрыв в спальне, как сообщалось, разнёс императора на кусочки, а последовавший пожар не оставил ничего для опознания. Во всём обвинили противников предстоящей свадьбы, из-за чего даже произошёл разрыв дипломатических отношений с сопредельными государствами. Что интересно с обоими, принцесс, которых одобрил Сенат. На престол взошёл младший брат Джервиса, который и правил лет двадцать, пока не отрёкся в пользу своего сына.

Барри ещё раз достал «кулон эльфа» полюбоваться.

— Как жаль, что такая вещица оказалась фальшивкой.

На это Жером сказал:

— Сокровища, оставленные предками, защищены магическими заклятиями. Нужно быть очень осторожными. Приняв сокровище себе, можно получить целый комплекс заклятий, проклятий и прочих «ятий». Тот, кто прятал сокровище, старался обезопасить себя, во всяком случае, надеялся, что оно не попадёт в чужие руки. Поэтому все заклятия направлены на чужого человека. Даже эта стекляшка, тоже может быть защищена каким-нибудь сурпризом.

Барри ещё раз осмотрел со всех сторон кулон. В это время на камень попал луч света,

кулон вспыхнул пучком лучей зелёного цвета. Все заворожено смотрели на происходящее. Одна Камилла сохранила спокойствие и спросила:

— Жером, а вы когданибудь видели настоящий изумруд? Вот так вот, вблизи, на солнечном свету?

Моновиль протянул руку и дождался, пока Барри решится передать ему эту красоту. Приятная тяжесть оттянула руку, в голове у Жерома промелькнуло, что подделка не может быть такой тяжёлой. Это золото и теперь понятно, почему кулон сохранил такой цвет с течением времени. Любой другой металл, кроме золота, утратил бы свой оттенок и потускнел. Внимательно стал рассматривать листья и завитки и в уголке одного из листьев заметил маленькое клеймо, которое пришлось рассматривать через увеличительное стекло.

Собравшиеся вокруг Жерома присутствовавшие с волнением ожидали его вердикта.

— Ничего не понимаю. Это не клеймо Айзенштиля. Я даже не знаю, кому он принадлежит.

Камилла внимательно рассматривала кулон в руках Жерома. Склонилась над кулоном так, что Моновилью непроизвольно пришлось не только вдыхать аромат её духов, но и обозревать содержимое декольте, которое в свою очередь, представляло весьма заманчивое зрелище. Придя от увиденного в некоторое возбуждение, Жером стал понемногу отстраняться. Это заметила Камилла и мило улыбнувшись, сказала, в своей провокационной двусмысленной манере:

— Нравится?

Моновиль покраснел и не знал, как ответить, то ли про кулон, то ли про увиденное, о чём в слух обычно не говорят. Барри и Шкет заворожено смотрели на кулон и практически не отвлекались на посторонние раздражители. Жером набрал в лёгкие воздуха, собираясь ответить, но Камилла приложила к его губам палец и шёпотом произнесла:

— Не нужно, я всё поняла. — Чем ещё больше смутила Жерома, а потом громко продолжила: — Мальчики! Кулон является достоянием княжеской сокровищницы. Хранить у себя такую ценность будет совсем неуместным, но я знаю, кто вас отблагодарит за возвращённую реликвию. А пока можно её оставить в моём сейфе для сохранности. Не переживайте, никто не уйдёт обиженным, уж это я у Робера точно добьюсь.

Шкет

Порадоваться за друга можно было и более эмоционально, но немного грызла мысль, что таким счастливым мог быть и он сам. Просто повезло другу, а не ему. В тоже время у самого Шкета был постоянный источник дохода в полиции, в виде зарплаты, а вот другу приходилось каждый день напрягаться в поисках денег. Правда Шкет заметил, что друг особенно не напрягается и денежки у него имеются. Так размышляя, он добрался до баркаса Барри и, перешагнув через Корнелиуса, направился в каюту. Кот флегматично проводил его взглядом и остался на палубе, на которой валялся кем-то брошенный бюстгальтер. Шкет с некоторым удивлением заметил монету, которая лежала рядом с предметом женского туалета. В своё время, предлагая Барри развесить бюстгальтеры на вантах, он и не предполагал, что Барри будет увеличивать их число, но судя по всему Барри понравилась шутка и он её продолжал, не смотря на то, что Нинель знала откуда берутся импровизированные флаги.

Улыбнувшись своим мыслям, Шкет открыл дверь каюты. В это время на палубу упал ещё один лифчик, и по настилу палубы покатила монетка. Оглянувшись по сторонам, в поисках шутника, он увидел идущую по мосту девушку и не просто девушку, а наполовину обнажённую. Сосредоточенная и не смотрящая по сторонам она шла по мосту в сторону стоящим мужчин и ни сколько не стеснялась своего вида. Компанию молодых людей тоже занимало интересное мероприятие, и они своими возгласами подбадривали идущую девушку.

Досмотрев до конца интересное зрелище, Шкет уже собрался уходить, когда к нему с берега обратилась совсем молоденькая девушка.

— Извините, а не могли бы вы переставить баркас немного ближе к мосту. Наверное, течением его постоянно сносит немного дальше от моста, я боюсь, что не доброшу до него.

Ничего не понимая, Шкет кивнул и стал рассматривать возможность сдвинуть баркас на несколько метров вперёд. «Для этого придётся поднять кормовой якорь и кабестаном подтянуть носовой якорный канат» — подумал Шкет и стал примеряться к предстоящему манёвру. Подтянул перекинутые сходни на баркас, напрягся и стал вытягивать кормовой якорь. Вытянув якорь на палубу Шкет растеряно смотрел на мешок, который зацепился за якорь.

— Вот так-так! — пробормотал Шкет и отбросив мешок к надстройке стал подтягивать баркас вперёд. Зафиксировал новое положение, размахнувшись закинул кормовой якорь в воду, закрепил канат за кнехты.

Содержимое мешка интриговало его безмерно. Осмотревшись по сторонам, и не заметив никого из посторонних, затащил мешок в каюту и при свете свечи стал исследовать содержимое. Находка потрясла его необычайно. Мешочки с золотыми монетами, кожаные мешочки с серебром и несколько больших пухлых свёртков, развернув один из них Шкет обнаружил купюры как княжеские, так и эмиратские.

— Да тут денег на миллион! — воскликнул взволнованно Шкет и сам испугался своих слов.

Мокрые купюры пришлось разложить на столе, развесить на верёвках внутри каюты и всё равно ещё было много в пачках. Он метался по каюте, старался разложить как можно

больше и всё равно места не хватало. Выйти на палубу не позволяла обычная осторожность.

Как назло Барри всё не приходил, так как был занят слежкой за Айгором Лексом. Метаясь по каюте, Шкет переворачивал купюры, считал и пересчитывал и не мог понять, откуда они. Неужели это всё принадлежит Барри, который избрал такой оригинальный способ хранения сумасшедшей кучи денег. Немедленно возникло желание припрятать некоторую сумму себе, и он стал хватать ещё мокрые купюры, расправлял их и стал запихивать в карманы, ругался, то в голос, то просто про себя и всё ходил и ходил босыми ногами по разложенным купюрам, приходя от этого ещё в большее возбуждение.

Постепенно он успокаивался. Ему стало стыдно своего поступка, что его обуяла жажда наживы, что он потерял над собой контроль, он стал доставать деньги из карманов и раскладывал смятые и мокрые купюры на уже немного подсохшие.

Затем он испугался. Испугался за себя и за Барри. Такие большие деньги не могут оставаться без хозяина, и скорее всего хозяин уже их ищет, а когда найдёт, то будет очень плохо. Надо их уничтожить! Для этого Шкет растопил печь, но всё не решался сжечь купюры. Всё сомневался и думал, как поступить.

Следующей мыслью было их перепрятать, но он опасался, что они испортятся и заплесневеют. Для сохранности решил сушить и лучшего способа, чем проглаживание горячим утюгом он не придумал. Набросав углей в утюг. Положил коврик на стол и стал по одной раскладывать купюры. Деньги шипели и обдавали его паром, сворачивались в трубочку, складывались под невероятными углами, и их приходилось переглаживать. Шкет уже три раза закладывал новые угли в утюг, но деньги всё не кончались. Проглаженные купюры он складывал по номиналу в разные кучки, считал в уме, сбивался и начинал сначала. За глажкой он совсем успокоился, перестал считать, а полностью отдался самому процессу глажки. Работа от этого пошла быстрее, но количество денег просто зашкаливало и повергало в ужас.

— Когда же вы кончитесь, — в сердцах пробормотал Шкет, выкладывая новую партию мокрой бумаги. Деньги перестали для него быть деньгами, а превратились в мокрую бумагу, которую необходимо срочно просушить.

Только под утро он совершенно измотанный монотонной работой сложил аккуратные свёртки купюр, завёрнутых в морские карты. Другой бумаги на баркасе он не нашёл, а заворачивать в мокрую кожу не хотелось. Спрятав мешок в тумбу с овощами, завалился на кровать и попытался уснуть. Кот стал царапать дверь, требуя его пустить домой, после ночной прогулки. Пришлось Шкету открывать дверь и под пристальным взглядом кота положить в миску, с кривой надписью «Корнелиус», кусочки мяса, накрыв их от куска окорока.

— А ты жрёшь не по средствам, — буркнул Шкет, но Корнелиус на его слова только дёрнул одним ухом, типа отвяжись, и продолжал есть.

Упав на кровать, Шкет отключился на полдня. Только громкий разговор на мосту заставил его проснуться и вспомнить про то, что необходимо появиться в участке. Работа есть работа, прогуливать ему не хотелось, так как она для него была единственным источником дохода. Сидеть на шее у мамы не хотелось, а деньги нужны. Пришедшая в голову мысль о деньгах, сразу всколыхнула работу его мозга. Шкет быстро стал проверять, на месте ли мешок с деньгами. Мешок обнаружился на месте и у Шкета возникло желание взять немного денег на свои нужды. Правда, это желание сразу наткнулось на преграду в виде того, что деньги то не его. Поразмышляв ещё немного, потеревшись довольно объёмный

свёрток с деньгами, с раздражением бросил деньги обратно в мешок и задвинул их ещё дальше.

— Искушение слишком велико — протянул Шкет, — надо выяснить у Барри, откуда такие деньжищи!

Он повернулся на шорох и посмотрев на кота задал ему вопрос:

— А ты не знаешь, откуда деньги?

Естественно ответа не последовало. Корнелиус только потёрся о штанину, выпрашивая угощение.

Барри

В это время Барри находился у Камиллы. Отчитывался о ночном наблюдении за Айгором Лексом.

— Под утро, едва солнце поднялось над горизонтом, Айгор вышел из дома и направился к ипподрому. Не к самому ипподрому, а к прилегающим конюшням. Через какое-то время туда стали приезжать довольно известные люди, в основном дворяне. О чём они толковали с Лексом мне не известно, но выезжали довольно скоро и многие были расстроенные. То есть разговор был коротким и неприятным. Потом мальчишка-коневода выбежал с каким-то поручением. Довольно быстро в конюшню приехала какая-то дама. Я сначала подумал, что это Нинель, только нарядов таких у неё никогда не было. Эта дама была одета в костюм для верховой езды как состоятельная дама высшего света. Вслед за ней приехал Али-духанщик. В длинном плаще и широкополой шляпе, закрывающей всё лицо. Но я подсмотрел, это точно был он. Разговаривали они около часа. После этого Лекс и Али-духанщик быстро вышли из конюшни и уехали в неизвестном направлении.

Мне стало интересно, а дама что? Осталась в конюшне? Пробрался в конюшню и стал осматриваться. Кроме лошадей на конюшне никого не было. В самом дальнем стойле обнаружил Али. Духанщик был убит выстрелом из самострела прямо в сердце. Стрела прошла на вылет, даже на стене обнаружилось немного крови. Самой стрелы не нашёл. Мне стало страшно, что если меня найдут возле тела убитого, то посчитают меня убийцей. Собрался по быстрому и прибежал сюда. Поплутал немного по городу для верности, конечно, а вдруг кто и за мной следил.

— А дама? Куда она подевалась? — Камилла с интересом слушала рассказ и стала задавать вопросы для прояснения.

— Дама как в воду канула. Выход из конюшни просматривался хорошо, она не могла уйти незаметно.

— Подожди! Ты говорил, что Лекс уехал вместе с Али. — Камилла задумчиво взяла ложечку и помешав уже порядком остывший кофе стала её обсасывать, — С Айгором был кто-то, кто надел его шляпу и плащ. Может это была дама?

— Коляска закрыла почти весь обзор, я не мог рассмотреть их хорошо. Может и дама, а может ещё кто-то.

Камилла звякнула ложечкой о блюдечко, посмотрела в пустую чашку и встала из-за стола.

— Интересно, интересно! Получается, что Айгор провёл какие-то переговоры с влиятельными людьми. Эти переговоры прошли совсем не так как хотел Айгор и он вызвал Али. А зачем он вызвал даму? Вот вопрос.

Камилла походила по комнате и размышляла. То что-то шептала, то начинала разговор с невидимым собеседником. Барри, уставший за ночь, согрелся и незаметно уснул.

Разбудил его под вечер Шкет, который вёл себя немного странно. Внимательно смотрел на Барри, ожидая каких-то слов, не мог усидеть на месте.

— Случилось что-то? — через зевоту спросил Барри и потянулся. — Как навалилось дел, и что примечательно так то, что это дела не мои. Заметь, друг, твои дела. Это ты служишь в полиции, а не я.

— Я переставил баркас ближе к мосту. Меня попросила девушка.

— Надеюсь не слишком близко, а то я не люблю, когда заглядывают в иллюминатор.

— Всего на пару метров, правда пришлось доставать кормовой якорь, — сказал Шкет и внимательно посмотрел на Барри.

— Ну, достал, так достал. Потом забросил обратно, наверное. Не страшно.

Шкет продолжал внимательно смотреть на Барри.

— Ты ничего мне не хочешь сказать?

— Только то, что ты меня слишком рано разбудил. Да и князь приезжает только завтра.

— Да ты не понимаешь, наверное. Я достал кормовой якорь.

— Я понял тебя. Якорь достал, баркас переставил, якорь вернул обратно на дно. Что тут непонятного. Надеюсь, Корнелиуса покормил? А то он меня уже скоро и узнавать перестанет.

Шкет как-то расслабился и стал смотреть менее подозрительно. Потом он решил и выложил всё как на духу.

— Я из-за тебя всю ночь не спал! Работал как проклятый! Руки-ноги отваливаются от усталости, а ты говоришь ничего страшного.

Барри окончательно перестал понимать, что говорит друг.

— Это я работал всю ночь! Не спал, следил и рисковал своей жизнью. И всё ради тебя. Может, в голодное время угостишь друга, не дашь умереть страшной смертью.

Шкет неожиданно понял, что Барри ничего не знает про мешок и деньги. Сразу засосало под ложечкой и захотелось прикарманить деньги себе. Однако он пересилил себя и сказал:

— За якорь зацепился какой-то мешок.

— На дне много всякого барахла, наверное течением принесло. Помнишь, как ты поймал мешок с наркотой? Сколько тогда барахла натаскал на палубу до этого. До сих пор Корнелиус обходит то место стороной. Сбросил обратно в реку и всех делов-то.

— Там было ценное кое-что.

Вот тут и вздрогнул Барри. Удивлённое лицо сказала всё. Шкет протянул:

— Значит всё-таки это твой мешок?

Барри закашлялся и начал краснеть. Слова не хотели выходить из него, но он стал рассказывать всё другу. Про лошадей и допинг, про отсутствие денег, про набег полиции на Али-духанщика и про злополучный мешок.

— Если Али узнает, то тебе не жить, — констатировал Шкет, на что Барри выдал.

— Али уже остыл и лежит, наверное, в морге.

Настало очередь удивиться Шкету.

— Дела-а-а!

— А то.

— Что делать будем?

— А ничего. Подождём и поделим.

После этих слов они замолчали и стали смотреть друг на друга.

— И возьмём в долю Жерома.

— И Камиллу.

— Ну, тогда и Нинель тоже возьмём.

— А не жирно тебе будет? Ты на ней женишься, у вас будет в два раза больше, чем у других.

— Тогда и Камилле ничего, у неё и так денег много.

Так они препирались до самого вечера. Делили и спорили, пока не решили, что такой вопрос надо решать всем вместе. Достали лист бумаги и стали чертить круги и сектора, кому сколько денег. Спорили. Ссорились и мирились.

Камилла

Камилла, привыкшая к вечерним посиделкам с Нинель, не могла найти себе места в своём большом доме. Её деятельная натура требовала выхода наружу. Она пробовала заниматься делами, но у неё всё валилось из рук, все мысли были заняты неугомным, как и она, инспектором. Его постоянные наезды к Шкету, их нечаянные встречи, породили какую — то невидимую связь, которую она хотела рассмотреть, но у неё никак не получалось. Всё время на пути вставали какие — то препоны и затруднения. Один раз она даже предприняла попытку выследить инспектора и устроить ему форменный допрос, но он был стреляный воробей и так просто не давался, или просто стечение обстоятельств было против этой встречи, а может просто Жером, как профессионал, заметил слежку и легко оборвал «хвост».

Ради интереса Камилла зашла во флигель, где обитал Шкет. Проходя по коридору, она увидела Мозеса и Барри, которые стояли на коленях, выставив на обозрение свои попы, и склонились над расстеленным на полу листом бумаги. Чертили какой-то чертёж, сверяясь со своими записями в потрёпанной записной книжке, и судя по всему, были крайне заняты. Над обоими светилась голубая аура, что говорило об их сосредоточенности и увлечённости делом. Просто прерывать их работу ради того, чтобы просто поболтать ни о чём, а вернее о Жероме, Камилла не решилась и просто ушла.

Камиллу гнал вперёд необъяснимый голод общения, который грыз её изнутри. Хотелось поскандалить, как базарная торговка, проговорить с кемнибудь по душам, рассказать о своих предчувствиях и переживаниях. Только вот найти этих «когонибудь» создавало проблему. Оставалась одна Нинель, вот к ней она и направилась.

Несмотря на приближающийся вечер, Камилла вышла на улицу и пошла к Меликовому мосту, за которым уже закрепились определённая слава как Мост влюблённых.

Идя по набережной, она пару раз замечала за собой фигуры прохожих, которые тоже шли в этом же направлении. Зеваки спешили на новое представление, свадебные компании выдавали себя нарядными одеждами и букетами цветов.

Ей пришло в голову, что всё это заварилась она, когда в первый раз пришла к Нинель. Это её неосторожное слово, в разговоре с горничной, дало старт этому действию, которое уже приобрело все признаки народной приметы, про это уже писали в газете, в это уже верили.

Камилла ещё раз присмотрелась к толпам. По набережным, с одной стороны реки, шли в основном девушки в компании наряженных сопровождающих, с другой стороны шли такие же нарядные женихи в компании таких же наряженных свидетелей и гостей. Иногда компании перекрикивались и махали друг другу руками и букетами цветов, украшенными яркими лентами.

В фургоне Нинель не горел свет, но на улице, на подоконнике стоял стеклянный

кувшин, в который очередная претендентка в невесты, щедрой рукой отсыпала серебряных монет и стала снимать с себя верхнюю одежду. Подружки невесты давали ей ценные советы.

— Бюстгальтер бросай прямо на ближайший баркас, вон на тот, что покрашен в зелёный цвет. Если попадёшь в него, то жизнь будет счастливой и радостной, — говорила одна из подружек, другая давала совет, как это сделать:

— Ты в одну из чашек положи монетку и прикрой другой чашкой, тогда ветром не сдует, когда бросать будешь.

Камилла только усмехнулась над этим. Похоже, не только она приложила руку к этому действию. Народ добавил и свои мысли к этому, придав большей достоверности к примете.

Кандидатка в невесты зарумянилась, когда сняла с себя одежду и осталась в юбке и роскошном бюстгальтере, но потом, решившись, сняла бюстгальтер, вложила в чашку серебряную монету, старательно сложила и, размахнувшись, бросила через перила моста на баркас Барри. За броском следили с противоположной стороны, едва бюстгальтер упал на палубу, как там раздались радостные крики. Невеста неспешно пошла через мост, а очередная претендентка в невесты бросила свою горсть монет в графин Нинель.

По набережной неспешно катилось парочка экипажей с благородными зрителями. Мужчины и женщины в экипажах переговаривались между собой и рассматривали небольшую очередь из кандидаток, некоторые даже в театральные бинокли. Возле одной невесты, которая была менее всех нарядной, остановился экипаж, из него вышла молодая женщина и передала ей вышитый кошелёк со словами:

— Пройди с мыслями и обо мне.

Камилла подошла к незнакомой даме и спросила:

— Вы хотите, что бы она прошла за вас?

Незнакомка капризно выпятила губки:

— Ну, я же ей заплатила. Пусть работает.

— Хочу обратить ваше внимание, сейчас вы дали денег этой милой девушке, что бы она, кроме своего мужа, ублажала в будущем и вашего.

Незнакомка стояла как поражённая молнией. Ей вдруг захотелось вернуть потраченные деньги, и она засуетилась, высматривая одаренную девицу.

— Успокойтесь, дорогая моя. — Камилла продолжала играть роль старшей, умной подруги, — Ваше счастье не пройдёт мимо, вы за него уже заплатили, осталось самая малость, пройти по мосту с соблюдением всех традиций.

Внутри себя Камилла, конечно, злорадствовала, так как незнакомая дама вряд ли согласится пройти по мосту обнажённой, на потеху толпе сторонних наблюдателей. А их набралось не мало, это гости и свидетели новобрачных, парочка стражников с двух сторон моста, служащий магистрата, сидящий за столом регистрации браков и просто зеваки, делающие вид, что прогуливаются перед сном по набережной.

Со слезами на глазах незнакомка посмотрела на Камиллу:

— Вы так считаете? — А затем, додумав свою мысль до конца, переспросила, — А вы? Вы пришли сюда в поисках своего счастья?

— Естественно! Мы все созданы для счастья, живём ради своего счастья, ждём его на протяжении всей своей жизни. Самое главное не пройти мимо своего счастья. Видите этих девушек? Они знают, что их счастье есть. Их личное счастье. Они за него готовы бороться и побеждать. Побеждать свои страхи, предубеждения и осуждение других. Они решительны и достойны своего счастья, так же как женихи на той стороне. Которые тоже борются, готовы

свернуть горы ради своих любимых, готовы на любые лишения, чтобы быть только рядом со своим счастьем.

— Вы правы! Счастье нельзя купить, а вот предать можно.

Незнакомка бросилась к своему экипажу и стала что — то доказывать, энергично жестикулируя. Из экипажа вышел пожилой мужчина и направился к Камилле.

— Мадам! Вы столько наговорили моей дочери и совсем задурили ей голову. Она готова идти через мост немедленно.

Он помолчал и продолжил.

— Дочь сказала, что и вы в поисках своего счастья. Так, что же? И вы готовы совершить этот, непристойный благородной дамы, ритуал?

— Когда придёт моё время совершить этот, как вы сказали — непристойный ритуал, я не буду колебаться ни минуты, ни единого стука своего сердца.

Камилла развернулась и пошла по направлению к мосту, запахнув плотнее свой жакет. Крыть, как говорится, было, нечем.

Дойдя до начала моста, Камилла с удивлением увидела Жерома, который с улыбкой наблюдал за ней.

— Дорогая Камилла, мне пришлось выслеживать вас. В последнее время мне всё больше и больше приходится думать о вас, что сказывается на моём настроении. Когда я думаю о вас, то всё становится радостным, как смех ребёнка, цветным, как радуга. Мне вас ощутимо не хватает.

Камилла улыбнулась, про себя отметив ярко — розовую ауру Жерома:

— Больше ни слова.

— Я ещё полностью не объяснился, — обиженно начал Жером, но Камилла остановила его и сказала:

— Ждите меня на другом берегу. Не надо портить бизнес моих друзей.

Жером в недоумении пошел через мост на другую сторону.

За ними внимательно наблюдали из экипажа. Незнакомая девушка с интересом, а её отец с нескрываемым удивлением.

Камилла подошла к фургону и опустила в кувшин на подоконнике золотую монету и стала медленно снимать с себя верхнюю одежду. Стражники зааплодировали её смелости. Завернув в бюстгальтер ещё одну золотую монету, она бросила его на палубу Барри. Бюстгальтер упал на палубу прямо перед носом кота Корнелиуса, который флегматично обозрел предмет, подгрёб к себе выпавшую монетку и опять закрыл глаза. Зрители поприветствовали удачный бросок и с удовольствием наблюдали, как эффектная дама идёт по брусчатке моста.

Жером

Жером смотрел на улыбающуюся Камиллу и судорожно пытался дать себе ответ на вопрос, который не прозвучал, но требовал немедленного ответа. Чем ближе подходила Камилла, тем больше веселились зрители, и тем больше волновался Жером. Вспомнив про шаль, которую он купил по совету хиромантки, выхватил её из — за пазухи и пошёл навстречу Камилле. Подойдя, он накинул шаль на плечи Камилле и, обняв, повёл по мосту под аплодисменты собравшихся вокруг них зрителей.

Жером очнулся от наваждения, когда перед ним возник стол с фонарём, который выставила магистратура. В свете фонаря он разглядел знакомого старого служащего магистратуры с лентой через плечо.

— Господин инспектор, желаете заключить брак прямо сейчас? — служащий магистрата с улыбкой раскрыл гротеск, макнул перо ручки в чернила и приготовился писать.

Жером взглянул на Камиллу:

— А чего тянуть!

Камилла запахнулась плотнее в шаль и согласно кивнула:

— Как скажешь, дорогой.

Служащий посмотрел на неё в ожидании имени и фамилии.

— Камилла Комтуа.

— Теперь вы, господин инспектор, — служащий протянул ему ручку, чтобы он собственноручно внёс запись. Жером каллиграфически вывел в книге:

— Жером Моновиль.

Служащий с улыбкой взглянул на него, потом на Камиллу:

— Пожалуйста, полное имя, господин инспектор.

Камилла заинтересованно посмотрела на своего спутника. Жером опять взял ручку и написал перед фамилией приставку — де.

Служащий прокашлялся и громко объявил:

— Господин Жером де Моновиль и госпожа Камилла Комтуа отныне муж и жена. Господин инспектор, можете поцеловать свою супругу.

— Так ты дворянин?!

— Отныне и ты тоже.

Жером поцеловал Камиллу и счастливо рассмеялся.

Отойдя на некоторое расстояние от стола регистрации, Жером опять поцеловал свою супругу и осторожно потрогал рожки Камиллы.

— Нежнее Жером, нежнее. Они очень чувствительны. — Она с улыбкой посмотрела на своего мужа. — Я вам обещаю, что у вас никогда не появятся рога! — и засмеялась своей шутке.

Камилла

Прошедший день принёс много неожиданностей, от которых жизнь Камиллы забила бурным фонтаном. Интерес к происходящему вокруг затягивал и интриговал. Поворот в личной жизни принёс только огромное удовлетворение. Жером, став её мужем, был учтив и обходителен. Так как ранее он ни разу не был женат, то старался наверстать упущенное.

Камилла была приятно удивлена его нежности, так как ранее считала его немного суховатым в проявлении своих эмоций. Конфетно-букетный период в их отношениях до свадьбы так и не начался и поэтому он старался этот период провести после свадьбы. Вопрос с самим торжеством был поднят на обсуждение и был закрыт, как несущественный. Камилла не смогла назвать точное количество приглашённых со своей стороны, а гости со стороны Жерома оказались и в её списке.

— Обойдёмся простым застольем, только для близких друзей. Тем более, что большинство из них, уже проживают в моём... Извини, в нашем доме. Я слишком мало живу в городе, чтобы иметь обширные знакомства и иметь возможность приглашать друзей на торжество. Мы с тобой уже довольно взрослые люди и понимаем, что торжественный вечер не обязательно должен быть многочисленным.

Жером во всём соглашался со своей новоявленной супругой, считая её более опытной в таких делах, так как она уже была замужем. Да и текущие дела не позволяли слишком расслабляться.

Желая порадовать свою жену своим вниманием, он приготовил кофе и подал его прямо в постель. Камилла была удивлена неожиданному проявлению нежности и заботы и пообещала, что в следующий раз он получит ответный подарок от неё.

— Мне от тебя ничего не нужно, я уже всё получил и даже больше. Если бы не мост, то я ещё не скоро решился предложить тебе стать моей женой.

— Это неожиданно было и для меня, — усмехнулась Камилла — та девочка на мосту и её отец, подвигли на это дефиле у всех на виду.

Она подвинулась повыше на подушки и приглашающим жестом похлопала на место рядом с собой. От приглашения Жером не отказался и забрался под одеяло.

— Поговорим о делах насущных. То, что ты не работаешь в полиции, развязывает тебе руки и даёт определённую свободу, но и накладывает некоторые моральные ограничения на твои действия. Если тебя это смущает, то я могу тебе в этом помочь.

Она поставила чашечку с кофе на прикроватную тумбочку, изящно изогнувшись при этом, порылась в одном из отделений и достала сложенный листок бумаги.

— Вот это даст тебе свободу в твоих изысканиях и поступках, — протянула лист Жерому

— «Всё, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства. Лё Пети Робер Третий» — прочитал Жером и недоуменно посмотрел на Камиллу. — Что это?

— Это индульгенция, на мои и на твои дела, которые делаются во благо государства. Я же говорила, что захожу к Роберу и считаюсь подругой княгини Анжелы. Так, что мы можем проводить личное расследование, не смотря на то, что ты уволен со службы, а я так вообще не при чём.

Камилла опять взяла чашечку и сделала глоток кофе.

— Всё происходящее в этом городе мне кажется очень странным. Джигиты, которых слишком много. Драгуны, которых никто не звал. Мэр, который врёт и представляет несуществующий приказ князя.

Камилла посмотрела на Жерома, на его некоторое удивление, проявившееся на его лице:

— Поверь мне, князь никогда не станет писать мэру и доверять ему управление войсками. Это раз. Во вторых. Князь никогда не будет писать на обычной бумаге. Пусть я

видела приказ мельком, но было видно, что мэр показывает не настоящее письмо князя. Подпись не Робера, печати нет, номер драгунского полка не указан и так далее. Подводя итог — мэр врёт. С какой целью? Это нам надо выяснить ещё до прибытия князя, иначе будет совсем поздно.

Камилла сделала паузу в своих размышлениях. Налила в пустую чашку кофе и прислонилась обнажённой грудью к Жерому, чему он был очень рад и сразу запустил свою руку под одеяло.

— Пока у нас есть время, но его не так уж и много...

Барри

Вопрос принадлежности денег у друзей даже не возник. Как-то само собой разумеющееся понимание, что деньги принадлежат им пришло обоим в голову одновременно. Даже не возникло мысли, что их нужно кому-то возвращать. Смерть Али Бурхана автоматически сделала мешок не то что бесхозным, а именно принадлежащим им. Все последующие споры вертелись только вокруг того, как поделить и кому по сколько причитается.

Мешок был основательно перетряхнут, вся наличность старательно пересчитана. Оставшиеся бумаги были оставлены на потом, так как, что они из себя представляют, у обоих не хватало знаний. Разделив деньги на две половины и уложив в неприметные сумки, они переместились в особняк Камиллы.

Расстелив на полу лист бумаги они стали высчитывать кому и сколько причитается, учитывая и совместное проживание, и теперешнее состояние финансов. Схема раздела денег учитывала практически всё. Кто взял мешок, кто спрятал, кто вытащил, кто ходит в друзьях, а кто в женихах и предполагаемых невестах, кто с кем дружит, кто в это время находится рядом, а кто совсем далеко, кто сушил купюры, кто их нёс и так по многу раз. Считали и пересчитывали, совсем не обращая внимания на окружающую обстановку. Не заметили, как Камилла прошла мимо них, как наступил вечер, как Камилла с Жеромом вернулись домой. Их подсчёты сводили их с ума и не давали, как следует подумать над этой проблемой. Каждый раз выходило, что кто-то будет недоволен своей долей.

Где-то под утро, совсем не выспавшиеся, уставшие от обилия цифр они решили прекратить искать приемлемое решение раздела денег. Им обоим пришла мысль, что надо взять самое простое решение и поделить деньги поровну. Как им раньше не приходила такая мысль, они не понимали. Выбросив совершенно испорченный лист бумаги и развернув новый, написали имена и поделили деньги всем поровну, просто разделив на пять частей. Получившаяся сумма в триста тысяч золотых ошеломила их. Правда, Шкет после этого проворчал:

— А все-таки полтора миллиона выглядит гораздо внушительнее.

Отправившись в сторону столовой, они унюхали запах кофе и осознали, насколько они проголодались. В столовой никого не было, так же и каких либо продуктов. Направившись в сторону столовой с удивлением застали картину удаляющегося Жерома в халате и с подносом, на котором стоял кофейник и чашечка. Так вот кто готовил кофе. Не трудно догадаться для кого. Оба одновременно хмыкнули:

— Дела! Моновиль выйдя на пенсию время не теряет.

Найдя себе что-то перекусить, пока не пришла прислуга, отправились в свою комнату, где и пришли к пониманию, что надо собирать всех вместе. Так как Жером и Камилла уже на месте, то Барри отправился за Нинель.

Не успела хлопнуть входная дверь, как в комнату пришёл Жером в сопровождении Камиллы.

— А мы поженились! Теперь будем жить вместе.

— Интересное сообщение! И главное такое своевременное, — решил пошутить Шкет, но смутился под строгим взглядом Жерома.

— Мы тут с Камиллой рассуждаем об угрозах княжеству, а вы чем занимаетесь?

Шкет демонстративно стал рассматривать засос на шее у Жерома:

— А мы с Барри думали о нашем общем благополучии, не то что некоторые, что решили улучшить демографическую обстановку в княжестве. — За что тут же получил «леща» от Камиллы.

— Не о том думаете, господин младший инспектор полиции.

Камилла

Нинель уселась за стол вместе со всеми. Камилла, как радушная хозяйка, предложила всем кофе, не переставая щебетать весёлым голосом. Жером расположился с ребятами у окна и достал пепельницу, демонстративно открыл хьюмидор и предложил всем сигары, но Шкет достал свой кисет с табаком, а Барри смятую пачку сигарет. Дружно задымили. Камилла продолжала заливаться соловьём и рассказывала все перипетии неожиданного замужества. Нинель слушала её и посматривала, в тихую, на Барри.

— Как жаль, что тебя не было дома. Я там тебе бросила золотую монету в твой кувшин и на баркас Барри запулила свой «балконет», который так нравился тебе. Помнишь, ты сказала Жерому купить шаль? Так он её купил и носил с собой всё это время, не зная, для чего она нужна.

Нинель посмотрела на Жерома, затем опять стала слушать Камиллу.

— Представляешь, как он удивился, увидев меня почти обнажённую. А как радовались другие мужчины. Наверное, не у всех девушек хватает смелости пройти по мосту.

— Сегодня по мосту шла очень богатая девушка, — сказала Нинель, — её отговаривали, но она прошла и представь, на той стороне даже драка образовалась из претендентов. Но она выбрала совсем невзрачного парня. Это у них по любви.

— А у всех, кто идёт по мосту, это по любви. К мужчине, которого они выбрали, к будущей семье и детям, к государству. Вот у вас не так?

— У нас по-другому. Родители сами договариваются о свадьбе своих детей, — сказала Нинель и, осознав сказанное, резко встала.

— Сидеть! — голос Камиллы прошёл по комнате как холодный порыв зимнего ветра.

В комнату вошли оба «контрика» с взведёнными самострелами.

— Госпожа Комтуа! Э... Простите, госпожа Моновиль, — усмехнулся то ли Жан, то ли Жак. — Мы присутствуем при вашем разговоре.

Камилла кивнула в знак согласия и, подойдя к столу, достала свой самострел и направила на голову Нинель.

— Наденьте на неё наручники, да пристегните к креслу, да посильнее, дабы не вырвалась.

Повернулась к Нинель:

— Что, не ожидала? Я, думаешь, просто так зашла в твой фургон? Просто ты мне понравилась, и я стала дружить с тобой? — Камилла усмехнулась, — Думаешь, что ты такая неотразимая? Я видела твою ауру. Лживую. Противоречивую и недоверчивую. Я могу видеть ауру людей. Ты думала меня обмануть? Я навела справки о тебе. Тебя никогда не было в

княжестве. Настоящая Нинель умерла в двенадцать лет. И я не удивлюсь, что выяснится твоя причастность к её смерти. Возможно, что ты не хотела этого делать, но твои кураторы повязали тебя кровью.

Камилла прошла по комнате, остановилась напротив Жерома:

— Ты можешь закрыть дело об украденном ребёнке. Шкет не зря рылся в архиве. Фамилия родителей была Кармон. Девочку украли со всеми документами.

Камилла повернулась к Нинель.

— Тебя, дрянь, уже тогда готовили для внедрения. Правда, ты была старше на четыре года, но это не страшно. Со временем разница в возрасте становится менее заметна. По документам тебе должно быть только шестнадцать, ведь так? Конечно, у тебя знатные и могущественные покровители, которые закрыли глаза на этот небольшой недостаток, а со временем и выправили новые документы. Золото решает многие проблемы.

Камилла посмотрела на Барри.

— А ты, мой бедный мальчик, ведь любил её. Но ничего, время лечит всё, даже самые страшные трагедии.

При этих словах Барри опустил голову. Ему стало понятно, что с ним Нинель никогда не была откровенной и никогда не рассказывала о себе.

— Я не просто так появилась в вашем городе. Собранная по крупницам информация сложилась в интересную картинку. Сопоставив все данные, стало понятно — готовится переворот. Выяснить подробности можно только на месте. Так в городе появилась богатая вдова.

Взглянув на Жерома, Камилла махнула рукой.

— Я не вдова и никогда не была замужем. Служба отнимает всё свободное время.

— Служба?

— Я тебе немного приоткрыла свою жизнь и сказала, что вхожа к Роберу. Но вхожа не только как провидица, но и как офицер спецслужбы. Робер и его супруга Анжела, мне доверяют. Кстати Жан и Жак мои подчинённые и тоже прибыли сюда не просто так. Ну да ладно, вернёмся к нашим баранам, то есть к невинной овечке.

Она подошла к Нинель и стала её рассматривать в упор.

— Так, что всё-таки пошло не так? Почему вдруг все возбудились и пошли на попятную? Для захвата власти достаточно тысячи подготовленных бойцов. Так эскадрона джигитов совершенно недостаточно, для захвата власти.

Нинель стала дёргаться и пытаться высвободить руки из наручников. Когда это не удалось, она зло бросила:

— Ваши продажные дворяне. Ваши продажные чиновники и полицейские очень жадные.

— С этого места поподробнее.

— Вы не можете ничего делать, если вам не заплатят. Как только встал вопрос о вознаграждении предательства все стали требовать денег.

Шкет встрепенулся и толкнул в плечо Барри:

— Я понял! У них не хватило денег подкупить знать!

— Их совсем не стало, — Нинель устало опустила плечи, — эта сволочь Бурхан просрал всё за один вечер. И деньги и долговые расписки, и самое главное — наркоту.

Жером подошёл к Камилле и положил руку на плечо.

— Мы изъяли мешок с наркотой, вызывающий агрессию, он предназначался городским

нищим. Вот та сила, которая могла свергнуть в хаос весь город в момент прибытия князя. Оставалось только подготовить и направить в нужном направлении небольшую толпу озверевших от наркотиков попрошайек и бездомных, чтобы свергнуть город в хаос. Далее, всего десяток богатых семей, которые поддержат инсургента и всего несколько стран, которые его признают законным правителем.

Камилла взглянула на мужа и произнесла:

— Драгуны! Это та тысяча, которая может захватить власть.

Нинель взглянула на Камиллу и проговорила тихим голосом:

— Готовящийся переворот без денег становится неосуществимым. Моё руководство решило остаться в стороне и не вмешиваться в происходящее.

— Твоё руководство, это Айгор Лекс? Это он тебе дал команду устранить Али Бурхана? Это он дал отмашку на устранение всех преград, в том числе и меня. Да-да! Я поняла это уже потом. Кроме тебя никто не знал, что я пойду к заведению Али, пытаясь подсмотреть, кто прибыл к командиру полка. Это ты направила меня по ложному следу и сразу отправила наёмника устранить меня.

Нинель ненавидяще посмотрела на разгорячённую Камиллу, с силой стала выкручивать себе руки, стараясь освободиться от наручников.

— Что, не нравится? Жалеешь, что я осталась в живых? Если бы не влюблённость моего мужа, если бы он не захотел лишний раз встретиться со мной, то у тебя бы выгорело это дельце.

— Я не жалею, что послала убийцу к тебе. Я жалею, что меня поймали.

— Жалееет она! — Камилла стала похожа на разъярённую фурию. Волосы вдруг растрепались, разошлись космами вокруг головы, рукава платья стали коротки или руки непомерно удлинились, красный маникюр стал совсем чёрным, голос стал почти утробным, весь облик стал похож на картинную ведьму — А меня ты пожалела?

Голос её рокотал по комнате. Присутствующие стали поёживаться от холода, одни контрразведчики вели себя как обычно, даже немного улыбались. Нинель сидела с поникшей головой, ожидая решения своей судьбы. Правда, вид бывшей подруги не сулил ничего хорошего.

Преображение Камиллы обратно в приятную женщину произошло незаметно и буднично. Как-то вдруг волосы вернулись на место в причудливую причёску, рукава удлинились или руки стали меньше.

— Но Лекс не командует драгунами.

— Возможно, это мэр! С поддельным приказом князя, с недалёким и внушаемым родственником, командиром полка, можно направить ничего не понимающих солдат на устранение князя. Указание мэра на строительство отдельной трибуны для Робера, это просто ловушка, — размышлял в голос Жером.

— Князя нужно спасать. — Камилла взглянула на присутствующих, — в наших руках судьба княжества.

Шкет недоверчиво осмотрел всех присутствующих:

— Нас слишком мало.

— Спасать мир — дело утомительное, затратное и крайне небезопасное.

— Но это невозможно. Такая задача нам не под силу, — сопротивлялся Шкет, поглядывая на Барри, ища у него поддержки. Жером ему ответил в меру своих убеждений:

— Нерешаемые задачи кажутся только тем, кто не собирается их решать.

— Я не отказываюсь, просто констатирую факт, что выжить будет нелегко.

— Нам ничего не остаётся, как спасти мир и самим при этом не умереть. Задача не простая, но её придётся решать именно нам, так как больше никому.

— Боюсь, что в результате всех наших действий у нас вырастут крылья, как у ангелов.

— Не знаю как у ангелов, но у людей крылья вырастают от страха. — Камилла подвела черту под разговором, — думаешь, мне не страшно? Ну, так полетели спасать князя и мир.

Камилла

Куда «лететь» и кого спасать, сразу не определились. Да и куда деть Нинель сразу не смогли решить. Отправить в полицию? А на каком основании? Только потому, что нам так хочется? Просто оставить в доме? Кто тогда останется её охранять. Отпускать, естественно, никак нельзя. Было принято коллективное решение, оставить в доме под охраной младшего «контрика», так как Шкет был нужен как действующий полицейский, оставлять Барри с бывшей возлюбленной просто не позволительно, а остальные представляли из себя наиболее подготовленный контингент, который может пригодиться в любую минуту.

Для начала решили поговорить с командиром полка. На этот разговор отправилась сама Камилла. Остальные участники «группы спасения» отправились по разным адресам, кто следить за Айгором Лексом, кто на обследование новой трибуны ипподрома.

Выбрав себе наиболее трудное задание Камилла решила немного пофлиртовать с недалёким Жан-Мишелем Блезье, командиром драгун. Заложив коляску, она проехала за город, где располагался временный лагерь драгунского полка.

На поле, где раньше паслись коровы, теперь местами не осталось травы. Ровные ряды брезентовых палаток, выстроенных в соответствии с армейскими стандартами, чередовались с котлами на кострах, где непрерывно готовили еду для солдат. Всюду сновали спешащие вестовые, каптенармусы и просто драгуны. На въезде присутствовал пост с часовыми, которые дымили трубками, переговариваясь с проходящими. Камилла отметила некоторую расхлябанность, которая мало присуща регулярной армии. Фельдфебели вроде и следили за порядком, но особо не усердствовали, просто не было видно празднующихся и всё.

Дальше поста её не пропустили, на предложение вызвать командира, часовой сплюнул на землю коричневую слюну и бросил как оплеуху.

— Оне в городе. К нам не приезжает. Вертайте назад в город.

Камилле подумалось, — какой командир, такие и подчинённые. Именно такие и будут выполнять приказ, не задумываясь о моральных и этических нормах. Такие вот, деревенские парни, с лёгкостью расправятся и с охраной и с возникшими волнениями, а если им ещё и «промыли мозги» или пообещали чего либо, то и подавно. Напели, небось, в уши всякой хрени, а они и рады пустым обещаниям. Повернула коляску и поехала в город.

Лёгкий, по началу, разговор стал превращаться в неудобоваримую задачу. Помня прежнее обращение с ней Жан-Мишеля Блезье, можно было предположить, что и сейчас он будет вести себя соответственно. С первого взгляда он ей показался самовлюблённым ослом. Со второго взгляда это усилилось многократно. Не умел ничего, кроме как жрать, пьянствовать, распутничать и снова пьянствовать. Она не забыла его первый приём, когда пришлось просить нужных людей, только чтобы поговорить. И самое главное, как он её встретил.

В комнате с огромным вычурным столом с резной столешницей он восседал как разряженный петух. Как работать за таким столом, не понятно. Посреди всего краснодеревянного великолепия находился вычурный малахитовый письменный прибор — зелёные кони встали на дыбы и обнаженная девушка, держащая их за уздечку.

К удивлению Камиллы родственник мэра её принял и стал любезничать, что само по себе было уже необычным. Кроме того он ещё пытался флиртовать с ней. Сейчас его

ухаживание, настойчивое и требовательное, его сальные шутки и не менее сальные комплименты, вызывали тошноту. Но показывать этого Камилла не могла, поэтому старалась соответствовать его уровню. То есть неуместно хихикала, хлопала глазами и говорила слащавым голосом, поддакивала и смеялась в различных местах, в которых этого делать не нужно. Такая из себя деревенская дурочка, непонятно каким ветром занесённая в кабинет к «записному оболъстителю».

Осторожно ведя свою «партию» Камилла подводила его к основному вопросу, а какова его роль во всё предстоящем действе.

— Вы настолько мужественный мужчина, что сможете защитить слабую женщину, — Камилла «стрельнула» глазами в Жан-Мишеля — Ведь готовится, что-то невообразимое.

При этих словах он поджал губы, так что они превратились просто в плотную щель. Камилла поняла, что сказала немного лишнего и попыталась выйти из положения.

— Ко мне приходили уважаемые люди, спрашивали меня об отношении к нашему князю, готова ли я помочь правому делу. Что может слабая женщина? Я смогла только внести некоторое количество золотых, на поддержание патриотического настроения общества. Разговор был и очень уважаемые люди намекнули на большие перемены, которые грядут. Но потом. Я подумала, что в сущности остаюсь одна в доме со служанками и престарелым мажордомом. Как плохо жить в нашем мире женщине без сильной мужской руки. Вот я и подумала, что такой уважаемый мужчина сможет предоставить защиту мне. Вы ведь не откажете в такой малости? Я могу быть благодарна за такие действия, тем более такому видному офицеру.

Блезье расплылся в умильной улыбке:

— Так вы немного в курсе! Это совсем другое дело, дорогая Камилла. Буду рад вам оказать всяческие услуги, только вот в день выступления джигитов я лично не смогу оказать такую услугу. Придётся немного подождать, совсем немного и я буду у вас, буду охранять вас днём и ночью.

«Ага! Самое главное ночью! Больно ты мне нужен!» — подумала Камилла, но вслух произнесла — Я буду вас ждать, к примеру, сразу после выступления.

Она ещё говорила всякую чушь, намекая на свою благодарность и не только материальную. Расшаркавшись при уходе, дав поцеловать свою руку, она с отвращением подумала — «значит всё решится во время выступления, и это, скорее всего, будет очень радикальное действие, то есть устранение князя и захват власти. Тупой командир, с тупыми солдатами, сделают своё дело и устранят князя, а расторопный мэр подхватит «упавшее знамя».

С такими невесёлыми мыслями Камилла возвращалась в свой дом, где её поджидал Жером. Шкет и Барри рванули на конюшни ипподрома, ещё раз посмотреть, что там интересного.

Когда прибудет князь, никто не знал достоверно. Всё держалось в секрете, хотя примерное время было известно всем и каждому — скоро! Выступления должны были продлиться три дня, соответственно и прибытие князя ожидалось в эти дни.

Шкет

Город жил своей жизнью в предвкушении приезда князя, что в некотором роде подстегнуло спокойное течение и вылилось в бурные потоки. Напряжение расходилось концентрическими кругами, центром был, конечно, ипподром. Появилось множество лотошников со сдобой и другими закусками, которые можно взять и перекусить на ходу. По

обочине стали на прикол несколько фургонов, которые готовили прямо на глазах покупателя. Детям предлагались палки, с головами лошадей, куклы марионетки в бумажных доспехах и сладкая вата, которая стала хитом этого мероприятия.

Взяв себе сладкой ваты, Шкет и Барри спокойным шагом прогуливались в толпе таких же прохожих, как и они сами. Поглядывали по сторонам и делали беззаботный вид, но сами целенаправленно шли к конюшням. В прошлый раз их не пустили туда, может сейчас повезёт.

Охраны в этот раз на конюшне не было, и они прошли без всякой задержки. Зашли к Алеман Краузе, ветеринару-немцу. Он как всегда возился со склянками и пробирками. На столах был образцовый порядок, в воздухе отчётливо слышался алкогольный запах.

— А тут наливают! — с улыбкой бросил Барри и пожал руку Алеману. — Знакомься, мой друг Шкет, работает в полиции. Но ты его не бойся, мы зашли просто поздороваться.

Врач посмотрел на Шкета с небольшим подозрением:

— Уж больно молод твой друг для полицейского.

— Да он всего пару недель как работает вместе с Моновилем.

— Это, которого уволили на пенсию? Нечего сказать, хороший наставник — усмехнулся ветеринар.

— Тут не всё так просто, как кажется. Уволили не просто так, а в острастку. А может и мешал кому-то.

Краузе не только с подозрением смотрел на Шкета, но и на самого Барри.

— После твоего последнего визита у меня началась полоса невезения. Сначала на меня наехал сам Лекс, потом я только раскатал губы на хорошую зарплату от джигитов, как всё обломалось. Коней лечат сами, кормят сами, из кабинета выгнали. Так что ты приносишь мне несчастья.

— Я к тебе со всей душой! — воскликнул Барри — а ты меня подозреваешь в чём-то.

Барри конечно понимал, почему окрысился Айгор Лекс, но с эмиратскими джигитами он точно был ни при чём.

Шкет тоже был на стороне Барри и поддержал друга

— Не говорите ерунду, уважаемый! Барри всегда приносит только удачу.

Он и сам верил в то, что говорил, но некий червячок сомнений грыз его уверенность.

— Вы ко мне по делу или просто так, в надежде, что налью? Так у меня спирт казённый и просто так я не наливаю.

— Мы познакомимся с нужным человеком, который может понадобится в трудную минуту.

— Так вы с умыслом пришли? Нашли чем хвалиться. Если будет надобность, я смогу и без знакомства помочь.

— Как бы ни было, мы тебя за друга считаем. Тут такие дела намечаются, что врач может понадобится в любую минуту, и лучше пусть это будет знакомый врач.

— Тут вам не очень повезло, я ветеринар.

— Да нам всё равно, лишь бы помощь была своевременной.

— Вы что, на войну собираетесь?

— Всё может быть, и тебе советуем подготовиться и быть начеку. Надо подготовиться к этому мероприятию.

— А как? — Барри почесал в затылке.

— Ну, например кляп соорудить. — Пошутил Шкет.

Барри завис и спросил через минуту:

— А зачем?

Шкет заржал и пояснил:

— Кляп, отличное средство от геморроя.

Тут уж заржали все остальные.

Барри

На замечание или вернее шутку подготовиться и вооружиться на всякий случай, Барри отреагировал крайне своеобразно. Он действительно решил подготовиться для любых неприятностей, а так как приходилось готовиться к активным боевым действиям, то он решил заглянуть к своим друзьям рыбакам-контрабандистам. Во-первых приобрести у них небольшие но эффективные самострелы с вместительными магазинами, а во вторых может и они присоветуют чего либо убойного.

Порт встретил Барри нагромождением складов, ангаров и покосившихся собачьих будок, а может и чьих-то домов. Над всем этим витал застоявшийся запах тухлой рыбы. Через щели в заборах за ним смотрели настороженные глаза обитателей. Из таверны, с почерневшей вывеской, слышался гомон голосов и залиvistый женский смех, с отчётливой хрипотцой алкоголика со стажем.

Поскальзываясь на заросших мхом досках пирса он долго высматривал шаланду своих друзей, потом долго объяснял хмурым личностям зачем он пришёл и только после того как достал из-под полы бутыль самогона был допущен на шаланду.

Команда на удивление сидела совершенно трезвая и на подношение от Барри посмотрела с заметной грустинкой в глазах. Капитан, который находился вместе со всеми, убрал бутылку и без предисловий спросил прямо в лоб.

— С какой целью подкупаешь экипаж? Ты ведь в курсе, когда мы работаем, то не потребляем горячительное. В нашей работе это ведёт к травматизму и летальному исходу.

Посмотрев на мутные лица экипажа Барри развёл руками.

— Думал, раз вы в порту, то и не работаете.

— А мы и на берегу работаем, только не все это видят. Нашу специфику ты знаешь, так что не тяни и сразу обрисовывай картинку.

— Да тут такое дело, что мне нужно кое-что убойное, не очень громоздкое и безотказное в работе.

Капитан задумался, а члены экипажа предложили.

— Возьми себе «Жоржика-кувалду». И не очень громоздко и убойно и безотказно и не дорого.

Жоржик улыбнулся щербатым ртом и потёр свои огромные кулачищи, демонстрируя свои наколки на пальцах и запястьях. Все рассмеялись незатейливой шутке, а капитан прихлопнул по столу рукой, призывая к тишине.

— Вопрос интересный, только для чего тебе нужны трещотки? Мы можем предоставить всё что угодно, вопрос только в финансировании. За твою бутылку самогона мы можем выделить только ржавый ножик, да и тот без ручки.

— Оружие нужно для укомплектования одной компании. Естественно на благое дело.

Команда понимающе переглянулась.

— Мои друзья хотят помочь нашему князю сохранить порядок и законность в государстве.

— Вот он пусть и обеспечивает всем необходимым.

— Князь о нас не знает, но мы всё равно ему помогать будем.

Барри выложил на стол небольшую стопку золотых монет и выразительно посмотрел на капитана, который замолчал при виде золота. Сумма была довольно приличной и никак не вязалась с общепринятым финансовым положением Барри. Капитан явно не ожидал от простого горожанина такого подношения.

— Ты кого-то ограбил или ещё хуже пристукнул в подворотне?

Барри усмехнулся и подмигнул капитану.

— Помощь близких мне людей, которые переживают за происходящее в нашем княжестве и конкретно в нашем городе.

— Да что не так в нашем городе? Я понимаю, что наш город не совсем столица и происходит в нём много чего, но так вооружаться, это наводит на большие подозрения.

— А вы не заметили ничего необычного в последнее время?

Команда во главе с капитаном задумалась и каждый стал рассказывать странности, которые происходили в последнее время. Получившаяся картинка заставила крепко призадуматься. Вроде всё как всегда, но... Вот это но и стало всё яснее проявляться по мере того как каждый выложил свои замеченные странности. Барри и сам припомнил про склады с оружием, большую партию наркотиков, переодетых нищих, которые и не нищие. Постепенно все замолчали. В тишине было слышно как муха билась в стекло иллюминатора. Глупая муха билась о стекло с фанатизмом религиозного фанатика. В полной тишине яростное жужжание сопровождалось гулкими шлепками, совсем несоизмеримыми с массой самой мухи. На некоторое время наступала тишина, очевидно, вследствие контузии самой мухи.

— Что ты хочешь от нас и как нам поступить в этой ситуации? — капитан, пользуясь своим авторитетом, говорил от имени всей команды.

— Мне нужно оружие. Лично мне нужно. Я не говорю про других. А вам я бы посоветовал выйти в море на недельку другую. Там переждать неприятности и вернуться после всего. Таким образом, вы ни в чём участвовать не будете, сами никуда не встрянете.

— Допустим мы тебе оружие дадим, — капитан задумался и посмотрев на свою команду продолжил. — Выходить в море мы и так собирались через пару дней.

— Я бы посоветовал вам выйти сегодня. — Барри тряхнул своей чёлкой, — тут никогда не узнаешь, в какое время полыхнёт. Втягивать вас в разборки с непонятным концом мне не хочется.

Команда стала переглядываться и вопрошающе стала смотреть на своего лидера. Капитан посмотрел на Жоржика и кивнул в сторону двери. Громила с поразительной скоростью сорвался с места и подпёр входную дверь своим могучим торсом. Очередной кивок и из каюты был принесён свёрток. На стол выложили самострел, парочку магазинов для него и стопку толстеньких стрел, перевязанных бечёвкой. Всё добротное, почти новое и явно не местного изготовления.

— Хорошее оружие, — удовлетворённо сказал Барри, примерив под свою руку самострел. Попробовал несколько раз взвести пружину и сделал парочку холостых выстрелов. Механизм работал без нареканий. Капитан взял из стопки монет несколько штук и с заметным вздохом посмотрел на оставшиеся деньги. Немного подумал и предложил.

— Если добавишь еще немного, то дам совсем убойную штуку.

Заинтересованный Барри посмотрел на монеты и прикрыл их ладонью, а когда убрал, то стопка монеток удвоилась. От неожиданности члены команды даже хрюкнули. Этому трюку

Барри научил его первый компаньон из уличных циркачей, к которым он прибился после выхода из монастыря.

Капитан удовлетворённо потёр руки и выложил на стол металлический шар, размером чуть больше чем яблоко, даже с хвостиком, что делало его совсем похожим на фрукт.

— Мы глушим рыбу такими химическими бомбами. Думаю, что и против двуногих сработает не хуже.

Барри поразмыслил и выложил очередную стопку монет.

— Мне все, что есть.

Капитан улыбнулся

— Приятно иметь дело с таким клиентом. Понимает и главное платит.

Жером

Пробежавшись по пустому коридору, Моновиль стал заглядывать в пустые стойла. Просто для своего успокоения, дабы не оставлять позади себя «партизан». В одном деннике обнаружил сваленные клинки различной степени сохранности. Кто-то приберёт на всякий случай или, наоборот, на конкретный. Порывшись в свалке оружия, вытащил драгунский палаш. Уж лучше плохое оружие, чем совсем без него. Взмахнул несколько раз тяжёлым и непривычным клинком, отметил, что управляться с ним не простое дело. Немного подумал и стал стаскивать найденное оружие к большому коробу с овсом и закопал как можно глубже, ещё и набросал сена сверху. Подумав немного, сунул туда же палаш, так как в схватке с тренированным бойцом заведомо проигрывал бой.

Прошел до трибун и на первом же посту подвергся обыску. Солдат не объясняя ничего, просто развернул к стене и прохлопал по всем местам, где могло быть спрятано оружие, и только после этого поинтересовался целью посещения. Просто так пройти к трибунам было совершенно невозможно. Запоздало вспомнил про бумагу, которую отдала Камилла, стал показывать часовому, но тот просто вызвал офицера, свиснув в свисток, что болтался на шнурке. Офицер не заставил себя ждать, повертел бумагу со всех сторон, бросил часовому — «Задержать!» — забрал бумагу и убыл на верхний ярус.

Ждать пришлось совсем не долго, послышался двойной свисток и часовой махнул Жерому рукой, показывая куда идти. Офицер протянул бумагу:

— Князь ждёт вас и ваши объяснения.

Пройдя по трибуне до кресла князя, Жером обратил внимание на широкие щели в потоке. Смутное подозрение закралось в его голову, но он не мог его сформулировать, для этого ему просто не хватило времени. Под потолком что-то треснуло и сквозь щели стали появляться наконечники стрел, на которые никто не обращал внимания из-за шума трибун. Понимая, что он уже не успевает, Жером оттолкнул офицера и напролом рванулся к Роберу. Все пришли в движение и старались помешать, но Моновиль, продравшись через охрану, схватил князя за расшитый рукав камзола и рванул на себя, выдирая его из кресла.

Небо для князя опрокинулось. Чудовищный грохот, исходящий сверху, оглушил его. Чисто на инстинктах, он ещё смог откатиться в сторону. Его кресло разметало в щепки после последовавшего удара с разных сторон четырьмя короткими стрелами с широкими лезвиями. Князя ударило в лицо обломком кресла. Всё вокруг поплыло. В ушах стояла звенящая тишина. Рядом скрючился солдат охраны. Стрела с широким лезвием вспорола одежду и из живота вываливались разорванные внутренности. Стрелы сыпались из отверстий потолка непрерывным потоком, словно там стоял полк солдат, у которых было время для перезарядки. Сиреневые всполохи разряженной магической защиты присутствовавших

дворян слились в сплошное море сиреневого цвета с чёрными прожилками, указывающими на смерть человека.

Князь попытался встать на четвереньки. Всё перед глазами плыло и качалось как на качелях. Увидел перед собой ещё одно тело без половины лица. Вот кто-то навалился на него всей тяжестью своего тела. Кто-то очень знакомый, но вспомнить в этой мясорубке кто именно, было выше сил Робера. Навалившийся что-то кричал на ухо, но оглушенный князь не слышал ничего, кроме звона и накатывающих волн. Постепенно слух возвращался, как через вату стало доходить.

— Дайте чёрный отблеск! Дайте чёрный отблеск!

До Робера дошло, что ему советуют включить собственную магию и блеснуть аурой, как при смерти. Он напрягся, не смотря на сильную головную боль, которая как-то сразу ударила по нервам, сжал амулет и представил себя мёртвым. Мощнейшая вспышка чёрного цвета залила всё вокруг, сигнализируя неизвестному наблюдателю о смерти князя. На противоположной трибуне, с которой только наблюдали за происходящим, дружно выдохнули с сожалением:

— Князь!

Какая-то женщина схватила князя за руку и потащила по мокрому от крови полу в сторону лестницы. Больно ударяясь головой о балясины и выступающие деревянные детали лестницы, отталкивая неподвижные и слабо шевелящиеся тела, Робер послушно полз за женщиной, которая завлекла его под арену. Уже там, в сравнительной безопасности, оглядываясь на торчащие над головой наконечники стрел, которые пробили доски пола насквозь, Робер узнал Камиллу.

— Вы?! — спросил князь и сам себе утвердительно ответил, — Вы. И как всегда вовремя.

Робер стал смотреть по сторонам в поиске чего-то. Находившийся рядом солдат, прыгнувший за ними, протянул ему плоскую фляжку и князь, выдрав пробку, с жадностью стал пить. Краем глаза заметил сглотнувшего Жерома, протянул фляжку ему. Запрокинув голову, Жером сделал три глотка и понял, что это крепчайший самогон, оторвался для вдоха. Князь взял обратно фляжку и сделал ещё два глотка. Поискал глазами пробку и не найдя протянул флягу обратно.

— Добивайте! — Моновиль взглянул на Камиллу и она протянула руку, приложилась к фляге и высосала её до конца. Примерилась отбросить пустую, но солдат взял её из рук и спрятал за голенище сапога. На немой вопрос окружающих бросил:

— Из неё пил сам князь! Ценность, однако!

— Ты никакого князя пока не видел. — Камилла похлопала его по плечу, — А вот потом князь тебя отблагодарит. Во всяком случае, фляжку твою наполнит до краёв и не раз.

Князь смахнул кровь на лбу и вытер окровавленную руку о штаны.

— У вас, Камилла, я вижу, уже готова комбинация?

— Ну, так не просто штаны просиживаю. Надо уходить отсюда, пока нас никто не видит.

Князь на четвереньках пополз к краю трибуны, выбил ногой доски и вывалился на улицу. Джером схватил солдата за воротник и подтолкнул к пролому:

— Ты с нами теперь до конца.

— Так присягу давал — буркнул солдат и полез за князем.

Никем не замеченные они пробрались в коляску Камиллы, которая их ожидала за углом.

Кругом стоял гвалт испуганных людей. Кто-то требовал врача, кто-то искал своих родных, а кто-то без остановки просто выл от боли.

Перепуганный кучер стеганул лошадей и, не разбирая дороги, погнал коляску на пролом через декоративную ограду, от чего все чуть не вывалились, когда коляска опасно наклонилась на колдобинах. Камилла схватила кучера за руку и просто указывала куда править, так как он был на грани помешательства от страха. Толпа зрителей пришла в неистовство и рассыпалась на отдельные группы, которые прорывались к своим транспортным средствам. Со стороны города двигалась возбуждённая толпа оборванцев, вооружённая чем попало и размахивающая всем этим в разные стороны. Обезумевшие от страха люди выбегали из ипподрома и шарахались от них как от огня, чем приводили в возбуждение агрессивно настроенную толпу.

Выехав за пределы происходящего безумия, коляска немного замедлилась и поехала ровнее. Моновиль на ходу поднимал откидной верх, стараясь его закрепить, но у него не получалось, но он не сдавался. Камилла, видя его мучения, махнула рукой и уселась возле князя и стала его накрывать своей шалью, чтобы скрыть его от любопытных глаз.

Барри

В общей суматохе и неразберихе, что творилась на ипподроме и около него, в здании администрации было относительно спокойно. Во всяком случае, Барри никого не встретил в коридорах. Заскочил в первую комнату, он увидел собравшуюся за столом вооружённых людей. Стоящий во главе стола здоровенный громила, видимо старший над ними, продолжал говорить:

— Князь мёртв и это нам точно известно. Теперь наша задача взять власть в свои руки.

Все обернулись на скрип открываемой двери и вопросительно посмотрели на Барри.

— Я вот только на минуточку... — сорвал колпачок с бомбы и бросил на середину стола. Пока она летела, быстро скрылся за дверью.

Взрыв был такой силы, что вынес двери вместе с косяком и со всей дури приложил его по морде.

— Ох, нифига себе, — прогундосил Барри придя в сознание и вытирая кровь из разбитого носа. Он подозрительно посмотрел на оставшиеся бомбы, — Надо осторожнее с такой штуковиной.

Для контроля посмотрел в проём двери на клубы жёлтого дыма в комнате, послушал стоны ещё живых и решил не заходить. В коридор выплеснулась толпа из соседнего кабинета. Оружие, вооружённые люди недоумённо смотрели на Барри, который уже вполне осознано медленно свернул колпачок следующей бомбы и покатил её в сторону толпы. Люди ещё не понимая, что это смотрели на катящийся шар и не предпринимали попыток спрятаться, тогда как Барри не раздумывая, на четвереньках прошмыгнул в развороченную комнату. Очередной взрыв и последовавшие крики ударил по ушам. В клубах едкого химического дыма Барри пополз в коридор, прихватив на полу валяющийся самострел. Не целясь, выпустил стрелу за угол и дёрнул скобу перезарядки. Щелчок фиксатора сообщил об очередной стреле, вставшей наизготовку. Ещё раз выглянул из-за угла, и следующий выстрел послал уже прицельно. Угрызений совести он не испытывал и стрелял не переставая, пока опустевший магазин не отвалился и не оповестил о необходимости перезарядки. Пошарил вокруг себя в поисках магазина, но его счастье на этом закончилось. Отбросив пустой самострел Барри встал в полный рост и крикнул в коридор:

— Бросай оружие или я брошу ещё одну бомбу!

Прислушался к ответу и ничего не услышав сделал шаг на открытое пространство. Услышав щелчок спущенного самострела, повернулся на звук и получил стрелу в плечо. Это уже было слишком и он, не думая, здоровой рукой бросил бомбу в коридор и отвалился в сторону. Кто-то побежал по коридору в его сторону, но раздался взрыв и тело, отброшенное взрывной волной, шлёпнулось прямо перед ним. Выдернув из ослабших рук упавшего самострел, посмотрел на магазин со стрелами. Можно ещё повоевать!

Торчащая в плече стрела доставляла боль, но самостоятельно выдернуть её у него не хватало сил и решимости. По коридору протопали шаги, рядом послышался щелчок самострела и скрип взводимой пружины. Барри отполз в угол и решил сидя встретить пришельца, положив самострел на колено и здоровой рукой навёл на дверь..

— Барри?! — голос Шкета прозвучал как спасение и Барри попытался крикнуть, но из горла раздался только хрип.

— Туточки я.

В комнату заглянул Шкет, оценил обстановку и наклонившись над другом резким рывком вырвал стрелу из плеча. Кровь заструилась по рукаву. Недолго думая подошёл к одному из лежащих трупов, оторвал рукав рубашки и стал перевязывать рану. Барри заскрипел зубами и Шкет как маленькому стал дуть на рану.

— Ну, ты и повоевал! — с восхищением произнёс Шкет — откуда достал такие бумкалки?

— Из причитающихся денег решил купить у рыбаков. Они такими рыбу глушат в море.

— Мощная штука! Много взял?

— Всё что было — пять штук.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то выглянул в коридор и сразу захлопнул дверь. Соваться под взрывы желающих не нашлось.

Шкет подобрал ещё один самострел и несколько магазинов для него. Сунул Барри в здоровую руку, пусть он сам и не мог стрелять с одной руки, так пусть поносит пока. Барри скривившись поднял самострел и попробовал прицелиться. Получалось плохо.

— Ничё, ничё! — успокоил Барри — сейчас заглянем к лошадиному эскулапу и перевежемся по нормальному, и направился в сторону конюшен.

Алеман Краузе сидел с разбитой головой и сам себя лечил. Вскинул взгляд на вошедших и узнав Барри продолжил.

— Аль! А мы к тебе, два жеребца, поправить здоровье забежали. А тут ты сам больной. — пошутил Барри.

— Да забежали тут залётные, надавали по чайнику и спирт забрали. Скоты! — ветеринар закончив свою перевязку охая подошёл к Барри.

— Смотрю и ты попал под раздачу. Что там такое бумкнуло пару раз, что стёкла чуть не вылетели?

— Это Барри наводил справедливость и раздавал награды за смелость. Брать не все хотели, вот и прилетело.

— Я смотрю, вы взялись тут по взрослому, гонять этих отморожков. Надо им ещё больше навалить для поднятия настроения.

— Врезать комунибудь в морду, для положительных эмоций? — пошутил Шкет.

— Пойду, узнаю, кому нужны положительные эмоции — и выглянул на улицу.

— Вроде всё тихо.

— А джигиты?

— Не поверишь, встали в каре и никого к себе не подпускают и сами стоят без движения. Нинель говорила, что они решили не принимать участия. Может и правда так.

— Настроение какое-то упавшее. Прямо на грязный пол.

Камилла

Приехав в дом, Камила сперва отправила из дома прислугу, а потом разместила разношёрстную компанию. Младший «контрик» Жан привёл из подвала Нинель со связанными руками. Князь поначалу удивился, но узнав всю подноготную этой шпионской истории, одобрил эти действия.

— По-хорошему следовало вас, сударыня, прикончить, да и прикопать где-нибудь на газоне.

При этих словах солдат потянул свой палаш из ножен, а Нинель съёжилась в ожидании удара. Немного напрягся и «контрик», ему это было видать впервые, но князь продолжил.

— К счастью, баронесса предложила более спокойную развязку истории.

Нинель выдохнула с облегчением, вместе с нею выдохнули все остальные. Солдат с видимым облегчением задвинул палаш в ножны, «контрик» смахнул со лба выступившие капельки пота. Камилла с некоторым удивлением посмотрела на князя, он её не посвящал в свои сиюминутные планы.

— Пока побудите с нами! В самом деле, ну не отпускать же вас, ещё сбежите. — князь улыбнулся уголками рта.

Жером через штормы смотрел на улицу, по которой ходили вооружённые толпы. Судя по хаотичному их движению общего командования у них не было. Со стороны ипподрома слышались звуки нескольких взрывов.

Князь уселся в кресло, устало прикрыл глаза. Напряжение стало его потихоньку отпускать.

— Как ни противно, но пока никаких действий предпринять нельзя. Толпу кто-то вооружил и направляет, хотя пока и совсем нерешительно. Подождём развития событий. — сказал Моновиль, не отрываясь от созерцания улицы.

Князь открыл один глаз и посмотрел на окружающих.

— Медлить никак нельзя. — Посмотрел на «контрика» Жака и продолжил, — надо срочно вызывать войска, иначе беспорядки перерастут в погромы.

— Вот только не нужно вызывать полк драгун Жан-Мишеля Блезье, которые расквартированы неподалёку. Эти полностью на стороне заговорщиков, в этом я полностью убеждена.

— Вот, вот! И я так считаю. Поэтому вам Жан придётся добираться в соседний город в полк мушкетёров, что проводят там учения. Я дам вам письменный приказ.

Князь подошёл к столу и быстро набросал письмо. Камилла услужливо зажгла свечу и подала сургуч. Князь порылся в карманах и достал свою походную печать, которую осторожно приложил к сургучу. Контрик немедленно стал собираться, спрятав приказ за подкладкой своего сюртука.

— Вам бы ещё и охрану — князь посмотрел на солдата, но увидев его мундир сразу передумал. — Хотя один вы меньше будете привлекать внимание.

Жан поклонился и вышел через чёрный ход, который вёл в сад, через который можно было попасть в соседнее имение, а далее на другую улицу.

Шкет

Едва выйдя от ветеринара, как сразу Барри и Шкет нарвались на толпу пьяных оборванцев с оружием. Завидя двух перевязанных молодых людей они закричали — Слава новому князю! По-видимому это был пароль заговорщиков. Не дождавсь ответа, толпа ещё раз крикнула клич, на который Шкет ответил — Слава Лё Пети Роберу Третьему! Барри хотел его остановить, но уже было поздно. Толпа возбуждённо стала на них надвигаться. Шкет выстрелил два раза из своего самострела и ранил двоих. Вид крови подействовал на толпу как красная тряпка на быка и с безумными криками оборванцы ринулись на приятелей.

— Бежим! — отчаянно закричал Барри и рванул в противоположную от толпы сторону. Шкету ничего не оставалось, как последовать за приятелем. В спину понеслись крики

— Труссы!

Зажатые в проходе конюшни молодые люди не могли маневрировать и толпа постепенно их догоняла. На бегу Барри сорвал колпачок с очередной бомбы и просто уронил

себе под ноги. Приятели отбежали несколько шагов, когда бежавшие за ними добежали до лежащей на полу смертоносной бомбы. В спину ударила взрывная волна и сразу раздались крики ужаса. Шкет и Барри отбросили самострелы и, выхватив шпаги, ринулись на оглушенных и раненных заговорщиков.

Словно вихрь из точных резких уколов, дерзких и, казалось бы, безумных выпадов, смертельный дуэт двух отчаянных друзей нарушил царствие анархии и беззакония. Блокируя и уворачиваясь от многочисленных ударов, контратакуя и нанося стремительные многочисленные колотые раны Барри и Шкет смогли одержать победу. Если бы толпа видела этот бой, никто не смел бы назвать Барри Каннасона и Мозеса Терсена трусами, но увы, после поединка зрителей не осталось.

Тяжело дыша, обнявшись и пошатываясь, приятели направились обратно к ветеринару, перевязывать новые раны.

Краузе, вздрогнув от вида окровавленных друзей, перекрестился и выглянул наружу и увидев гору трупов опять перекрестился, тихо выдохнул.

— Расскажу, не поверят.

— Чо уж! Пиши сразу в газету. — Через разбитые губы буркнул Шкет. Барри был не в лучшей форме и прошептал.

— Я устал.

Алеман Краузе засуетился в поисках лекарства, налил огромную кружку мутного раствора и протянул его Барри, которую он оттолкнул окровавленной рукой.

— Когда человек говорит, «я устал!» это значит, он хочет отдохнуть, а не умереть!

Камилла

Князь посмотрел на притихшего драгуна, который присел на уголок кресла и старался быть незаметным.

— Как зовут?

Драгун встрепенулся от слов князя и вытянулся во фронт.

— Десятого драгунского графа Монморо полка, рядовой драгун Кристиан Ламбрехт.

— Да не тянись ты так! У военного человека постоянно опасность на опасности. Слишком сильно вытянулся перед начальством — растяжение всего организма и все тело начинает болеть.

Ламбрехт хлопая глазами смотрел на князя не понимая, чего он хочет.

— Твоя фляжка при тебе?

Драгун немного помялся, но достал из-за голенища свою фляжку. Князь взял фляжку, потряс её возле уха, усмехнувшись выдернул пробку и запрокинув голову выпил несколько глотков. Оценивающе посмотрел внутрь фляги одним глазом и констатировал.

— Коньяк! — повернулся к оробевшему драгуну, — И когда успел наполнить?

— Дык, как пришли, так и наполнил, — драгун виновато посмотрел на Камиллу и стал оправдываться, — Ещё неизвестно, когда фляжка может понадобиться, а тут целый графин с коньяком.

Князь расхохотался.

— Надеюсь, что Камилла не будет возражать. Она и сама прикладывалась к спасительной фляжке. — Подумав немного князь достал из кармана записную книжку и сделал запись.

— За спасение моей жизни при покушении присуждаю вам следующее звание — бомбардир.

— Рад стараться! — грохнул зычным голосом драгун, а точнее уже бомбардир.

Князь вернул на место пробку и стал рассматривать флягу. Медная, потёртая фляга была украшена затейливыми узорами с одной стороны и непонятными рунами с другой. Вытершиися, от постоянного ношения, до зеркального блеска бока фляжки горели золотом, тогда как вдавленные руны были тёмными и чётко очерченными.

— Старинная вещь! — оценивающе проговорил князь и вернул фляжку Кристиану.

— Отец оставил в наследство, а ему мой дед. Даст Бог и я оставлю своему наследнику.

Компания разбрелась по комнатам, разбившись на группы по интересам. Нинель осталась под надзором новоявленного бомбардира. Руки ей развязали, но полной свободы не предоставили, только взяли слово, что не будет вредить и предпринимать попыток побега. Моновиль немного поворчал, мол не дворянка и держать своё слово, как держат благородные, не умеет, но князь свое решение не отменил. Нинель вела себя прилежно и не давала никакого повода к беспокойству.

Моновиль и князь отправились продегустировать напитки из винного погреба, а Камилла, в виду отсутствия прислуги, решила приготовить небольшой перекус на скорую руку.

Барри

Отмывшись от своей и чужой крови и выдержав перевязку, которую делал Алеман Краузе, друзья отправились к дому Камиллы. Выглядели они не намного лучше компаний, которые шатались по улице. Пьяные оборванцы с оружием, вперемешку с драгунами, устраивали пьянки с награбленным спиртным прямо на улице. Простые люди попрятались по своим домам и никакого сопротивления не оказывали. Справедливо полагая, что любое противодействие только озлобит толпу и будет только хуже.

Пробираясь по улицам города Барри и Шкет тащили на себе и мешки, в которых прятали оружие, завернув в несколько камзолов, снятых с убитых. Они шли по тротуару и внимательно смотрели вокруг, слушали разговоры и всё старались запомнить.

— Стоять! — окрик сзади заставил их вздрогнуть и обернуться.

Стоящие небольшой группой полупьяные, небогато одетые молодые люди смотрели настороженно на Шкета и на выглядывающего из-за спины Барри. Вот он то и разрядил обстановку гаркнув во всю глотку:

— Слава князю Луи!

На это толпа расслабилась и ответила ответным криком:

— Слава справедливости!

Сразу несколько человек протянули бутылки с вином и стали обмениваться новостями.

— Луи Блезье объявил себя новым князем. Это вы должны были слышать.

— Справедливость восторжествовала!

— Новый князь сразу выставил несколько возов с вином.

Пьяные заговорщики, приняв двух друзей за сообщников, на перебой расхваливали себя и свои похождения, с неподдельным уважением рассматривая перевязанные раны и явно рубленые прорехи на одежде.

— Да вы побывали в бою! Расскажите, где отличились?

Барри на ходу придумывал историю, согласно которой они рубились с охраной князя, когда хотели прорваться к нему, да только князь умер раньше.

— Заливаешь! — Один из собеседников, менее пьяный чем остальные, стал рассказывать, что видел князя, когда тот уезжал на коляске от ипподрома.

— Значит надо найти его и добить, раз на ипподроме не получилось. — Стали на перебой кричать пьяные и размахивать своим оружием. К ним стали подходить другие группы и новость, что князь Робер не умер, стала распространяться по округе. В суматохе, которая поднялась на улице, Барри рванул в подворотню, предварительно показав Шкету, что нужно бежать. Растворившись в переулках, они старались быстрее добраться до дома Камиллы, так как резонно предполагали, где мог спрятаться князь.

Камилла

Компания собралась за столом и поглощала бутерброды, запивая вином. После происшедшего с ними потрясения всех пробило на еду. Нинель не отставала от них, так как её оставили без завтрака, а карауливший её Жак не утруждал себя заботами о еде арестованной. Моновиль, переместился к окошку на свой пост по наблюдению за улицей, время от времени сообщая о изменениях обстановки. Допив свой бокал с вином он немного напрягся и сообщил:

— К нам гости!

Все подскочили со своих мест и похватали оружие.

— Это Барри и Шкет к нам вернулись.

Всей гурьбой спустились с этажа к входной двери и распахнув её приветствовали друзей. Камилла сразу отметила, что они побывали в передраге, показав на их бинты и одежду.

— И где так встречают, а главное как провожают сторонников Робера?

— Встречающие не дожили до звания провожающих.

Камилла, как гостеприимная хозяйка, стала приглашать вновь прибывших, присоединиться к столу, но Шкет остановил её:

— Нам надо поторопиться! С минуты на минуту сюда могут ворваться сторонники нашего мэра в поисках князя. Было крайне неосторожно увозить его в открытой коляске, его заметили и сейчас разыскивают по всему городу.

Барри кивком подтвердил слова друга и на ходу стал уничтожать бутерброды, так как был голоден. Заодно он стал выкладывать вооружение из мешка и выбрасывать ненужное. На пол полетели окровавленные камзолы, отодвинув еду, на стол уложил самострелы и магазины к ним. Осторожно положил оставшуюся бомбу и двинулся в комнату Шкета и принес мешки, в которых были упакованы деньги, о которых ещё никто не знал.

— Это надо хорошо спрятать. Дом могут обыскивать, хуже того, могут поджечь.

Камилла махнула в сторону входа в подвальное помещение и стала показывать, куда можно спрятать вещи. Барри сматривал каждую кладовку и в одной из них нашел дверь, замаскированную под бочку с вином. Дверь вела в длинный туннель.

— Это что?

— Это подземный ход — буднично сказала Камилла. — Правда, куда он ведёт у меня не было времени выяснить.

— У нас тоже нет времени выяснять, поэтому идём по нему. Всё лучше, чем ждать заговорщиков.

Сборы были быстрыми, даже лихорадочными. В рюкзаки летела еда и одежда, обувь и оружие. Всё, что могло понадобиться в бегстве. Когда компания прошла в туннель, Камилла нажала рычаг и из стены выехала дверь из кирпичей, плотно закупоривая вход.

При свете двух фонарей процессия через некоторое время вышла в систему городской канализации. После долгого блуждания они вышли возле Меликова моста.

— Ну и запашок! — воскликнул князь, поскользнувшись на куче экскрементов.

— Скажите спасибо, что вообще ещё живы. Хотя говорят, что видели в канализации недавно живого крокодила.

Нинель собрала свои вещи под присмотром бомбардира, остальные отправились на баркас Барри.

Барри

— Вмяу-у-у, вмяу-у-у, вмяк, вмя-а-ахгр, гры-ы-ы! — жаловался кот Корнелиус, сидя посреди разгромленной каюты. Оторванная дверь висела на одной петле, жалобно поскрипывая на ветру. Все припасы были разбросаны по полу, ящики вывалены туда же, даже постель перевернули. Что искали налётчики, было не ясно, но по тому, что нагадили прямо посреди каюты, они ничего не нашли.

— Кот у тебя защитник! — князь показал Барри капли крови на полу.

Корнелиус продолжал свои жалобы, скребя лапой по полу.

— Ухгр-р-р! Ш-ш-ш-ш!

Компания загрузилась на баркас и стала готовиться к отплытию, когда на мосту появились всадники, которые сразу заметили движение на баркасе и мгновенно ускорились. Так как их действия были совершенно предсказуемы, то все заторопились.

— Поднимай скорее якоря — закричал Барри и стал крутить кабестан носового якоря. Со стороны толпы послышались гневные крики и по баркасу открыли стрельбу из самострелов. Град стрел застучал по надстройке. Все дружно рванули прятаться в каюту. Драгун перерубил палашом якорный канат и баркас медленно отправляется в плавание по течению. Подхватив багор драгун упёрся в стенку пирса и стал выталкивать баркас на течение реки. Ему на помощь бросились остальные мужчины. Общими усилиями баркас развернулся носом и стал сноситься течением ближе к середине реки. Град стрел усилился и стал более прицельным.

— Пора убираться в каюту! — Шкет подтолкнул Моновиля и Барри к двери. Князь Робер немного замешкался и только энергичный толчок драгуна Кристиана ускорил его движение. Уже находясь в каюте все обратили внимание, что в куртке Кристиана застряла стрела.

— Ты ранен? — спросил Шкет.

— У меня кольчуга под курткой. — Кристиан пробовал вырвать стрелу со спины, — Зараза! Синяк будет во всю спину.

Князь внимательно посмотрел на Кристиана и достал свою записную книжку.

— Бомбардир! Своей властью я присваиваю вам очередное звание — вахмистр!

— Какая стремительная у тебя карьера, — заметил Моновиль, но под строгим взглядом князя, буркнул — Впрочем, я повторяюсь.

Баркас потихоньку набирал скорость и удалялся от преследователей, что позволило, не опасаясь обстрела, поднять парус и ускориться ещё больше. Преследователи верхом на лошадях двигались по берегу, периодически постреливая по баркасу. Впрочем, безрезультатно, в виду большого расстояния. Кустарник по берегам и многочисленные постройки затрудняли погоню и она начала отставать.

Оказавшись в относительной безопасности, беглецы облегчённо выдохнули. Барри стоял у руля и держался середины реки. Жером и Робер изучали карту реки и её протоков, искали место, где можно высадиться на берег, так как Барри предупредил, что никогда не ходил по морю. До моря ещё было далеко, но место нужно определить заранее.

Кристиан Ламбрехт, новоявленный вахмистр, занимался осмотром имеющегося оружия и заряданием самострелов. Набивал магазины стрелками и проверял натяжение пружин и

работу спусковых механизмов, качая неодобрительно головой при виде ржавчины или грязи. Не могла душа солдата видеть неухоженное оружие. Камилла и Нинель занялись ревизией съестных припасов, что свалили в свои мешки каждый по своему разумению. Один Шкет маялся от безделья и всё порывался выйти на палубу, но Ламбрехт его останавливал, так как угроза получить случайную стрелу сохранялась, несмотря на дальность стрельбы. Стены каюты были пока надёжной защитой.

Смеркалось. Тени преследователей затерялись на фоне деревьев, внося некоторую успокоенность и безмятежность. Князь и вахмистр, как служившие в армии, предупреждали всех не ослаблять внимания, так как спокойствие только кажущееся и можно ожидать нападения в любой момент.

— Впереди парус! — крикнул Барри и все, разобрав оружие, приникли к иллюминаторам. Шхуна неторопливо шла под одним парусом и на палубе спокойно сидели моряки отдыхающей смены. Они тоже заметили баркас и приветливо махали руками.

— Это мои знакомые, я у них покупал бомбы. — Барри опознал шхуну и стал править на сближение. На шхуне убрали парус и в ожидании причаливания вывесили за борт кранцы. Переброшенные канаты были вовремя подхвачены и вскорости два судна были закреплены и команды начали переговариваться.

— Барри, мы последовали твоему совету и решили выйти в море. — капитан наступил башмаком на борт и облокотился на собственное колено.

— Привет! А я не сомневался в твоей практичности. — Барри подошел к капитану и протянул руку для приветствия.

— Чем дело то кончилось в городе? Мы не стали дожидаться развязки и отдали якоря. Барри хотел начать рассказывать, когда на палубу вышел князь.

— А кто это с тобой такой важный и расфуфыренный? На нашего князя похож, только наш князь со слегка перекошенным лицом.

— Это если верить нашим художникам и типографии, которая эти портреты выпускает. Князь насупился и выдавил из себя:

— Происки врагов.

— Вот-вот! И я так считаю. Не иначе происки нашего мэра. С него станется, да и у нег самого морда висельника.

— Какое меткое замечание. — Князь начал потихоньку злиться. — Придёт время и эта морда познакомится с «пеньковой тётушкой». А пока пусть готовится к свиданию с нею.

Капитан перепрыгнул на борт баркаса Барри и приблизившись к нему вплотную шёпотом спросил:

— Может помощь какая нужна? Князь, наверное, скрывается?

— За нами погоня и мы старательно убегаем.

Капитан задумался и предложил:

— Меняемся кораблями, вы уходите в протоку, а там сходите на берег. Там вас искать не будут, а если найдут, то не скоро.

Предложение было одобрено подслушивающим князем и в скорости команды поменялись местами и разошлись в разные стороны, при этом капитан на баркасе не старался идти быстро, а Барри наоборот, прибавил парусов и старательно правил в дальнюю протоку. На борту баркаса выл от отчаяния кот Корнелиус, оставленный Барри на попечение капитана и его команды. Этот вой подгонял Барри ещё сильнее, чем погоня.

К утру стало понятно, что в темноте Барри потерялся в протоках и зашёл непонятно

куда, даже карта не помогала, по причине того, что он не умел по-настоящему пользоваться измерительными инструментами, имеющимися в большом количестве на мостике. Он то и названия их не знал. После переговоров решили бросить шхуну и добраться до берега на шлюпке. Пусть шхуна дрейфует по течению, будет непонятно, где сошла команда.

С грехом пополам спустили шлюпку и добрались до берега. Вытянули её на берег и пошли пешком.

— Ты куда нас завёл? — Шкет не мог успокоиться от неопределённости, в которой они оказались.

— Идём в сторону от реки. Как можно глубже, а там спросим дорогу или название местности. Вот тогда и определимся с нашим местоположением. — Князь потихоньку брал бразды управления в свои руки. Остальные были согласны с таким положением вещей. Если нужен командир, то князь на эту должность подходит как никто другой. И в армии служил, и полком командовал, и княжеством руководит.

Пробираясь через заросли постепенно стали понимать, что выходят к болоту. Выйдя на опушку, увидели просторную поляну, над которой кружила комариная туча. Непроходимые и совершенно неисследованные топи простирались на много миль вокруг, если верить карте. Попасть в самую середину можно только по реке, которая подпитывала водой эту местность. Вот сюда и попали беглецы.

— Пришли, называется. Куда теперь дальше? — Шкет сделал шаг вперёд и провалился по колено в мутную жижу.

— Тут водятся черти, кикиморы и лешие, — встрепенулся Барри, — мне монашки говорили, — пояснил он на вопросительный взгляд Нинель.

— Лешие водятся в лесу, а тут болото и комары.

— Ещё и море пиявок — проворчала Камилла, подтягивая свою юбку, чтобы не замочить её в болотной жиже.

Кристиан Ламбрехт палашом срубил несколько длинных стволов и раздал команде. Сам вышел вперёд и, пробуя почву, стал идти по болоту вперёд. Остальные пошли по его следу, медленно удаляясь от реки и в тоже время углубляясь в болото. Жижа чавкала, стараясь захватить ноги, трава заплетала их, скорость передвижения значительно снизилась. Команда выстроилась в цепочку и старалась идти след в след. Сразу возникла проблема с дамами, юбки намокли и сильно затрудняли движение. Камилла и Нинель подоткнули юбки спереди и сверкали голыми ногами, совершенно не заботясь, что мужчины видят это. Иногда они охали и старались оторвать прилепившихся пиявок, но это сопровождалось очередной остановкой. Где-то через час блуждания по болоту, путники выбрались на сухой островок и растянулись в изнеможении на траве. Ламбрехт достал из своего мешка запасные штаны и чистые подштанники, предложил дамам переодеться, что и было быстро сделано. Мокрые юбки были засунуты в мешки, а Камилла и Нинель стали щеголять в мужском наряде.

Как не хотелось оставаться подольше на сухом месте, но Робер безапелляционно заявил, что надо двигаться вперёд, иначе они никогда не пройдут это чёртово болото. Тем более, что за ними оставался чёткий след, который неохотно затягивался, но всё равно был виден.

Опять жижа, опять пузыри болотного газа и туча комаров. Пиявки забирались в складки одежды и присасывались к телу. Нинель поддёргнула подштанники и ужаснулась количеству пиявок на ноге. Попыталась оторвать руками, но пиявки только вытягивались и не хотели отрываться. Шкет протянул кинжал, но его остановил вахмистр Ламбрехт.

— Ты так только покалечишь девушку, а пиявок так не возьмёшь.

— А что же делать?

Ламбрехт достал свою фляжку и полил коньяк на ногу. Пиявки неохотно отцепились и свалились в воду.

— Переводите продукт понапрасну? — Робер взял фляжку и сделав глоток передал её дальше. Камилла, задрав штанину, осматривала свои ноги, но плотно затянутые завязки не давали возможности пиявкам присосаться.

Рассматривая дальнейшую дорогу, все заметили красные шляпки грибов, образуя нечто похожее на указательную стрелку.

— Нам точно в другую сторону — испуганно зашептал Шкет, и как ни странно его все поддержали. Слишком призывно светилась стрелка, указывая на ровную поверхность, заросшую мхом. Под ним наверняка была прорва. Изменив направление и обходя подозрительную стрелку-указатель, осторожно двинулись дальше. При очередном шаге Жером споткнулся и завалился в воду с головой. Пытаясь встать, он с удивлением увидел, что его ногу обвил корень какого-то растения и этот корень стал сокращаться и тянуть Жерома к большой кочке. Все заворожено смотрели на происходящее и не предпринимали никаких действий. Неожиданно князь заметил, что кочка дала трещину и образовался натуральный рот:

— Ах ты ж... — Выхватил шпагу и рубанул по корню. Черный сок брызнул на плавающую траву, которая стала жухнуть прямо на глазах. Кочка задрожала и разложилась на две половины. Внутри стали видны то ли корни, то ли зубы. Кочка закорчилась и ушла под воду, вокруг стали двигаться корни, похожие на щупальца. Все стали рубить тянущиеся щупальца и отступить на сухое место.

Увидев впереди очередной островок с деревьями, все устремились к сухому месту.

Остров был покрыт зелёной травой и голубыми цветочкам, в которые и повалились усталые беглецы. Солнце уже перевалило за полдень и начинало жарить со всей своей силой. Усталость навалилась с такой силой, что не было желания даже разговаривать. Сняли сапоги и разложили портянки на ветки для просушки, вытянули ноги и закрыли глаза, проваливаясь в лёгкую дремоту. Только один Кристиан Ламбрехт исследовал возможные проходы, обследуя дно и обходя глубокие места.

Князь растянулся на ковре из цветов и подставил лицо под лучи солнца. Лёгкий ветерок, колыхание листьев кривой берёзки действовали успокаивающе, хотелось уснуть. Рядом лениво ворочался Жером, которому под лопатку упёрся корень, он всё никак не мог найти хорошее положение для отдыха. Где-то рядом в полголоса матерился вахмистр, проклиная болото, леших и кикимор одновременно, в очередной раз провалившись в жижу. Мерно зудели комары и князь пропустил момент, когда рядом раздалась лёгкие шаги и зашуршала юбка. Посчитав, что это Камилла или Нинель, Робер лениво отмахнулся.

— Отдыхайте.

— Спасибо! — незнакомый голос вырвал его из дрёмы.

Незнакомка присела рядом и с интересом разглядывала князя. Золотистые волосы, собранные неяркой лентой в пушистый хвост, легко трепетали под порывами ветерка. Лёгкое платье жёлтого цвета было без разводов грязи и совершенно сухим. Князь оглянулся на спутников, которые спали и не замечали незнакомку. Вахмистр удалился уже на приличное расстояние и был всецело занят своими поисками, Шкет, обнявшись с Барри, посвистывал носом и причмокивал, Жером, победивший неудобный корень прильнул к боку Камиллы, Нинель свернулась калачиком.

— Заблудились? — незнакомка была явно настроена на разговор и совершенно никого не боялась.

— Да мы просто пытаемся выжить, — князь повернулся на бок и оперся на локоть, разглядывая молодую женщину.

— Не пугайтесь, я не причиню зла. Могу даже помочь, потому как погоня идёт по вашему следу. Я укажу простой и лёгкий путь через болото. Ещё можно немного времени. Хотите, я вам погадаю? Дайте вашу руку.

Девушка взяла руку князя и внимательно посмотрела на линии ладони. Рука её была тёплой, от волос пахло приятным. Князь с удовольствием вдохнул этот запах, заметив это, незнакомка прокомментировала:

— Это лесное растение конфликтэ, его часто используется как дезодорант, точнее его плоды. Аромат плодов этого растения напоминает запах фиалок. После натирания на коже, запах плода остаётся долгое время. А при употреблении в еду меняется даже запах пота и других испражнений. Хотя, приём внутрь может вызывать временную бесплодность у женщин.

Женщина усмехнулась уголками рта и продолжила водить своим пальчиком по линиям ладони.

— Вам будет сопутствовать удача всю вашу жизнь, а жить вы будете довольно долго. Линия жизни длинная и не прерывистая. Но не всё так радужно, как может в начале показаться, будут и трудности и неприятности. Вам следует немного изменить свою жизнь, своё отношение к окружающим. Ещё вас ждёт предательство.

— Мне интересно, кто это будет?

— Предать могут только друзья.

Девушка стала водить по линиям дальше и совсем близко наклонилась к князю, щекоча его своими волосами. Провела по линии жизни ноготком и чем дальше вела, тем сильнее надавливала ногтем. Совсем рядом, в очередной раз, чертыхнулся Ламбрехт и князь, силясь посмотреть на него, слишком резко повернулся в его сторону и завалился лицом в траву. Вахмистр выбрался на сухое место.

— Спите?

Его голос тягуче отозвался в голове Робера и он оторвался от цветочной подушки. Девушки рядом не оказалось. Поворочав головой в разные стороны, Робер удивлённо посмотрел на Кристиана, затем на свою ладонь, на которой отпечатался явный след от ногтя, прочертивший линию жизни через всю ладонь и заканчивающийся капелькой выступившей крови на запястье.

— А девушка где?

— Девушка? Вам приснилось, наверное, — вахмистр посмотрел на князя и продолжил, — наши девушки спят.

Князь посмотрел на место, где сидела незнакомка, отметил смятые цветы, лёгкий аромат фиалок. Бросил взгляд на болото и заметил лисицу, которая посмотрела на князя и медленно пошла в заросли тростника.

Разбудив спутников, князь настоятельно потребовал выдвигаться дальше, так как, по его мнению, преследователи уже близко. Вопреки мнению вахмистра князь выбрал другое направление и пошёл в заросли тростника, в которых укрылась лиса.

Барри, услышав о погоне, порылся в своём мешке и достал бомбу, которыми пополнил свой арсенал на шхуне. Повозившись какое-то время, объявил, что сделал растяжку, на

которой обязательно споткнуться преследователи, тем более, что они идут по их следу.

Дно болота было скользким какое-то время но, в конце концов, вода отступила ниже колен, дно стало твёрдым, отряд ускорился. Через час, уставшие люди с облегчением вышли на твёрдую землю. Впереди были развалины толи дома, толи башни, к которой и устремились путники, собираясь устраивать очередной привал.

За спиной, глубоко в болоте, бухнул взрыв.

Танцы на граблях

Отряд преследователей спешил. Уже давно выветрились из головы алкогольные пары, которые вначале гнали без оглядки на что-то другое, преследование уже велось только из упрямства. Ну не только из упрямства, грела ещё обещанная награда за голову князя, что интересно только за голову, остальное не только не приветствовалось, но и было заранее оговорено, что живым князя никто видеть не желает. Это никого не удивило, а рубить головы — так это привычное дело, тем более, когда за это обещана приличная награда, которую уже не один раз обговорили и поделили между собой все участники погони. Унтер нервничал и подгонял свой отряд, но лошади уже выбились из сил и с неохотой переходили не то что на галоп, а и на рысь. Люди были выносливее и не обращали внимания на животных.

Ночью они уже теряли след и блуждали в потёмках по берегу, пока не заметили уткнувшуюся кормой в заросли ивняка шхуну. Беглый осмотр не обнаружил беглецов. Следовательно, они сошли ранее. Отряд вернулся назад, перед этим переправившись на другой берег. Унтер решил, что раз они не нашли на этом берегу следов отряда беглецов, то они должны быть на другом. Планомерное прочёсывание берега принесло свои плоды, и погоня возобновилась.

Первые неприятности начались, когда под копытами лошадей захлюпала вода и они стали спотыкаться на мокрой траве. Скорость резко замедлилась, но след был чёткий, требовалось только совсем небольшое усилие, чтобы догнать князя и его сообщников. Что будет дальше, унтер представлял себе не очень хорошо, но это его не смущало. Численный перевес был на его стороне, а наличие женщин среди беглецов давало дополнительные бонусы для его спутников. Возможность заработать и позабавиться с красивыми дамами только подхлёстывало драгун.

Из раздумий унтера вывело ржание передней лошади, которая провалилась в промоину по самую голову. Лошадь рвалась на сухое место, но постоянно спотыкалась и увязала ещё больше. Её наездник перелетел через голову и размахивая руками тянул на себя осоку, которая просто плыла по воде и ещё больше затрудняла движение. В какой-то момент солдат ушёл под воду с головой и только его подсумок плавал на поверхности. Лошадь барахталась всё сильнее и всё глубже уходила под воду. Кочка, которая казалась спасением для всех, вдруг лопнула на две половины и огромные корни-щупальца потянули к себе и лошадь и плавающий подсумок. Изумлённые драгуны смотрели как тело их утонувшего товарища, оплетённое корнями, провалилось в середину треснувшей кочки. Яма-рот захлопнулась с омерзительным хлюпаньем.

— Стреляй! — унтер толкнул застывшего солдата.

— Куда? В кочку?

Унтер рванул свой самострел и послал стрелу в кочку. Стрела ушла в траву, без каких либо последствий для кочки, которая стала опять раскрываться и тянуть к себе брыкающуюся лошадь. Ещё несколько стрел воткнулось, а вернее провалилось в яму или в рот кошмарной кочки-людоеда. Унтер выпустил стрелу в голову лошади, и она перестала брыкаться, но это не замедлило её движение в направлении пасти твари, которая притворялась кочкой. По воде пошла рябь и ещё одна лошадь стала перебирать ногами,

которые обвинили корни-щупальца. Солдат перегнулся в седле и рубанул палашом по корням и тут же взвыл от боли, так как сок перерубленного щупальца брызнул ему на руку и кожа вздыбилась от ожога. Палаш выпал из обожженной руки и провалился в бурлящую жижу. Щупальце обвинило выпавшее оружие, несколько раз дернулось из стороны в сторону, и палаш натурально поплыл к кочке. По-видимому, твари было всё равно, что переваривать.

Отвернув в сторону и удалившись от опасности отряд драгун спешился и стал передвигаться пешком, ведя лошадей на поводу. Проваливаясь по пояс в жижу, теряя сапоги в трясине, рубя всё, что было похоже на корни. Отряд тянулся вперёд идя по следу и уже почти добрался до большого острова, пока один из солдат не пнул ногой перегородившую дорогу корягу, которая отлетела в сторону и завалилась на бок, упав на следующую торчащую из воды жердь, та в свою очередь стала падать и стало видно, что к ней что-то привязано. Это что-то сорвалось и булькнуло в трясину. По прошествии нескольких секунд болото вздыбилось и воздух содрогнулся от взрыва. Чёрная вода бурлила и пузырилась огромными пузырями. Потревоженное болото исторгало из себя скопившийся болотный газ, в котором стали задыхаться люди и лошади. С соседнего дерева полетел ещё один «подарок» от Барри и через секунду местность превратилась в геенну огненную. Вспыхнувший при взрыве газ выжигал всё в округе. Взбесившиеся лошади рванулись в разные стороны, не разбирая дороги. Несколько солдат рухнули в тину и ушли на дно без признаков жизни. Одежда на унтере стала тлеть, воздух в лёгких был горяч и не содержал кислорода. Теряя сознание, унтер упал в воду, в открытый рот потекла вода, последним усилием он перевернулся на спину и всё вдыхал и выдыхал разгорячённый воздух, пока сознание совершенно не покинуло его.

Танцы на граблях (продолжение)

Стены, пускай и разрушенные временем давали небольшое чувство защищённости. Старые стены защищали только от ветра, так как перекрытия были уничтожены временем. Остатки балок торчали из стен как гнилые зубы. По углам комнат росли мелкие кусты, которые прорастали из куч хлама.

Князь со спутниками прошли по комнатам, расположились в более менее чистой. Во всяком случае, плиты пола были видны. Кристиан забрался на стену и стал наблюдать окрестности, женщины занялись обедом. Барри шарил по углам, переворачивая осколки стен и перекрытий, которые рассыпались от прикосновения.

— В этом болотистом крае издавна собирались старообрядцы, они основали здесь церквушки и монастыри. Жили по своему укладу и старались как можно меньше общаться с внешним миром. — Князь по мере способностей проводил экскурс в прошлое.

— Наверное, и клады после них остались? — Барри ещё энергичнее занялся своими поисками, даже стал простукивать стены.

Глядя на его поиски к нему присоединился и Шкет, сбросив с себя амуницию на чистое место. Прошёлся вдоль стены и пошевелил мусор сапогом. С расстройством посмотрел на испачканный сапог и стал топтать ногой, стараясь сбить с него грязь. Прислушался с интересом к звуку и стал стучать сапогом уже более осмысленно, переходя от плиты к плите.

— А внизу есть пустота! — воскликнул он и стал демонстрировать, как звучит стук на разных плитах. Барри подскочил к нему и стал простукивать плиты рукоятью кинжала.

— Точно есть! — констатировал он и стал пытаться протиснуть лезвие кинжала в щель между плитами. — Идёт, идёт!

Азарт, с которым Барри проталкивал кинжал в щель, передался и остальным. Они

сгрудились возле него и наблюдали как тонкое лезвие входит глубже и глубже в щель, пока, наконец не вошло по самую рукоятку. Барри рванул кинжал на себя, кинжал выскользнул из щели и участок пола поехал вниз, увлекая за собой всех окружающих.

Страхивая с себя пыль, грязь и тонкие корни стали смотреть вверх на чистый квадрат в потолке, через который было видно голубое небо. Плита медленно поехала кверху. Неведомый механизм закрывал ловушку. Достать до люка не было возможности, стало ясно, что они в ловушке.

Движение люка остановилось, это его застопорил просунутый в щель приклад самострела. Кристиан Ламбрехт с интересом смотрел на провалившихся:

— А что вы там делаете?

— Плюшками балуемся! — отплёвываясь от пыли, проронил Жером и все заулыбались.

Шкет заметил:

— А тут сухо!

— Как бы не нарваться на неприятности. — Буркнула Камилла.

— Наши неприятности идут за нами — ответил князь и стал осматриваться по сторонам.

— Ну, точно есть клад. — Барри как ребёнок радовался, что его поиски увенчались хоть каким успехом. Он обшарил все углы и довольно заключил:

— Если тут сухо, то должен быть сток, иначе вода всё затопила.

Все сразу кинулись искать предполагаемый сток.

Кристиан, застопорив люк, развил кипучую деятельность. Палашом срубил довольно толстое дерево и отрубил ветки, оставив короткие пеньки на стволе. Таким образом получилась своеобразная лестница, которой можно было воспользоваться при необходимости. На самом люке обнаружился железный крюк, к которому привязали верёвку, за которую можно было опустить люк снизу. Затем вахмистр спустил всё снаряжение и лестницу и в конце концов спрыгнул и сам. Почиркал кресалом и зажёл свечу в переносном фонаре. Поставив фонарь на землю, подпёр люк снизу срубленным стволом дерева.

— Так то, оно надёжнее будет!

С ним согласилась и Камилла:

— Тем более, как говорит наш князь, наши проблемы следуют за нами. Не дадим им возможности отрезать нам путь назад. Да и найти нас будет не так просто.

Их разговор прервало восклицание Жерома:

— Нашёл!

Разбрасывая накопившийся мусор, он очищал узкий проём в стене, за которым была непроглядная темнота. Просунули в проход фонарь, но кроме старинной кладки ничего разглядеть не получилось. По очереди проползли в проход, который оказался на удивление просторным. Женщины отметили, что мужская одежда не в пример лучше для таких приключений. Гуськом стали осторожно идти по проходу, который извивался, но в общем придерживался одного направления. Князь показывал свою эрудицию:

— Архитекторы Мамлюты, около четырех тысяч лет назад, построили подземное разветвленное сооружение с удивительной акустикой. Любой извлекаемый звук усиливается и четко слышится в любой точке, будь то комната или коридор. Ученые пока не в силах разгадать эту загадку. Этот туннель представляет такое же сооружение. Заметили! Даже шёпот слышат все, особо не напрягаясь.

После этих слов все стали прислушиваться к звукам.

— За стеной слышно журчание воды, но стены и воздух сухие — поделился своим наблюдением Шкет.

В скором времени они пришли в большое помещение, которое оказалось тупиком. Упёршись в стену, все с изумлением рассматривали нанесённые на камни руны. Руны, выбитые на камнях, были чёткими и время над ними, казалось, было не подвластно.

— Кладка стены отличается от остальной кладки. Это явно неспроста.

Увлечённый поиском сокровищ Барри стал прощупывать стену и пробовать на прочность камни. Один за другим и все камни оказались извлечены из своих мест и отброшены в сторону. Как только последний камень был вытасчен из своего основания, как за ними с шорохом опустилась стена.

— Ловушка! — выдохнул Шкет, рванулся назад и стал толкать стену. С таким же результатом он мог пытаться взлететь. Но время шло и ничего не происходило. Ни каких дополнительных неприятностей, кроме запертой комнаты.

— Где ваша знаменитая фляжка, вахмистр? — князь зажжёт ещё одну свечу и посмотрел на Кристиана.

— На месте, ваше высочество! Только коньяку в ней совсем мало, каждому по глотку, не более.

— А мне она нужна не для пьянства — князь принял из рук вахмистра фляжку и стал рассматривать руны на её поверхности, по очереди сверяя их с рунами на камнях.

— Возможно, это будет странно выглядеть, но мне кажется, что это наше освобождение.

Князь наклонился к камням на полу и стал их переворачивать и сравнивать с рунами на фляжке и вынес свой вердикт:

— Надо вернуть камни на место.

— Да как теперь вспомнить, какой где был? — Барри осознал, что от его действий они попали в неприятности. — Тут могут быть и ловушки против непрошенных гостей.

— Кристиан, а откуда вы говорите у вас эта фляжка?

— Матушка рассказывала, что прадед ходил с каким-то отрядом на поиски клада. Только одну флягу и принёс. Завещал передавать флягу по наследству.

— А не отсюда ли наследство?

Князь поднял камень и вставил его в нишу. Сверился с надписью на фляге и нашёл второй камень с соответствующей руной и водрузил в соседнюю нишу. Все стали помогать в этой работе. Вскоре руническая надпись на фляжке совпала с надписью на стене. Камни становились на свои места, но ничего не происходило. Барри стал надавливать на камень, так как ему показалось, что он не до конца встал на место. Все остальные стали давить на другие камни, вдавливая их в стену с усилием. Что-то грохнуло за стеной и стало слышно, как льётся вода.

— Нас не затопит? — Нинель инстинктивно, по старой привычке, прижалась к Барри.

Все смотрели на стену и ожидали результата. Были слышны шорохи и скрипы, со стены посыпался песок и, в какой-то момент, стена стала подниматься вверх. Все облегчённо вздохнули и стали всматриваться в новый туннель, который был продолжением старого за небольшим исключением, участок перед ними слегка мерцал, словно перегороденный невидимой плёнкой. Протянутая рука вахмистра беспрепятственно прошла через пленку, и вся компания дружно шагнула дальше.

— Вы в очередной раз доказали свою несомненную полезность, дорогой Кристиан! — князь достал свою примечательную записную книжку и при свете фонаря стал записывать в неё, комментируя в голос свою запись, — Присвоить вахмистру Ламбрехту звание унтер-офицер за оказанные неоценимые услуги.

Все благоразумно промолчали, хотя и переглянулись с улыбкой.

— Давайте я перерисую руны в свою записную книжку. Неизвестно, что ещё ждёт нас впереди.

Князь взял фляжку и приложил к ней листок. Не сильно нажимая карандашом, стал штриховать лист, на штриховке стали проявляться руны. Закончив копирование, Робер вернул фляжку новоявленному унтер-офицеру, не забыв приложиться к содержимому.

Невероятный взлёт карьеры, пусть только в записях князя, особенно не впечатлил Кристиана. Его крестьянская натура просто замедленно переваривала новые звания. Никаких перемен не происходило. Тот же мундир, те же обязанности, отсутствие подчинённых. Всё это сглаживало само продвижение по службе, сравнивало со сказкой, у которой еще неизвестно какой будет конец.

Шаги гулко отдавались в длинном коридоре, шорохи и шарканье ног по полу, лязг оружия и негромкий разговор, всё это стало уже привычным фоном. Стали появляться ответвления в боковые коридоры, не такие широкие и менее аккуратные. Оставив очередную отметку свечкой на стене, они продолжали свой путь, пока не наткнулись на останки двоих людей. По всему было видно, что они умерли давно. Высохшая плоть превратилась в подобие мумии. Жером, как полицейский склонился над останками и надев перчатки внимательно их разглядывал. Все сгрудились и рассматривали необычную одежду и обувь. Вроде и похожую на их камзолы, но в тоже время отличавшуюся и цветом и покроем, множеством карманов, оттопыренных содержимым в них. Жером стал выкладывать на пол находки из карманов и подсумков. Осторожно и аккуратно раскладывая по своим признакам, понятным только ему. Кристиан взял в руки небольшой кинжал в причудливых коричневых ножнах. С небольшим усилием вытащил клинок с зазубринами на лезвии, которые превращали клинок в пилу, проверил остроту заточки и покачал головой.

— Совсем не следили за остротой оружия.

— Судя по одинаковой форме, это воины, и судя по зубам совсем молодые. — Шкет рассматривал лица умерших, пытаясь понять, кто это такие.

Барри подхватил странный самострел и с интересом рассматривал его устройство. Отсоединил изогнутый магазин и рассматривал блестящие, зеленоватые стрелы с медными наконечниками. Шкет заглянул через плечо и прокомментировал:

— А я такие уже видел в спецхранилище полиции. Внутри стрел порох или какое-то другое горючее вещество.

Барри выщелкнул одну из стрел и подал её Шкету.

— Ну, точно такие, только эти большие по размеру.

Повертел стрелку в руках и неумело попытался вставить обратно в магазин. С третьей попытки ему это удалось. Исполненный гордости за сделанное, он вернул магазин Барри. Следуя их примеру, Кристиан взял следующий самострел с огромным барабаном, в котором стрелы были короткими и с округлыми наконечниками жёлтого цвета.

— Это, наверное, предназначено для охоты на носорога или на слона, — заметив косой взгляд князя, продолжил, — ну не на человека же такие стрелы.

Перетрясли все карманы, вскрыли все сумки и подсумки. Барри реквизировал все

стрелки к самострелу, который осматривал. Глядя на него, Кристиан снял с умершего пояс, нашпигованный монструозными, короткими стрелами, нацепил поверх своей перевязи с палашом. Только ни Кристиан, ни Барри не могли понять, где находятся пружины для приведения к бою самострелов. Покрутив новое оружие и так и этак, Ламбрехт добился только того, что оно переломилось пополам и стало видно пустоту в стволе. Просто труба, в которую смотрела сама стрелка, если вернуть ствол на место. Среди вещей обнаружилась и фляжка, похожая на фляжку Ламбрехта, он же и присвоил её себе под неодобрительным взглядом Робера. Князь просто протянул руку и по быстрому скопировал руническую надпись в свою записную книжку.

— Учитывая, что у вас теперь две фляги, можно предположить, что и наследников у вас будет двое, — усмехнулась Камилла.

— Ну, дык и время ещё есть.

Перешагнув через потревоженные останки, решили идти дальше. Должен же быть какой-то выход из этого подземного хода. Глаза у всех привыкли к полумраку и даже при слабом свете свечи в фонаре, всё было прекрасно видно. Стены незаметно стали переходить в сплошной камень, форма прохода оставалась прежней и для всех стало неожиданностью, когда раздалось гудение и моргнув несколько раз коридор осветился ярчайшим светом. Установленные под потолком светильники горели ровным молочным светом, издавая негромкое гудение. Ошарашенные путники не решались идти дальше, так как для них проход казался черной бездной. Но стоило сделать еще несколько шагов как свет позади померк, а над ними загорелся новый светильник.

— Я разобрался! — радостно закричал Шкет и направив свой новый самострел назад, в глубь тоннеля, нажал на спуск. Короткая очередь больно ударила по ушам, прогрохотала эхом по коридору, только было слышно, как катятся по каменному полу гильзы. Все смотрели на Шкета изумлёнными глазами и трясли головой, пытаясь вытрясти из ушей этот громкий звук. Изумление наступило ещё сильнее, когда на стене прохода стал проявляться прозрачный силуэт, и под ноги упала истекающая кровью тварь с огромными зубами.

— Господи! Что это? — прошептал князь, потыкав в лежащее в луже крови неподвижное тело своей шпагой.

Моновиль осторожно перевернул монстра на спину.

— Занятная зверушка. Теперь понятно, как погибли те воины.

Нинель прошептала:

— Значит сказки про стеклянного вампира правда. Он мог подобраться совершенно невидимым и убить нас.

По коридору раздался громкий чередующийся звук, который стал давить на уши. Где-то далеко послышались голоса и топот ног.

— Бежим! — Барри ухватился за полу камзола и потянул Шкета назад и все вслед за ними стали с опаской отступать по коридору назад.

Топот приближающихся людей становился всё слышнее, стало понятно, что идут к ним. Не сговариваясь компания перешла на бег. И остановились только у стены, через которую только что прошли. Лихорадочно стали толкать стену руками, но князь дёрнул Ламбрехта за руку и потребовал:

— Фляжку!

Однако среди камней не нашлось подходящих рун. Выругавшись Робер бросил:

— Вторую!

Погоня уже обозначилась вспыхивающим освещением коридора, когда нужные камни встали на место. Ламбрехт развернулся лицом к погоне и вскинул свой монструозный самострел. Выстрел особенно не впечатлил своим звуком, а вот последствия были катастрофическими. В глубине коридора раздался взрыв и часть стены обрушилась. Обвал стал расти и обрушившиеся стены и потолок завалил проход полностью. Трясущимися руками все надавили на камни и преграждающая стена открыла проход. Посыпанная пыль заставила всех чихать и кашлять, но уже никто не старался скрываться. Взрывы и выстрелы и так уже достаточно потревожили обитателей подземного коридора. Едва все отошли от стены, как она опустилась на место, закрыв полностью проход. Остался единственный путь, это вернуться назад.

Драгунский унтер приходил в себя медленно. Сначала он почувствовал неприятное жжение по всему телу, но как только пошевелился, то в рот стала литься вода и он, закашлявшись, стал поднимать голову над болотом. Где-то рядом билась в воде лошадь, и по её испуганному ржанию можно было понять, что это её последние мгновения жизни. Окончательно придя в себя, унтер резко поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам. Обожжённые кочки свидетельствовали о недавнем огненном шквале. Отдельные кочки ещё дымились, но дышать уже можно было свободно. Лошадь ещё раз заржала и резко затихла. В голове унтера промелькнуло — «сожрали!» Простое с первого взгляда задание перешло в разряд трудно выполнимых. Провёл ладонью по лицу, стряхнул несколько пиявок, которые уже напились до состояния толстых колбасок, ощутил под рукой короткую щетину вместе бровей. Повертев головой в разные стороны, хриплым голосом позвал на помощь.

— Тучочки я и Морис Лошадник — отозвался кто-то рядом, — Только лошадей у нас больше нет. Которые разбежались и пропали.

— Сожрала их тварь кочкообразная, — голос невидимого собеседника был хриплым и каким-то упавшим, даже безнадёжным.

Унтер, вспомнив свои обязанности спросил:

— Что с оружием? Не растеряли?

— Что смогли, то собрали. Только ходить боязно. Тут каждая кочка может оказаться смертельной ловушкой.

— Раз князь со своими прошёл, то и мы пройдем. — унтер поднялся на ноги и проверил своих солдат. Отряд уменьшился до трёх человек.

— Славно поработала тварь, наелась до отвала!

Унтер определился с направлением и пешком пошёл первым по следам уходящих от погони. Растерянные драгуны, стараясь идти след в след, поспешили за ним. Унтера вперед гнало упрямство и желание выбраться из этого проклятого болота, а ещё и обещанная награда за голову князя. Унтер поправил пустую сумку, которую приготовил для этого трофея, но теперь он не был так уверен в своей победе. Численный перевес был на стороне князя, даже если и не считать женщин.

Они уже выбрались из болота, уже увидели руины, но осторожность не позволила унтеру сразу направиться к стенам. Он опасался засады, поэтому затаились в кустах и стали вести наблюдение. Первичное обследование развалин издалика, показало, что там нет никого. Унтер уже собрался продолжить движение, как из развалин вышел отряд во главе с князем, что стало уж совсем неожиданным. Связываться с превосходящими силами унтер не рискнул, но проследить их движение не преминул.

Робер

Сверившись с картой, князь выбрал направление на ближайший населённый пункт. Отряхнули пыль и засохшую болотную грязь с себя все быстро построились в походный ордер. Кристиан занял место разведки, следом шли Барри и Шкет, женщины в середине, а Жером и князь замыкали процессию. Кристиан, как разведчик, выходил вперёд, осматривал местность впереди и пропускал товарищей мимо себя. Для полной уверенности, что за ними никто не идёт, он задерживался и внимательно осматривал местность.

В очередной раз проверив тылы Ламбрехт догнал группу и отозвал Барри для разговора:

— У тебя ещё остались бомбы? А то мне кажется за нами кто-то идёт.

— Кого видел.

— Да, в общем-то, никого, но птицы тревожатся позади, а это всегда неспроста.

Барри достал бомбу и протянул Кристиану.

— Сейчас догоню Камиллу и возьму ленточку, которой волосы подвязывает.

Камилла разговаривала с Жеромом и на просьбу Барри просто стянула ленту. Барри заозирался и воскликнул:

— А Нинель где?

Жером испуганно посмотрел на князя, на Барри и прошептал:

— Не заметил, когда она исчезла. Признаю, это моя ошибка.

Осознав, что Нинель воспользовалась подходящим моментом и сбежала, князь строго посмотрел на Жерома.

— Эта ошибка может нам дорого стоить. Она была с нами, пока не стала уверена, что сможет скрыться. Усыпила наше внимание общим участием в побеге, и пока было выгодно, поддерживала нас.

Кристиан, заметив, что у Барри затряслись руки, сразу предложил:

— Давай я сам установлю растяжку. Я охотой промышлял, могу поставить хорошую ловушку.

Очередные грабли

Осторожно преследуя князя, унтер не мог не заметить поперёк тропы узкой, но довольно яркой ленты.

— Стоять! — прошипел он и стал обходить ловушку, а то что это ловушка он не сомневался. Осторожно перемещаясь с места на место, он упустил из виду своих попутчиков, которые шли следом, но не так осторожно как он. Хрустнула ветка под ногой, освобождая следующую ветку, а вслед за ней под ноги выкатился слегка дымящийся шар. Унтер среагировал быстро, отвалившись в сторону за ствол дерева, чего не скажешь про его спутников. Взрыв разметал остановившихся солдат. Отплевавшись от крошева листьев, унтер встал и подошёл к лежащим.

— Были дураками, и умерли по дурацки.

Продвигаясь по следам князя и его спутников, унтер догадался, что они направляются в ближайшую деревню. Приложив все свои силы, он постарался прийти туда первым и ему это удалось. В трактире он пересёкся с проезжими молодыми дворянами, с которыми чуть было не подрался, но слава богу всё оказалось более менее хорошо. Дворяне прослышали о покушении на князя и спешили поучаствовать в дележе пустого трона. Убедить их в том, что привезённая голова князя значительно увеличит их шансы в получении преференций, не составило труда.

Опять грабли

Дворянчик, разгорячённый алкоголем, приплясывал от возбуждения. Красуясь перед присутствующими девицами, расстегнул колет, демонстрируя богатые кружева своей рубахи, поддернул рукава до локтей, показав несколько цветных плетёных браслетов, которые были свидетельством благосклонностей нескольких женщин и судя по цветам нитей и по узору плетения занимавших не последнее положение в иерархии княжества.

— Готовься к смерти, я граф дю Марси Лё Хулаб Клери вызываю тебя на дуэль за оскорбление благородного меня, которому нанесено оскорбление твоим мерзким видом.

Князь передёрнул плечами и взмахнул правой раненой рукой и набрал воздуха в грудь,

собираясь ответить обидчику, но посчитал, что не должен называться и просто сообщил:

— Согласен.

Дуэль превращалась просто в избиение, учитывая раненную руку и общую усталость. Жером пытался отговорить князя от предстоящего противостояния, но князь был непреклонен.

— Он кичится своим родом, своими победами, а что я могу противопоставить этому. Моё положение не даёт мне права сносить обиду просто так. Как к этому отнесётся Лига дворянства? Они же запишут это в летописи. Как вы себе представляете, мой сын будет читать летопись и думать, что его отец трус.

— Если вы согласитесь, то сына может и не случиться.

Кристиан Ламбрехт слушал эти слова и морщил лоб в размышлениях. Придя к какому-то заключению, он шагнул вперёд и бросил в лицо дворянчику.

— Пирим!

Дворянчик ощерился в нехорошей улыбке, осмотрел Ламбрехта с ног до головы. Отметил его драгунский палаш и, как ему показалось, несерьёзный и несуразный самострел, с улыбкой ответил:

— Пирим!

Это было нововведение столичной молодёжи в дуэльный кодекс. Вызов на дуэль с последующей заменой бойца на другого из компании или секундантов. Дуэль переходила в разряд боя до смерти и проводилась всем наличным оружием, бывшим у бойцов-дуэлянтов перед началом боя.

Дворянчик окончательно снял колет и продемонстрировал кожаный жилет с отделениями для метательных ножей. Ламбрехт снял драгунский камзол без знаков различия, нисколько не смущаясь своей грязной рубахи без всяких кружев, перевесил гранатомёт с плеча на плечо, под удобную руку. Дворянчик не придавал этому значения, а Шкет с Барри заулыбались от предвкушения предстоящей комедии, пусть и со смертоубийством.

Обе компании и просто любопытные вывалились во двор и застыли в ожидании начала дуэли. Секунданты формально спросили про завещания и подписали грамоты о передаче победителю всего имущества. Ламбрехт со смехом подписал своё завещание, справедливо полагая, что его имущество всё с ним.

Граф дю Марси картинно, одним движением, взмахнул своей шпагой в ножнах и в сторону полетели пустые ножны, чем вызвал вздох восхищения у присутствовавших дам. Сделал парочку выпадов для разогрева, взял в левую руку метательный нож и сообщил, что он готов. Ламбрехт убедился, что граната заряжена в ствол гранатомёта и без предупреждения выстрелил. Бочка для воды у коновязи разлетелась на куски в страшном грохоте. Лошади от испуга рванули с места, ломая балку привязи. В следующий момент и лошади и телега сбили остолбеневшего графа и протоптались по нему, втаптывая в землю.

Ламбрехт не спеша вынул стрелянную гильзу, спрятал её в карман, дунул в ствол выдувая остатки дыма и зарядил следующую гранату, и только после этого спросил.

— Кто ещё желает пирим?

Секунданты, мотая головой от временно наступившей глухоты, подошли к растерзанному телу дворянчика.

— Мёртв, — констатировали они и, повесив головы, подошли к секундантам Ламбрехта.

— Все формальности должны быть соблюдены. Обратитесь к отцу погибшего за частью наследства — протянули документ о наследовании имущества, который подписали до дуэли.

Один из секундантов покосившись на гранатомёт спросил.

— Где вы такое приобрели? Надо это запретить для дуэлей.

— Пирим, он и в Африке пирим. — Барри поднял богато украшенную, слегка гнутую проехавшей телегой, шпагу граф дю Марси и протянул Кристиану:

— Это теперь ваше по праву.

— Как и имение возле столицы и парочка-тройка селений в герцогстве Сортога. Отец погибшего не сможет оспорить итоги дуэли, так как все условия пирима соблюдены.

Князь Робер, стоящий рядом, рассматривал наследную грамоту и немного подумав, достал свой карандаш и под подписью дворянчика написал — «сим подтверждаю», и поставил малую походную печать. Секундант прочитав оторопело смотрел на Робера и окончательно узнав, кто перед ним, впал в прострацию. Второй секундант проговорил:

— Это то, что оспорить невозможно. Да и оспаривать никто не будет. Записать в летописи своего рода, что сын дрался на дуэли с самим князем, пусть и по правилам пирим, это прославиться.

Князь Робер, совсем по простонародному, послунывил карандаш и записал в свою книжку:

— Унтер-офицеру Кристиану Ламбрехту присвоить внеочередное звание есаул.

Барри заглянул князю через плечо и с улыбкой на лице кивнул спутникам:

— Есаул!

Компания разразилась смехом, на что и Робер стал смеяться вместе с ними.

— Судя по всему нам тут не рады, — князь отметил, что к ним приближается отряд воинственно настроенных оборванцев, вооружённых чем попало, — надо уходить по быстрому.

Однако уйти по быстрому не получилось. Сначала решили заполучить лошадей дворян, для чего князь быстро выписал расписку о покупке. Затем возник вопрос, кто поедет верхом, так как лошадей на всех не хватало. В конечном итоге всё решилось предельно быстро только когда засвистели стрелы самострелов.

Ламбрехт неожиданно споткнулся и опустился на одно колено. Из его бедра торчала стрела.

— Вперёд! — закричал Кристиан — Я их задержу.

Компания не стала сопротивляться, вскочили на лошадей и с места взяли в карьер. Барри оглянулся на Ламбрехта, с которым уже успел подружиться и чтобы облегчить ему работу прямо с лошади прицелился и выстрелил из своего автоматического самострела. Грохот очереди заставил присесть не только людей, но и лошадей, которые после этого понеслись быстрее ветра.

Кристиан, прихрамывая на простреленную ногу, отошел за изгородь и направил на толпу свой гранатомёт. Выстрел и последовавший за ним взрыв рассеял толпу по канавам. Решив, что он своё дело сделал, Ламбрехт похромал в сторону кабака, когда ему в спину влетела стрела, сбившая его с ног.

Всадники уехали уже достаточно далеко от деревни, когда Жером стал сползать с седла и Камилла, скакавшая рядом, стала его поддерживать.

— Что с ним? — князь придержал свою лошадь и обратил внимание на большое пятно крови на боку Жерома.

— Ему нужна помощь, он не сможет продолжать скачку — Камилла умоляюще посмотрела на князя и он, поняв её молчаливую просьбу, кивнул ей:

— Оставайтесь с ним. Впереди деревня, просите помощи там. — сам же направил лошадь в сторону города. Шкет и Барри проследовали за ним.

Когда лошади выбились из сил, пришлось перейти на шаг. Барри, получив возможность говорить нормально, подъехал к князю.

— И что дальше?

— Прямо в город ехать опрометчиво. Рядом находится полк графа Монморо, будем просить помощи там.

Однако помощи просить не пришлось. Граф Монморо не стал дожидаться, когда в городе всё встанет на свои места и дал команду на выступление полка. После вдохновенной речи командира и его уверенности в том, что князь жив, солдаты рвались в бой. Вот с ними и столкнулись князь и его спутники.

Увидав князя граф выхватил свою шпагу и прокричал:

— Да здравствует Лё Пети Робер Третий!

Его солдаты дружно грянули:

— Виват!

Князя окружили верные солдаты и, потрясая оружием, вернулись в расположение. Командир полка сразу назначил совещание для координации действий по возвращению князя в город.

В этой суматохе Барри и Шкет были оттеснены от князя, а дальше сказалась армейская дисциплина. Их, как гражданских, в расположение не допустили, а князь их отсутствие сразу и не заметил.

— Ну, что? Кажется, наше присутствие больше не требуется. — Барри похлопал Шкета по плечу — Надо продолжать жить, пойду искать свой баркас и Корнелиуса.

— Мне немного необычно, после всех странствий и приключений, вот так вот сразу окунуться в мирную жизнь. Пойду в полицейский участок. Там, наверное, про меня уже и забыли.

— Это уж врятли, всего несколько дней прошло. Думаю, что ещё и выволочку получишь за отсутствие на рабочем месте. Это мне хорошо, никому ничего не должен. Хотя нет, Корнелиус мне всё выскажет, да и ребятам за шхуну нужно отчитаться.

Барри поправил автомат на плече и зашагал в сторону Меликова моста.

Князь вышел из зала приёмов, раскланиваясь с послами, сгрудившихся у выхода и ожидающих неформальных аудиенций после официальной части, поманил секретаря:

— Все приёмы в неофициальной обстановке перенесите на завтра.

Послы, переварив полученную информацию, потянулись к выходу из дворца, соблюдая негласный табель о рангах, негромко переговариваясь, оглядываясь на секретаря и кивая ему, подтверждая ранее обговоренные договорённости. Дело обыденное, на которое закрывал глаза князь, так как знал о щедрых подношениях от послов и их доверенных лиц за предоставление возможности быстрого доступа к аудиенциям, и не просто знал, а разрешил ему делать такой гешефт, но очередность для послов устанавливал всё равно сам.

Князь проследовал в свои покои, где сбросил с себя парадно-церемониальную сбрую с роскошной шпагой, прошёлся по комнате, примеряясь сменить ли башмаки на более удобную, домашнюю обувь. Позвонил в колокольчик и сказал немедленно возникшему

секретарю:

— Пригласите в комнату для отдыха наших героев.

— Все уже находятся там. Ждут!

Князь подхватил со стола свой бювар, пройдя через анфиладу комнат, свернул в неприметную дверь, ведущую в покои княгини, пригласил с собой супругу, княгиню Анжелу и проследовал в комнату для отдыха.

— Добрый вечер, господа!

Присутствующие вскочили со своих мест и поклонились. Лё Пети Робер Третий махнул рукой:

— Довольно церемоний! Мне уже хватило на аудиенции с послами. Все как один выразили свою решительную поддержку нашим действиям. Они, правда, не догадываются, кто внёс основной вклад в расстройство враждебных планов инсургентов. Но мы не оставим вас без наград.

Робер присел за столик, на котором секретарь сервировал небольшое угощение, самолично наполнил бокалы красным вином и поднялся.

— Учитывая особые заслуги перед государством, мы, правитель государства князь Лё Пети Робер Третий, повелеваем. — Он открыл папку и стал читать.

— Первое. Господину Жерому де Моновиллю даровать графство Моновиль, со всеми правами, обязанностями и привилегиями.

Моновиль с удивлением посмотрел на Робера и усмехнулся, так как самого владения с названием Моновиль не существовало уже более ста лет. На месте усадьбы давно уже рос фруктовый сад и большой виноградник, принадлежащий купцу-виноделу Алуазье. Князь продолжал:

— Второе. Наградить графа де Моновилля орденом «За заслуги перед короной» третьей степени.

Моновиль встал, а князь взял бордовую коробочку с орденом и прикрепил звезду на камзол. Небольшая звезда, украшенная россыпью драгоценных камней, заметно оттянула ткань.

— Третье. Камиллу Комтуа, — при этом Камилла попыталась вставить слово, но князь, поняв это по своему, остановил её взмахом руки и продолжил. — Наградить, согласно секретного уложения.

— Четвёртое. Шевалье Мозесу Терсену даровать звание — барон. Наградить барона Терсена орденом «За заслуги перед короной» третьей степени.

— Пятое. Гражданину Барри Каннасону даровать звание — шевалье. Наградить шевалье Каннасона орденом «За заслуги перед короной» третьей степени.

— Шестое. Драгуну десятого драгунского полка Кристиану Ламбрехту, посмертно даровать звание — шевалье, с переходящим правом на всех его наследников, подтвердить его право на владение, по законам пирима, именем графа дю Марси Лё Хулаб Клери, в качестве майората и соответствующие селения в герцогстве Сортога.

Закончив чтение княжеского рескрипта, Робер поднял свой бокал:

— За новых кавалеров и кавалерствующих дам.

Все поднялись со своих мест и подняли свои бокалы. Молча выпили и поставили на поднос свои бокалы. Камилла загадочно переглядывалась с Жеромом, который улыбался непонятно чему.

— Робер, а не огласите ли секретную часть рескрипта? — Камилла с улыбкой

посмотрела на князя.

— Я уверен, что присутствующие тут заслуживают моего доверия, — князь не стал даже заглядывать в рескрипт, и стал по памяти декламировать. — Баронессу Комтуа наградить орденом «За заслуги перед короной» второй степени, насколько я помню, у вас уже есть орден третьей степени.

Князь повернулся к появившемуся секретарю и протянул бювар.

— В секретариат.

Камилла уже стала откровенно смеяться.

— Подождите, Робер. Рескрипт придётся переделать.

Робер с удивлением посмотрел на Камиллу.

— Это почему? Да и снимите эти рожки. Не нужно уже продолжать маскировку и изображать смеску.

— Не могу! Мне муж не разрешает, они ему очень нравятся, — рассмеялась Камилла.

Князь удивился ещё больше, его супруга Анжела, которая была уже в курсе, разразилась нервным смешком. Рядом стоял Жером с открытым ртом.

— Камилла, вы вышли замуж? И кто этот счастливчик? Мне потребуется специальный указ о даровании ему баронского звания.

— Это совсем не потребуется. — Камилла ещё больше веселилась, а вместе с ней в весёлое расположение пришли и Шкет с Барри. — Мой муж — граф.

Князь удивлённо покачал головой, затем посмотрел на улыбающегося новоявленного графа Моновиля и протянул:

— Теперь всё понятно. Поздравляю вас обоих.

Князь присел за стол и пригласил всех последовать его примеру. Анжела присела возле Камиллы и стала с ней перешёптываться. Жером, поняв, что все протокольные мероприятия закончились и можно вести себя немного раскрепощённым. Сделал выбор из большого набора бутылок, и открыв бутылку коллекционного вина, понюхал пробку. Робер прокомментировал с улыбкой:

— С подвалов господина Алуазье, в чьей собственности произрастает множество виноградников, из винограда которых делали отменное крепленое вино. Совершенно восхитительное белое вино. А эта бутылка ещё и коллекционный год. Очень рекомендую. Кстати! Я решил выкупить виноградники и внести их во владение графа Моновиля. Господин Алуазье милостиво согласился продать их и, что самое главное, дальше обслуживать виноградники, за долю в урожае. Надеюсь, вы не против такой моей инициативы?

Князь повернулся к Барри:

— А вы, шевалье Каннасон, присоединяйтесь к нашему столу.

— Да я, как-то больше привык по-простому.

— Ну, что вы! Вы же теперь миллионЭр. Привыкайте к изысканному.

При этих словах Барри поперхнулся вином и стал с опаской смотреть на князя.

— Ну-ну! Не надо напрягаться, — князь решил веселиться по полной программе, — Мы решили конфисковать все бумаги и деньги заговорщиков в казну государства.

Барри совсем поник головой, но князь с улыбкой продолжил:

— Мы решили наградить вас точно такой же суммой, за исключением долговых расписок. Ими займётся службы безопасности. Камилла также предоставила нам «кулон эльфа». Он займёт достойное место нашей в сокровищнице, а вам будет выплачена его

стоимость. Так что ваше состояние гораздо больше миллиона, скорее к двум.

Князь встал, потянулся, прислушиваясь к поведению совсем недавно травмированному телу, поморщился, ощутив тупую боль в затылке и спинных мышцах, прошёлся по кабинету, проверяя двигательные рефлексы, вернулся к столу и стал шуршать обёрточной бумагой.

Он достал свой портрет в стеклянной раме и протянул Моновилю.

— У меня для вас, господин граф, есть небольшой подарок, — загадочно проговорил князь и перевернул портрет на оборот. На обороте была нарисована мишень. Присутствующие прыснули со смеха.

***

Княжеская сокровищница представляла из себя большой музей, где были выставлены не только княжеские регалии, но просто красивые и дорогие украшения. С некоторого времени в сокровищницу был наплыв посетителей. Особенным вниманием пользовалась витрина с вновь обрётённым «кулоном эльфа», возле которой всегда крутились женщины и молодые девушки, которые мысленно примеряли на себя изящную вещицу.

Изящная вещица, лежащая на чёрном бархате, поражала посетителей изящным золотым плетением и невероятной величины изумрудом. Оригинальная подсветка из системы зеркал направляла на кулон солнечный свет, заставляя слепить зрителей сполохами зелёного света.

Барри, разодетый по последней моде, пахнувший дорогим парфюмом и алкоголем, прошёлся перед витриной, чтобы в очередной раз вспомнить приятную тяжесть кулона. Проходящие девушки бросали мимолётные, оценивающие взгляды на молодого дворянина — миллионера и кавалера престижного ордена княжества. Так что охота шла по всем правилам этого искусства. Вздохи, томные взгляды, облавы со стороны пап и мам, приглашения на званые вечера. Барри находился под перекрёстным огнем глаз, бьющих с убийственной плотностью огня. Но он ещё не оправился от бурного прощания с девушками из свиты княгини Анжелы и любые поползновения со стороны женского пола вызывали у него не энтузиазм, а тихий ужас.

Немолодая пара с улыбкой смотрела на экспонат. Он, с благородной сединой, с любовью смотрел на свою спутницу и обнимая за плечи произнёс:

— Это твой кулон! Я подарил тебе в первое наше свидание.

— Ах, Джервис, давай не будем ворошить прошлое. Оно всё время догоняет нас и желает вмешаться.

Стоящий за их спинами, нарядно одетый Барри прислушивался за их негромким разговором. Сопоставив ему известную информацию изумлённо проговорил:

— Джервис!? Тогда вы — Элис?

Пара посмотрела на него с некоторой опаской и попыталась уйти.

Барри уже вдогонку бросил:

— Но вы ведь погибли, а Джервис так даже дважды! — Барри еще раз удивился, — Так не бывает, что бы погибнуть одновременно в разных местах. Вот почему Моновиль не стал рассказывать историю дальше.

— Моновиль? — оживилась женщина. — Дорогой, помнишь того молодого человека, который так интересовался нашей историей?

Она повернулась к Барри и продолжила:

— Я смотрю вы в курсе нашей истории. Мы давно живём под другими именами. У нас трое замечательных сыновей и уже четверо внуков. Мы прожили счастливую жизнь и нисколько не жалеем о сделанном выборе. Молодой человек, мы будем вам признательны, если наше инкогнито сохранится и дальше.

— Но ваши останки на пожаре и во дворце?

— Мы никого не убивали. Так вышло, что охранник моего бывшего, придя убивать нас, принял служанку за меня и нанёс ей удар дубинкой по голове. Джервис, защищаясь, оттолкнул его от себя, и он упал на железное ограждение камина. Так образовалось два

труппа в квартире. Тогда мы решили инсценировать свою гибель.

— А как же с останками в императорской спальне?

Джервис подхватил разговор.

— Я решил обустроить свой уход из императоров таким образом, что бы ни кто не узнал, что я жив. Для этого принёс несколько мешков с порохом в спальню и поджог длинный фитиль. Кто же знал, что порох не только горит, но и взрывается. А останки, так это несчастный истопник, который оказался не в то время и не в том месте. Его исчезновением никто не заинтересовался.

Командир десятого драгунского полка граф Монморо был сильно озадачен срочной депешей, пришедшей от князя. Фельдъегерь, в пропыленной одежде, естественно, содержания депеши не знал, поэтому граф Монморо просто расписался в получении, достал костяной нож для бумаг, вскрыл депешу. Прочитав до конца послание, он раздражённо позвонил в колокольчик. Вышколенный адъютант предстал перед своим командиром, едва звон прекратился. Вытянулся по стойке смирно в ожидании приказаний. Граф посмотрел на заливчатый вид своего адъютанта:

— Хорошо тебе живётся, думать совершенно не нужно, — прошёлся перед ним, поправил у него слегка сбившийся аксельбант, — срочно оповестить начальника штаба, командира третьей роты и службу снабжения. Быть готовым выдвинуться вместе со мной для встречи князя и осуществления похода.

Граф походил по кабинету в задумчивости, опять остановился перед адъютантом и растерянно спросил:

— Вы не знаете, где находится селение Кастийон?

Адъютант испуганно посмотрел на графа и удручённо развёл руками:

— Откуда у меня столько ума? Вы же сами сказали, что мне думать не надо.

— Пусть начальник штаба захватит подробную карту нашего княжества. Будем искать, где этот Кастийон, в какой ж. е он находится.

Адъютант поперхнулся смехом от слов своего командира и быстро ретировался.

Князь Лё Пети Робер Третий, свесив голову на грудь, дремал под укачивающее движение своего экипажа. Его спутники переговаривались в полголоса, боясь потревожить отдых князя.

— Вот скажите мне, Моновили, как вам живётся после пролившихся милостей нашего правителя? — Шкет старательно стряхнул пыль со своего камзола, и в ожидании ответа Жерома и Камиллы, толкнул локтем отвлекшегося Барри, который созерцал окрестности.

— Мы ничего не успели ещё понять. Служба нас захватила полностью. Как меня, так и Камиллу. Ей конечно привычно, а вот мне всё в новинку, но мы учимся работать в паре. А как вы, господин старший инспектор полиции? Справляетесь со своими обязанностями? Говорят вам дали совсем юного помощника?

— Дали, — горестно вздохнул Шкет. — Обалдуй редкостный. Хорошо, что новый мэр взял на себя обязанности постоянно его проверять и учить.

Жером украдкой улыбнулся.

— Ну, Шене его научит как нужно! Только уж и вы, господин барон, бывшего начальника полиции не подводите.

— Господин мэр не забывает своей прежней должности и постоянно пытается руководить полицией, а новому начальнику приходится его постоянно одёргивать.

— Как поживает ваша матушка? — Камилла прогнала сонливость и решила поучаствовать в разговоре.

— После свадьбы она совершенно изменилась в лучшую сторону. То есть перестала считать меня маленьким. Теперь у неё новая забота — наш мэр. Ну а мне только лучше от этого. Раз счастлива она, то и мне спокойнее.

— Барри, а вы как себя чувствуете в новом образе.

Барри поправил шейный платок и тяжело вздохнул:

— Отбиваюсь от предложений свах и мамаш, которые сватают своих дочерей. И не только смесок. Некоторые дворянские семьи не считают зазорным породниться с бывшим беспризорником и новоявленным дворянином.

— Всё никак не забудете Нинель?

— Я бы и рад забыть, только не всё сразу. Время лечит самые тяжёлые травмы и эта со временем сгладится. — ответил Барри вспомнив слова самой Камиллы.

— Ну а проживаете всё также на своём баркасе? — Жером улыбнулся своей шутке, так как Барри построил роскошный корабль взамен сгоревшего старого баркаса. Огромный плавучий дом стоял на прежнем месте у Меликова моста, привлекая внимание прохожих. На этом лайнере даже имелась отдельная комната для кота Корнелиуса.

— Робер поругался немного, но уступил моему проекту с плавучим домом. Глядя на меня и другие стали обустривать плавучие дома. Я выступаю консультантом в вопросах строительства лайнеров для жилья на реке.

Робер встрепенулся на очередной кочке и пробормотал:

— Я не сплю! — покрутил затёкшей шеей, прокашлялся и вклинился в разговор. — А назвали свой плавучий дворец как?

— «Баркас»!

Все грохнули смехом, от которого сопровождающие всадники тоже перестали пребывать в расслабленной полудрёме и слегка пришпорили лошадей.

— Пора бы уж и привал устроить! — князь посмотрел на свиту, тут же раздалась команда:

— Привал!

Все вышли из экипажей и стали разминать затёкшие ноги и спины. Всадники спешили, из подъехавших повозок выскочили драгуны и слуги, все сразу засуетились, обустривая бивуак по всем правилам. Задымили походные кухни, почти сами собой поднялись шатры, потянуло дымом и запахами готовящейся пищи.

Барри махнул рукой и из повозки выскочили несколько слуг. Выслушав распоряжение своего хозяина стали споро расстилать большую скатерть прямо на земле, расставлять припасы. Шкет привычно уселся, приглашая остальных последовать его примеру, разлил вино по фужерам. Барри ещё отдавал какие-то распоряжения, Жером и Камилла составили компанию Шкету.

Князь, вернувшийся из ближайших кустов, проследовал к своему столу, постоянно оглядываясь на своих спутников и резко развернувшись, направился в их сторону.

— Надеюсь, что не прогоните? — князь уселся на землю, вытянул ноги и пригубил из кубка вино. — Хорошо-то как! — все дружно согласились, молча кивнув, так как говорить с набитым ртом неприлично.

— Э! А хозяина не забыли? — Барри подтолкнул Шкета, освобождая себе место, взял бутылку и стал отхлёбывать прямо из горлышка.

— Барри! — укоризненно сказал князь. — Как так можно?!

— Не нравится, так идите за свой стол.

— Ну, что вы сразу! Я говорю, что как хорошо так, в прежней компании! А вы меня гоните. — князь обиженно надул губы и сам не выдержал и рассмеялся.

— Ваше величество! Мы всё приготовили. Можно обедать. — граф Монморо склонился в поклоне, приглашая князя за отдельный стол.

— Вот и идите и кушайте там сами! Мне и тут хорошо! — Князь по-простому взял куриную ножку рукой и вгрызся в сочную мякоть, а так как граф в недоумении стоял и не уходил, то стал махать на него свободной рукой.

— Идите, идите.

Затем, по примеру Барри, взял ближайшую бутылку и тоже принялся отхлёбывать прямо с горлышка.

После привала дорога пошла немного веселее. Барри рассказывал в лицах, на какие ухищрения идут мамыши девиц на выданье, чтобы привлечь его внимание к очередной претендентке на звание его невесты, компания заливалась смехом от уморительных ситуаций и комментариев князя. Камилла перебирала своих знакомых девушек из столицы, предлагая альтернативные варианты для Барри. И тут не обошлось без язвительных комментариев князя, относительно кандидаток в жёны. Жером перешёптывался со Шкетом по поводу организации службы в полиции.

Эскорт всадников во главе с графом с завистью смотрели на князя и его веселящихся спутников, среди которых по рукам уже пошла фляжка вахмистра Кристиана Ламбрехта. Граф видя такое, остановил своего адъютанта и спросил его фляжку, на что получил ответ, что не имеет такой привычки, носить фляжки со спиртным.

— А у нашего князя такая привычка имеется! — воскликнул граф и умчался к обозу в поисках спиртного. Через какое-то время он вернулся в строй заметно повеселевший.

Когда добрались до большого села с незапомнившимся названием, все уже были в изрядном подпитии. Разбили лагерь на окраине. Барри предложил проверить местный кабак на предмет развлекательных и увеселительных представлений, что было встречено с энтузиазмом. В компанию стал проситься и князь, который ещё не успел переодеть запыленный дорожный камзол. Шкет осмотрел Робера и вынес вердикт:

— Сойдёт за простого горожанина. Я так думаю, что тут немногие знают нашего правителя в лицо.

Моновиль подтвердил его слова:

— Учитывая, какие портреты рисуют местные художники, это не удивительно.

Робер удовлетворённо потёр руки:

— Знаете, друзья. Только в вашей компании я чувствую себя свободным. Особенно почувствовал это в нашем прошлом приключении.

Кабак был полон разношёрстной публикой, как местной, так и из числа проезжающих купеческих обозов и просто путешествующих. Вполне мирное зрелище людей, решивших отдохнуть от долгой дороги или ежедневного труда в поле.

Группа дворян сидела за отдельным столом, отгороженным от остального зала деревянными ширмами, через щели рассматривали простую публику и с интересом слушали усатого офицера, который давал язвительные характеристики зашедшим.

Шкет подошёл к стойке и стал заказывать.

— У нас сегодня молодой кабанчик с хреном в сметанном соусе, перепела с хрустящей

корочкой, караси в кляре и соевом соусе с чесноком, черным перцем и приправами из разных трав.

— А из выпивки, что имеется? — Барри подошёл к стойке и снял шляпу, продемонстрировал свои рожки смески, чем вызвал новый взрыв смеха за столом благородных.

Буфетчица, посмотрев на рожки, сразу снизила планку:

— Есть самогон из свеклы и вино этого урожая.

От озвученного меню князя ошутимо передёрнуло, он вклинился в заказ:

— Из еды давайте всё озвученное, а вот вино подайте самое лучшее и не мелочитесь, несите побольше.

— Какой столик вам накрыть?

Князь окинул зал и остановил свой выбор на столике за ширмами. Буфетчица с сомнением проследила за его взглядом и ушла за занавеску. Через мгновение оттуда вышел здоровенный бугай. По облику и поведению поняли, это вышибала. Не дожидаясь вопросов от вышибалы, князь высыпал горстку золотых монет. На перезвон золота выглянул хозяин, вопрос с выбором столика мгновенно решился в пользу заказчика.

Пока накрывали на стол, Жером поинтересовался о наличии свободных номерах в гостинице и ушёл с Камиллой посмотреть номер.

Номер был совсем маленьким и имел всего одно достоинство — большую кровать. Камилла просмотрела постель и сразу затребовала новое бельё, Жером стал просматривать углы на предмет клопов. Внесённый задаток за комнату позволил решать все вопросы быстро и без возражений. Идиллию нарушил прибежавший мальчик, который с порога закричал:

— Там ваших друзей убивают.

Жером рванулся вниз по лестнице, а Камилла вручила мальчишке записку, объяснила, где находятся гвардейцы, и сунула в руку монету, для скорости.

— А хорошо отдохнули, — князь потрогал наливающийся синяк под глазом, — душевно так!

Граф Монморо был другого мнения. Его солдаты, уже расположившиеся для отдыха, собирались в большой спешке. Сам граф рванул сразу к месту происшествия, подхватив мальчишку к себе в седло, чтобы показывал дорогу.

Драка в трактире шла с большим размахом. Князь размахивал табуретом перед лицом дворянина, который всё силился достать шпагу, но у него не получалось в суматохе и обрушивающихся на него ударов со всех сторон. Барри соорудил кистень, привязав к шейному платку медный кувшин с вином, и наносил удары по головам учувствовавших в драке, расплёскивая вино по сторонам. Несколько человек уже успокоились и мирно лежали без признаков сознания на полу. Трактирщик спрятался за стойкой и с горестным лицом наблюдал за разгромом его заведения. Прибывшие драгуны не принесли порядка, так как ринулись на защиту князя, по пути снося столы и посетителей, которые не успели убежать на улицу.

Граф распорядился вывести князя из кабака, что и было исполнено. Правда князь всё порывался вернуться и воинственно размахивал ножкой от стула.

Драгуны выводили участников свалки на улицу и расставляли вдоль стенки, без всякого уважения тыкали носом в брёвна и обыскивали на предмет оружия. Робкие крики, насчёт

дворянского происхождения, пресекали затрещинами и зуботычинами.

Продолжив движение на следующее утро, компания со смехом вспоминала драку и подтрунивала над князем и его «фингалом». Князь был немного угрюм, что впрочем, можно было отнести насчёт похмелья. А выпито было много. В ход пошло и «отличное Алуазьинское» и «самогон из свеклы». Расщедрившись, князь оплатил разгром в кабаке, чему был несказанно рад хозяин и ещё долго кричал благодарности в след уезжающим. Граф Монморо всё сокрушался по поводу князя, и как ему казалось, его поведения, недостойного дворянина. Видя, что его увещевания пропадают всуе, замолчал и поглядывал на своего адъютанта, который всё порывался всучить ему фляжку с коньяком.

Барри, заметив фляжку адъютанта, махнул ему рукой и свинтив крышку протянул Роберу.

— Полечиться сейчас будет правильнее, чем болеть неизвестно сколько времени.

Шкет достал свою фляжку и отпив несколько глотков спросил:

— А все-таки, куда мы едем? Сборы были такими быстрыми, что даже не успели поинтересоваться пунктом назначения. Поначалу думал, что опять в подземелье, но мы сейчас едем совершенно в другую сторону.

Князь оторвался от фляжки:

— У подземелья теперь расквартирован полк пикинеров. Было бы неразумным оставлять такое место без охраны, да ещё учитывая, что Нинель сбежала. Уж она то, своим хозяевам всё рассказала. Не надо своего сюзерена считать тупицей.

— Как можно, ваше высочество! — Барри картинно поклонился.

— Перестаньте паясничать, мы же друзья.

— Ну, так куда мы направляемся?

— Мы едем отдать дань почести нашему другу господину Ламбрехту.

— Да! Жаль Кристиана.

Все помолчали и не сговариваясь приложились к своим фляжкам. Глядя на них и граф Монморо достал из-за голенища ботфортов плоскую фляжку и приложился. В короткое время он перенял привычку князя носить фляжку с горячительным. Один только адъютант, глядя на них и на свою фляжку в чужих руках, горестно вздохнул.

Добравшись до места, князь вышел из коляски и подозвал графа Монморо и своих спутников. Из дома вышла старушка, которая с удивлением смотрела на приехавших. Робер поклонился женщине и достал папку. Прокашлявшись, кивнул графу Монморо:

— Записывайте.

Ещё раз прокашлялся и торжественно продолжил:

— За выдающиеся заслуги перед княжеством, доблесть и преданность драгуна Кристиана Ламбрехта произвести в звание бомбардир.

Граф Монморо с удивлением посмотрел на Робера, но ничего не сказал против. Князь заметив его взгляд бросил:

— Записывайте, записывайте.

Повернулся к своей свите и поманил невзрачного чиновника, который всю поездку был вне внимания.

— Выдать причитающееся жалование бомбардиру за месяц.

Невзрачный чиновник выложил несколько монет на установленный походный столик. Князь продолжил:

— За спасение жизни своего сюзерена бомбардиру Ламбрехту досрочно присвоить

звание вахмистр. — Князь взглянул на невзрачного, который тут же выложил на стол несколько золотых монет.

— За проявленную смелость и самопожертвование присвоить вахмистру Ламбрехту досрочное звание унтер-офицер.

Чиновник в очередной раз отсыпал золотых монет на стол.

— За проявленную смелость и находчивость, за защиту чести и достоинства своего сюзерена на дуэли унтер-офицеру Ламбрехту присвоить звание есаул, возвести в дворянское сословие в звании шевалье, посмертно.

Чиновник достал большой кошель и присоединил к кучке монет на столе.

При словах посмертно, старушка схватилась за сердце.

— Врача, скорей. — князь и это предусмотрел.

Врач быстро привёл в сознание старушку, которая со страхом смотрела на князя, и только прошептала:

— Пожалейте! Он ещё не правился от ран.

Князь с недоумением посмотрел на женщину:

— Кто?

— Да сын мой непутёвый, Кристиан.

— Так он жив?

— Привезли крестьяне. Весь побитый и израненный.

Больше князь ничего не спрашивал, а сразу направился в дом, где и нашёл Кристиана, лежащего на кровати.

После обследования врача и небольших переговоров, князь ещё раз попросил внимания и уже не глядя в свою записную книжку сказал:

— За проявленное мужество в бою присвоить есаулу Ламбрехту звание ротмистр.

Чиновник растерянно посмотрел на князя, к очередной выплате он был не готов. Робер, видя его замешательство, снял с руки несколько колец и золотую цепь с шеи.

Кавалькада неспешно двигалась обратно. Позади осталась деревня Кастигон, с раненым Кристианом, большое селение, с недавно разгромленным кабаком. Вокруг были поля и редкие рощи. Граф Монморо отправил вперёд сводный отряд для подготовки ночёвки, остальные неспешно двигались по дороге.

— И что теперь дальше? — Шкет посмотрел на Робера, который в задумчивости жевал травинку.

— А дальше будет всё как прежде — вставил своё слово Барри.

Моновиль встрепнулся от своих мыслей:

— Как прежде уже не будет. Будет всё по другому.

Князь тяжело вздохнул, надув щёки и выпуская медленно воздух из груди:

— Всё действительно будет по-другому, и в тоже время всё будет, как и прежде. Жизнь вернулась в прежнее русло. Все обыватели будут жить по старому, а причастные к событиям будут жить по-новому. Вот вы, Шкет, вернее Мозес, теперь уже старший дознаватель в полиции. Жером перевёлся в столицу, будет работать совместно с супругой. Барри заделался рантье и промышленником, поставляет бомбы для армии. Даже новый вид войск появился — бомбардиры.

Барри тяжело вздохнул:

— Вот раньше я не работал и был счастлив, а теперь, — он махнул рукой.

— А теперь тоже не работаешь, а денежки набегают процентами на капитал. Наверное уже больше двух миллионов?

— Денег уже скоро три. Теперь я только и думаю, как их не потерять. Советчиков набежало, пропасть.

Камилла вклинилась в их разговор:

— У меня фабрика. Хоть и досталась от государства, но пока была хозяйкой, привыкла к управлению и мне нравится. Вот и тебе понравится управлять капиталом.

— Я думаю пустить деньги на разработку новинок, благо в запасниках у Шкета в полиции много чего есть, что можно воплотить в жизнь.

Князь задумался, посмотрел на своих соратников.

— Нас теперь не оставят в покое. Нас, то есть княжество. Заметили, как быстро ретировались джигиты обратно в эмираты. Нинель обладает секретными знаниями, что тоже не придает спокойствия. Нас будут дёргать по разным поводам, так как уже раз показали, что обстановку можно раскачать до гражданской войны. Недалеко и до вторжения соседей. Информация разлетится как искры на ветру. А ещё странные предметы и оружие, что хранится в спецхране полиции, указывает на то, что и в нашу сторону приходят посетители из странного подземелья.

Барри поправил свой автомат, с которым не расставался в последнее время, помня про пирим.

— А если попробовать повторить такой автомат? Вроде всё не так уж и сложно. Вооружить армию. С таким оружием никакие враги не страшны.

— Разговор дилетанта, — Моновиль обречённо махнул рукой. — Даже ваших миллионов не хватит сделать хотя бы одну такую копию, не говорю про тысячи. А стрелы к такому оружию? Сколько у вас осталось стрел в запасе? Тридцать, сорок. Вот о чём разговор. Даже княжеству не осилить такую нагрузку в стрелах. А сколько металла уйдёт на это? А начинка? Мы не готовы к такому оружию.

— Если судить так, то ничего делать не нужно.

— Ну почему ничего не нужно. Нужно! Нужно поднимать промышленность. Только где брать рабочих, станки для такой промышленности.

Князь прервал разговор:

— А если из подземелья полезут воины с таким оружием? Чем мы сможем им ответить?

Все замолчали, обдумывая сказанное.

Больше книг на сайте - Knigoed.net